АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1953

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР И ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза.

Дорогие товарищи и друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Имя СТАЛИНА — бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ СТАЛИН создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее; вместе с Лениным товарищ СТАЛИН был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ СТАЛИН привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране. Товарищ СТАЛИН привел нашу страну к победе над фашизмом

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
№ 9

во второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ СТАЛИН вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР.

Смерть товарища СТАЛИНА, отдавшего всю свою жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира.

Весть о кончине товарища СТАЛИНА глубокой болью отзовется в сердцах рабочих, колхозников, интеллигентов и всех трудящихся нашей Родины, в сердцах воинов нашей доблестной Армии и Военно-Морского Флота, в сердцах миллионов трудящихся во всех странах мира.

В эти скорбные дни все народы нашей страны еще теснее сплачиваются в великой братской семье под испытанным руководством Коммунистической партии, созданной и воспитанной Лениным и Сталиным.

Советский народ питает безраздельное доверие и проникнут горячей любовью к своей родной Коммунистической партии, так как он знает, что высшим законом всей деятельности партии является служение интересам народа.

Рабочие, колхозники, советские интеллигенты, все трудящиеся нашей страны неуклонно следуют политике, выработанной нашей партией, отвечающей жизненным интересам трудящихся, направленной на дальнейшее усиление могущества нашей социалистической Родины. Правильность этой политики Коммунистической партии проверена десятилетиями борьбы, она привела трудящихся Советской страны к историческим победам социализма. Вдохновляемые этой политикой народы Советского Союза под руководством партии уверенно идут вперед к новым успехам коммунистического строительства в нашей стране.

Трудящиеся нашей страны знают, что дальнейшее улучшение материального благосостояния всех слоев населения — рабочих, колхозников, интеллигентов, максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества всегда являлось и является предметом особой заботы Коммунистической партии и Советского Правительства.

Советский народ знает, что обороноспособность и могущество Советского государства растут и крепнут, что партия всемерно укрепляет Советскую Армию, Военно-Морской Флот и органы разведки с тем, чтобы постоянно повышать нашу готовность к сокрушительному отпору любому агрессору.

Внешней политикой Коммунистической партии и Правительства Советского Союза являлась и является незыблемая политика сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами.

Народы Советского Союза, верные знамени пролетарского интернационализма, укрепляют и развивают братскую дружбу с великим китайским народом, с трудящимися всех стран народной демократии, дружественные связи с трудящимися капиталистических и колониальных стран, борющимися за дело мира, демократии и социализма.

Дорогие товарищи и друзья!

Великой направляющей, руководящей силой советского народа в борьбе за построение коммунизма является наша Коммунистическая партия. Стальное единство и монолитная сплоченность рядов партии — главное условие ее силы и могущества. Наша задача — как зеницу ока хранить единство партии, воспитывать коммунистов как активных политических бойцов за проведение в жизнь политики и решений партии, еще более укреплять связи партии со всеми трудящимися, с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, ибо в этой неразрывной связи с народом — сила и непобедимость нашей партии.

Партия видит одну из своих важнейших задач в том, чтобы воспитывать коммунистов и всех трудящихся в духе высокой политической бдительности, в духе непримиримости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета СССР, обращаясь в эти скорбные дни к партии и народу, выражают твердую уверенность в том, что партия и все трудящиеся нашей Родины еще теснее сплотятся вокруг Центрального Комитета и Советского Правительства, мобилизуют все свои силы и творче-

скую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране.

Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества.

Да здравствует великое, всепобеждающее учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина!

Да здравствует наша могучая социалистическая Родина!

Да здравствует наш героический советский народ!

Да здравствует великая Коммунистическая партия Советского Союза!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР	ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

5 марта 1953 года

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1953

В. А. АВРОРИН

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ СЕВЕРА И МЕСТНЫЕ ДИАЛЕКТЫ*

1

Малые народы Крайнего Севера встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию в состоянии полного политического бесправия и крайней экономической и культурной отсталости. Будучи лишены возможности подняться выше стадии разложения патриархально-родового строя, в своей массе они оставались наиболее отсталыми из всех народов царской России. Ни один из народов Крайнего Севера не имел своей письменности. Предпринимавшиеся в середине XIX в. попытки отдельных миссионеров создать письменность на языках народов Севера с единственной целью распространения православия, как известно, не привели ни к каким результатам. Само назначение этой письменности было совершенно чуждым для народов Севера, да и знание языков у миссионеров, как правило, оставляло желать лучшего.

Казанским и другими миссионерскими обществами были изданы буквари на ненецком, саамском, мансийском, хантыйском, эвенском и нанайском языках. Наряду с букварями издавались переводы молитвенников и отрывков из евангелия. Вся эта «литература», насчитывавшая на отдельных языках (например, нанайском) до 7—8 названий, совершенно не пользовалась популярностью среди народов Севера и не оказала никакого влияния на их культурное развитие. Слабое знание русского языка и почти полное отсутствие школ на Крайнем Севере не позволяли этим народам овладевать и русской грамотой. Официально считавшиеся грамотными на русском языке составляли не более 2% взрослого населения, людей же, более или менее свободно читавших и писавших по-русски, т. е. действительно грамотных, было ничтожно мало.

А между тем настоятельная потребность в письменности ощущалась повсеместно. Об этом убедительно свидетельствуют существовавшие с давних пор у народов Севера системы пиктографического письма, имевшего наиболее широкое применение у юкагиров и коряков, системы тамг, бирок, путевых знаков и т. д., вплоть до изобретенной лет 30 назад чукчей-пастухом Теневилем системы иероглифического письма. Ограниченные

---

* Настоящая статья представляет собой несколько дополненную часть доклада, прочитанного на Совещании по языкам народов Севера, состоявшемся 8—13 декабря 1952 г. в Ленинграде. Доклад представлял собой общее введение к трем специальным докладам по конкретным литературным языкам: О. А. Константиновой по эвенкийскому языку, К. А. Новиковой по эвенскому языку и Н. И. Терешкина по хантыйскому языку. В заключительной части статьи, посвященной этим трем языкам, автор использовал материал указанных докладов и постановления, принятого совещанием.

средства и узкая сфера применения этих систем письма не давали им возможности сыграть сколько-нибудь значительную роль в деле культурного развития народов Севера.

Только Советская власть, руководимая Коммунистической партией, смогла вывести народы Крайнего Севера, вместе со всеми остальными народами нашей Родины, на широкую дорогу экономического, политического и культурного прогресса. Только Советская власть смогла поставить и разрешить задачу создания письменности и литературных языков народов Севера. Сразу же после окончательного установления Советской власти на Крайнем Севере (с середины двадцатых годов) началась планомерная подготовка кадров местной интеллигенции, что позволило уже в самом начале тридцатых годов создать письменность на языках народов Севера, начать издание учебной, массово-политической, художественной и другой литературы и ввести в первых классах нерусских школ Крайнего Севера преподавание на родных языках учащихся.

Прямым результатом последовательного осуществления в нашей стране ленинско-сталинской национальной политики явилось создание письменности и развитие литературных языков народов Крайнего Севера (под литературным языком автор понимает наиболее совершенную и всеобъемлющую устную и письменную форму проявления общенародного языка, характеризующуюся обработанностью и общеобязательной нормативностью и противостоящую внутри общенародного языка другой форме его проявления—диалектной).

Основой для решения любых вопросов, связанных с развитием литературных языков, в частности и вопроса о взаимодействии между литературным языком и местными диалектами, является марксистское учение о языке, созданное великим корифеем науки И. В. Сталиным. Наиболее важное значение для настоящей темы имеет учение И. В. Сталина об общенародном языке и его местных диалектах и говорах.

В своем гениальном произведении «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин, выдвигая и обосновывая программные положения об одном из трех основных условий перехода от социализма к коммунизму, пишет: «Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии»[1].

Претворяя в жизнь эти мудрые указания вождя, XIX съезд партии в своих директивах по пятому пятилетнему плану развития СССР выдвинул как одну из важнейших задач: «Завершить к концу пятилетки переход от семилетнего образования на всеобщее среднее образование (десятилетка) в столицах республик, городах республиканского подчинения, в областных, краевых и крупнейших промышленных центрах. Подготовить условия для полного осуществления в следующей пятилетке всеобщего среднего образования (десятилетка) в остальных городах и сельских местностях»[2].

Эта величественная задача приобретает особенно глубокий смысл, когда речь идет о младописьменных народах нашей страны, тем более —

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 68—69.

[2] Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

о малых народах Крайнего Севера, которые до Великой Октябрьской социалистической революции были в культурном отношении наиболее отсталыми из всех народов царской России.

За годы Советской власти, благодаря неустанной заботе партии и правительства, благодаря повседневной братской помощи великого русского народа, народы Севера проделали невиданный по темпам путь культурного развития, путь приобщения к передовой социалистической культуре. Достаточно сказать, что сейчас в различных высших учебных заведениях страны обучается более двухсот представителей этих народов, десятки их уже получили законченное высшее образование, а семь человек проходят аспирантскую подготовку и готовятся к защите кандидатских диссертаций. Однако задача распространения десятилетнего образования на все молодое поколение народов Севера потребует для своего осуществления значительных усилий и большой подготовительной работы как со стороны органов народного образования, местных советских и партийных организаций, так и со стороны научных работников, в первую очередь — языковедов и методистов. Основные усилия научных и практических работников по языкам народов Севера должны быть сейчас направлены на то, чтобы добиться максимально эффективного использования родных языков местного населения и литературы на этих языках в практике школьной и внешкольной работы. Именно это лучше всего поможет учащимся нерусских северных школ приобрести элементарные знания и навыки чтения и письма на родном языке — что является фундаментом всякого образования — и в то же время в достаточной мере овладеть русским языком, на котором они будут обучаться, начиная с третьего класса.

Таким образом, мудрые указания И. В. Сталина и директивы XIX съезда партии обязывают нас обратить самое серьезное внимание на ход формирования и развития младописьменных литературных языков, в том числе и языков народов Севера, выявить все допущенные в этом сложном процессе ошибки с тем, чтобы дальнейшее развитие литературных языков шло по правильному направлению, максимально обеспечивающему культурный рост советского общества.

2

Формирование и развитие литературных языков народов Крайнего Севера протекает в специфических условиях, в большей или меньшей степени отличающихся от условий, в которых протекают аналогичные процессы у других народов Советского Союза.

Прежде всего необходимо отметить, что малые народы Крайнего Севера в силу исторически сложившихся причин не консолидировались в отдельные самостоятельные нации. Препятствием к сложению в отдельные нации служит хотя бы их крайне малая численность и территориальная разобщенность. 23 народности нашего Крайнего Севера составляют всего около 150 тыс. человек, причем самая большая из них — эвенки — насчитывает около 30 тысяч, а самые маленькие — ороки и алеуты — менее 500 человек каждая. Несмотря на такую малую численность, некоторые народности Севера расселены на огромных территориях, равных территориям нескольких европейских государств вместе взятых.

Понятно, что при такой малой численности и огромных территориях расселения народы Севера живут крайне распыленно, в условиях оторванности и разобщенности отдельных территориальных групп, между которыми отсутствуют постоянные экономические, культурные и всякие иные связи. Отдельные группы того или иного из малых народов Севера имеют очень часто значительно более тесные территориальные, хозяйственные,

общественно-политические и даже культурные связи с представителями других совместно живущих с ними народов (русских, коми, якутов, бурят), чем между собой. Несомненно, что, например, западные группы ненцев бассейна р. Печоры имеют более тесные связи с местными русскими и коми, чем с восточными ненцами низовьев Енисея; эвены на территории Якутской АССР теснее связаны с якутами, чем с эвенами, живущими на Камчатке; северобайкальские эвенки теснее связаны с местными русскими и бурятами, чем с сахалинскими эвенками.

Речь здесь идет, понятно, не о родственных, не о языковых связях, не об особенностях национальной формы культуры, которые объединяют все части каждой из этих национальностей в единое целое, независимо от их территориальной разобщенности, а о постоянных, повседневных связях в общественно-трудовой практике.

Все более и более важное значение приобретает то, что малые народности Севера, как правило, живут, трудятся, обучаются и участвуют в общественно-политической жизни совместно с русскими, составляющими во многих районах Крайнего Севера значительное большинство населения. Это тесное общение с представителями великого русского народа — носителя лучших революционных традиций и самой передовой социалистической культуры — сыграло большую роль в невиданно быстром переходе народов Севера от патриархально-родового уклада к социализму.

Изложенное выше не позволяет рассматривать малые народы Севера как сложившиеся нации. Они представляют собой не нации, а народности. Поэтому и языки их обладают особенностями, характерными для языков народностей, а не языков наций, не национальных языков в терминологическом смысле этого слова.

Особенности функционирования и развития языков народностей Севера состоят в следующем.

Все эти языки имеют большее или меньшее количество местных диалектов. Диалекты, как правило, в свою очередь распадаются на ряд говоров.

Наиболее сложную картину в диалектологическом отношении представляет эвенкийский язык, который в пределах СССР имеет, повидимому, три основных диалекта, разделяющихся на большое число говоров. Однако вопрос этот оказался совершенно запутанным специалистами, исходившими в определении диалектного состава эвенкийского языка и самого понятия «диалект» из антинаучной марровской идеи о скрещенном, гетерогенном характере каждого языка, из необоснованных фантазий о непрерывных переселениях эвенков и столь же необоснованного стремления видеть у современных эвенков живые следы племенной организации. Вопрос запутан настолько, что сейчас без дополнительного экспедиционного изучения разобраться в нем не представляется возможным. Сложно обстоит дело с хантыйским языком, который, к тому же, слабо изучен в диалектологическом отношении. Предполагают даже, что из единого в прошлом хантыйского языка к настоящему времени образовалось по меньшей мере три самостоятельных языка на базе трех его первичных диалектов: северного, южного и восточного. Диалектная пестрота с более или менее значительными различиями между диалектами, порой сильно затрудняющими общение, характерна также для эвенского, нанайского, ненецкого и для других языков народностей Севера. Исключение составляет лишь чукотский язык, имеющий всего лишь два незначительно различающихся диалекта.

Однако характерная черта языков народностей Севера состоит не в этом, ибо и языки наций надолго сохраняют местные диалекты и говоры. Характерным для языков народностей Севера является то, что, ввиду отсутствия процесса сложения их носителей в самостоятельные нации, а также слабого

и пока еще весьма недолговременного воздействия литературных языков, процесса концентрации диалектов в них или вовсе нет, или он находится в самом зачаточном состоянии. Это уже весьма значительное и весьма существенное отличие языков народностей Севера от языков наций.

В нерусских школах Крайнего Севера, в соответствии с утвержденным учебным планом, обучение на родном языке ведется в первых трех классах: подготовительном, первом и втором. В следующих двух классах начальной школы родной язык сохраняется как предмет обучения, а языком преподавания становится русский язык, изучение которого ученики начинают с первых дней прихода в школу. Понятно, что опытные учителя прибегают к помощи родного языка не только в старших классах начальной школы, но и в средней школе, добиваясь этим путем более глубокого проникновения учащихся в содержание изучаемого материала. Но родной язык в этих случаях используется лишь как дополнительное средство, а преподавание всех предметов ведется уже на русском языке, тем более, что, начиная с третьего класса, дети народностей Севера, как правило, обучаются совместно с русскими детьми.

Русский язык на Крайнем Севере почти повсеместно стал межнациональным средством общения. Им в той или иной степени, чаще, правда, пока еще в слабой, владеет бóльшая часть коренного населения. Русский язык во всех районах Крайнего Севера служит языком делопроизводства, местной периодической печати и радиовещания.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что для подавляющего большинства представителей народностей Севера основным средством повседневного общения друг с другом, средством выражения мыслей и взаимного понимания остаются и, несомненно, еще надолго останутся их родные языки. Русским языком в достаточной мере владеет, в основном, лишь местная интеллигенция, пока еще немногочисленная. Остальная масса населения, исключая отдельные группы ханты, манси, эвенков, коряков, фактически утратившие свои прежние родные языки, владеет русским языком в слабой степени, а часть населения даже вовсе не владеет им. Это относится в первую очередь к ведущим кочевой образ жизни ненцам, чукчам, корякам, эвенкам, к северным группам ханты и манси, а также к эскимосам. Значительное большинство детей приходит в школы Крайнего Севера или вовсе не зная русского языка или зная его в самой слабой степени, не дающей им возможности овладевать на этом языке грамотой и получать нужные знания.

Рассмотренные выше особенности языков народностей Севера и специфические условия, в которых они функционируют, не позволяют подходить к ним с теми же мерками, с которыми мы подходим к языкам наций. Эти особенности и специфические условия диктуют, в частности, особое решение вопроса о роли и пределах применения литературных языков этих народностей, исходя из общих задач повышения культурного уровня народностей Севера и полного вовлечения их в социалистическое строительство, исходя из основных принципов национальной политики нашей партии.

Литературные языки народностей Севера в настоящее время призваны играть весьма важную, даже можно сказать — решающую роль в деле первоначального приобщения к социалистической культуре того большинства коренного населения Крайнего Севера, которое еще не овладело в достаточной мере русским языком. Имеющаяся еще кое-где на местах недооценка больших возможностей родного языка населения, нежелание использовать эти возможности в политико-просветительной работе через лекционную пропаганду, местную печать, радио и т. д. идут вразрез с принципами национальной политики партии и при-

носят большой вред делу культурного и политического роста населения нашего Севера.

Литературные языки народностей Севера должны служить базой первоначального образования в объеме трех классов, в первую очередь — базой обучения грамоте. Общеизвестно, что хорошо и быстро овладеть техникой чтения и письма можно только на родном языке. Овладевая грамотой на родном языке, учащиеся нерусских школ Севера тем самым овладевают и русской грамотой, поскольку их родная письменность построена на основе русского алфавита и учитывает основные правила орфографии русского языка.

Родной язык должен не только содействовать лучшему пониманию и усвоению программного материала, но и служить орудием развития у учащихся навыков логического мышления. Особенно важную роль в этом отношении должно играть изучение грамматики родного языка. Великий русский педагог К. Д. Ушинский неустанно подчеркивал эту важную роль изучения родного языка, особенно его грамматики, в развитии логического мышления детей[3].

Литературные языки призваны служить одним из важнейших средств развития художественного творчества народностей Севера, в первую очередь — художественной литературы, а также песенного и сценического творчества, успешно развивающегося на Крайнем Севере и пользующегося всеобщей любовью. Наконец, языки народностей Севера должны быть использованы как одно из важных средств, помогающих их носителям в совершенстве овладеть русским языком, к чему совершенно добровольно и сознательно стремятся все народности Севера, прекрасно понимая, что только при помощи русского языка они смогут овладеть высшими достижениями социалистической культуры.

Перечисленные выше жизненно важные в условиях Крайнего Севера задачи определяют собой бесспорную необходимость развития и использования литературных языков народностей Севера как в школе, так и в культурно-просветительной работе среди взрослого населения. Вместе с тем эти же задачи определяют для настоящего времени и пределы использования литературных языков народностей Севера. Расширение этих задач за пределы намеченных выше рамок, попытки подхода к языкам народностей Севера как к языкам крупных наций могут привести лишь к снижению роли русского языка, а тем самым — к искусственному затормаживанию культурного роста коренного населения Крайнего Севера. Необходимо учитывать, что литературные языки народностей Крайнего Севера пока еще не настолько развиты, чтобы на них можно было перевести все или даже хотя бы основные произведения классиков марксизма-ленинизма, чтобы на них можно было создавать или переводить на них научную литературу, чтобы можно было перевести любое художественное произведение, причем перевести так, чтобы это было понятно большинству. Кроме того, относительная малочисленность и территориальная распыленность народностей Севера не позволяют пока открывать для них отдельные средние школы или даже параллельные классы в средних школах, где обучение велось бы на их родных языках.

3

Роль и пределы использования литературных языков народностей Севера ставят их в несколько особое положение по сравнению с младописьменными национальными языками. Однако, поскольку речь и в том

[3] См. К. Д. Ушинский, Собр. соч., М.—Л., Изд-во АПН РСФСР, т. 2, 1948, стр. 557—560; т. 5, 1949, стр. 340 и 355; т. 7, 1949, стр. 237, 243 и др.

и в другом случаях идет о литературных языках, как особым образом обработанных, нормализованных и унифицированных формах проявления народно-разговорных языков, постольку характер самого процесса формирования и развития литературных языков социалистических народностей Советского Севера в их взаимоотношениях с местными диалектами не имеет и не может иметь принципиальных отличий от аналогичного процесса развития литературных языков социалистических наций.

Как всякий литературный язык, литературные языки народностей Севера могут выполнять свое общественное назначение и развиваться только тогда, когда они прочно опираются на базу живой народно-разговорной речи. Для обеспечения такой опоры есть лишь одно надежное средство — положить в основу литературного языка один из живых диалектов или говоров. Такое решение и было принято в свое время в отношении всех литературных языков народностей Севера. В основу ненецкого литературного языка был положен большеземельский говор тундренного диалекта, в основу хантыйского — сначала казымский, а затем среднеобский говор северного диалекта, в основу мансийского — сосвинский диалект, в основу эвенкийского — непский говор, в основу эвенского — ольский говор восточного диалекта, в основу нанайского — найхинский говор амурского диалекта, в основу чукотского — восточный диалект, в основу корякского — чавчувенский диалект, в основу эскимосского — один из говоров чаплинского диалекта.

Такая народно-разговорная база необходима литературному языку, во-первых, для установления определенных, единых норм устной и, в первую очередь, письменной речи, без чего немыслим никакой литературный язык. Диалектная раздробленность языка проявляется в наличии разноречивых фонетических, лексических и грамматических норм. Задача литературного языка — устранить эту пестроту норм, отобрать в каждом случае диалектного расхождения из нескольких равнозначных норм одну и придать ей характер общеупотребительности. Во избежание возможной искусственности таких норм или привнесения их из других языков, они должны браться из живых диалектов и говоров данного языка.

Такая народно-разговорная база необходима, во-вторых, для сохранения литературным языком его народного характера взаимосвязанности и взаимообусловленности всех элементов его структуры. Только прочная опора на один определенный диалект или говор способна предохранить дело нормализации литературного языка от стихийности и от произвола отдельных лиц — носителей или знатоков различных диалектов,— т. е. устранить возможность превращения литературного языка в искусственную смесь норм, случайно надерганных из различных диалектов и говоров.

Возникает вопрос: какое именно территориальное подразделение языка — диалект или говор — отвечает этим задачам и потому должно служить основой литературного языка? По этому вопросу в среде специалистов нет единого мнения. Одни из них настаивают на том, что в основе литературного языка должен лежать диалект как более мощная и богатая, чем говор, языковая единица, а другие отстаивают права говора на роль основы литературного языка, указывая на то, что именно говор представляет собой тот тип языковой структуры, который не имеет дальнейших подразделений, и потому в нем отсутствует разнобой в равнозначных нормах.

Может ли выполнить указанные выше задачи диалект, если он будет положен в основу литературного языка? Может, но только в том случае, если он сам не делится на сколько-нибудь значительно различающиеся между собой говоры. Такое положение мы имеем, например, в чукотском языке.

Но избрать в качестве основы для литературного языка распадающийся на говоры диалект — значит остановиться в решении этого вопроса на полпути. Что значило бы, например, остановить свой выбор на амурском диалекте при решении вопроса об основе нанайского литературного языка? Это значило бы, что мы фактически допустили существование не одного, а по крайней мере трех «литературных» языков по числу основных говоров. Для «лодки» мы допустили бы названия: *огда* и *тэмчиэн*, для «воды» — *муэ* и *мукэ*, для «зайца» — *гормахон* и *токса*, исходный падеж обозначали бы то суффиксом *-диади*, то суффиксом *-дуки*, падежные суффиксы в притяжательном склонении стали бы писать то с дифтонгами, то с простыми гласными и т. д. Разве можно было бы при этом говорить о реальном существовании е д и н о г о нанайского литературного языка?

Останавливаться на диалекте при выборе основы литературного языка можно лишь в том случае, если этот диалект не имеет дальнейшего деления на говоры. Если же диалекты делятся на говоры, что характерно для большинства языков народностей Севера, то в качестве основы литературного языка должен быть избран определенный говор, а не диалект. Ведь наличие внутри диалекта говоров означает, что в его пределах нет полного единства речевых норм, что известная сумма норм имеет различные взаимоисключающие варианты. Чтобы не потерять своего качества (нормативности), литературный язык должен из каждого ряда однозначных норм выбрать одну как литературную, отбрасывая остальные.

Довод о том, что говор — слишком мелкая языковая единица, что им в качестве средства общения пользуется небольшая часть народа и что он значительно беднее диалекта,— едва ли можно считать убедительным. Говор — это, действительно, наименьшая единица территориальной дифференциации языка, а диалект по сравнению с ним — единица более крупная. Но именно в этом, как ни странно на первый взгляд, несомненные преимущества говора перед диалектом в интересующем нас вопросе.

Говор как основа литературного языка именно тем и удобен, что на нем практически повседневно говорит какая-то группа людей, что он представляет собой живую, естественно сложившуюся структуру, взаимодействие частей которой и способность к дальнейшему развитию проверены и подтверждены долговременной практикой общения.

Говор, несомненно, имеет более бедный арсенал речевых средств, чем диалект. Но, опять-таки, в данном случае богатство диалекта оказывается как раз его слабой стороной. Ведь диалект богаче каждого отдельного из своих говоров только в том отношении, что в говоре все нормы унифицированы, в нем, как правило, отсутствуют противоречащие друг другу нормы, а в диалекте объединены нормы всех его говоров, среди которых неизбежно оказывается немалое количество норм взаимоисключающих, ибо в противном случае никакого деления диалекта на говоры не было бы. Впрочем, необходимо иметь в виду, что понятия диалекта и говора соотносительны и что степени различий говоров внутри одного и того же диалекта бывают очень многообразны и неодинаковы. Поэтому литературный язык, важнейшей характерной чертой которого является нормативность, не может основываться на таком диалекте, в котором существуют для разных групп людей противоречивые и взаимоисключающие нормы.

Требование, чтобы основой норм литературного языка служил диалект, независимо от его дальнейшего деления на говоры, очень абстрактно и не считается с многообразием вариаций по говорам внутри одного диалекта. Если диалект, а не говор должен лежать в основе литературного языка потому, что диалект более мощная и более богатая единица, то почему же диалект, а не язык в целом должен быть такой основой? Ведь язык — еще более мощная и еще более богатая единица, чем диалект.

Впрочем, и такого рода требование выдвигалось неоднократно. Предлагалось строить литературный язык путем отбора норм из всех диалектов и говоров, хотя и не указывалось точно, какими принципами нужно руководствоваться при таком отборе. Делались лишь ссылки на наибольшую распространенность и удобство этих норм. Кто должен был решать вопрос о выборе норм, как при слабой изученности диалектов и говоров определить степень распространения той или иной нормы и что значит удобство нормы, когда всякому человеку наиболее привычная норма, естественно, кажется самой удобной, а перед лицом объективной действительности все равнозначные нормы равноценны,— оставалось неизвестным.

В оправдание этого требования, выдвигавшегося прежде всего в отношении эвенкийского литературного языка, вернее сказать, в оправдание допущенного разнобоя и неразберихи, указывалось на крайнюю диалектную пестроту данного языка и на необходимость сделать литературный язык понятным для всех групп эвенков. Говорилось при этом, что эвенкийский литературный язык, допускавший по воле ведущих специалистов свободное проникновение в него элементов из различных диалектов, вполне понятен для всех эвенков.

По поводу такого рода рассуждений необходимо сказать следующее. Во-первых, эвенкийский литературный язык понятен всем группам этой народности не потому, что он построен на смешении диалектов, а потому, что различия между диалектами эвенкийского языка не настолько значительны, чтобы они могли препятствовать взаимному пониманию. Что же удивительного в том, что люди понимают книги, написанные на диалектах их родного языка? И если бы эти книги писались на каком-то одном определенном говоре, они нисколько не стали бы менее понятными.

Во-вторых, дело не только в степени понятности литературного языка. Для пассивного пользования языком этого достаточно. Но ведь литературный язык создается не только для того, чтобы читать книги. Люди должны и активно пользоваться им, т. е. говорить и писать, в частности — писать и издавать книги. Едва ли можно сомневаться в том, что любой русский человек без особого труда понял бы текст, написанный на псковском говоре, но каждый, для кого этот говор не является родным или достаточно хорошо знакомым, испытал бы непреодолимые трудности, если бы ему самому понадобилось в строгом соответствии с нормами этого говора излагать свои мысли.

Литературный язык, нормы которого регулируются случайными соображениями отдельных специалистов, также может оказаться вполне пригодным для пассивного пользования им, но он будет, несомненно, совершенно непригодным для активного пользования. Ведь если нормы для литературного языка берутся из разных диалектов и говоров, то запомнить,— что́ литературно и что́ нелитературно, что́ нужно брать из одного говора, что́ из другого, что́ из третьего, оказывается практически невозможным. Вполне понятно, что такой литературный язык не может иметь шансов на успех и дальнейшее развитие, поскольку активно пользоваться им можно лишь не выпуская из рук орфографические, словарные, грамматические и нормативные справочники.

Всякие попытки строить литературный язык на основе сознательного смешения разнородных элементов, все равно — идет ли речь о смешении норм различных диалектов одного языка или о смешении норм различных говоров одного диалекта, неизбежно приводят в конечном счете к антимарксистской марровской схеме развития языка путем скрещения и никак не согласуются со сталинским учением о языке. Поэтому такого рода попытки должны быть самым решительным образом отброшены. Акад. В. В. Виноградов совершенно справедливо говорил в одном из своих

докладов: «Вопрос о народно-диалектной основе национального языка имеет большое историческое, культурно-общественное и политическое значение... Крепкая связь со строго определенной народно-диалектной основой особенно важна в периоды выработки общенациональной языковой нормы, в периоды складывания многообразной, функционально-разграниченной системы стилей»[4]. От себя добавлю, что такая крепкая связь с диалектной основой столь же необходима всякому литературному языку, особенно в начальные периоды его формирования, пока еще в нем не выработалась сила традиции. Но в еще большей мере эта связь необходима для литературных языков народностей Севера, формирование которых происходит без помощи такого мощного унифицирующего фактора, как концентрация диалектов.

Все сказанное выше вовсе не означает, что вопросу о понятности литературного языка, о помощи ему в деле завоевания прочных, действительно общенародных позиций не следует уделять внимания. Напротив, вопросы эти должны волновать и, несомненно, волнуют каждого работника по языкам народностей Севера. Но решение этого вопроса нужно искать вовсе не там, где его надеются найти некоторые товарищи. Вопрос этот решается прежде всего правильным выбором опорного диалекта или говора, на базе которого должен развиваться литературный язык.

Этот диалект (говор) должен принадлежать передовой в экономическом, общественно-политическом и культурном отношениях части народа, обладающей перспективами дальнейшего развития и пользующейся влиянием на другие части народа[5]. Желательно, чтобы эта группа была наиболее многочисленной и занимала центральное место на территории расселения всей народности. Сам диалект (говор) должен по своим характерным особенностям занимать центральное положение в системе диалектов данного языка, т. е. иметь по возможности наименее значительные отличия от других диалектов и уж во всяком случае не должен иметь таких черт, которые резко обособляли бы его от всех остальных диалектов.

Наличие этих условий вполне гарантирует достаточное богатство диалекта (говора), его способность к дальнейшему развитию и постепенному охвату своим влиянием всех групп данного народа. На такую единицу подразделения народно-разговорного языка, будь она диалектом или говором, литературный язык может положиться как на вполне надежную базу.

Таким образом, первая задача, от которой в значительной степени зависит все дальнейшее, состоит в том, чтобы правильно выбрать из ряда диалектов или говоров такой, который в наибольшей мере отвечает перечисленным выше требованиям. Гарантировать безошибочность выбора опорного диалекта (говора) может только детальная изученность диалектов данного языка и строгий учет уровня и перспектив политического, хозяйственного и культурного развития их носителей. Следует признать, что диалектологическая изученность языков народностей Севера пока еще крайне недостаточна. Это, между прочим, служило одной из причин серьез-

---

[4] В. В. Виноградов, Основные задачи советской науки о языке в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, газ. «Советская Молдавия» от 9 декабря 1951 г.

[5] Особо должен решаться этот вопрос в тех случаях, когда такая передовая территориальная группа народности в значительной мере утратила свой прежний родной язык и стала двуязычной, а потому практически не нуждается в литературе на языке, общем с другими частями народности. В этих случаях (например: южные и среднеобские ханты, кондинские манси, некоторые группы эвенков и эвенов, живущих на территории Якутской АССР) ориентация литературного языка на говор таких групп народности, конечно, нецелесообразна.

ных ошибок в выборе опорных диалектов для некоторых литературных языков, в установлении литературных норм, а также в вопросе об обогащении литературного языка за счет нелитературных диалектов.

4

Итак, базой для литературного языка должен служить один из диалектов или говоров. Однако литературный язык, прочно опирающийся на такую базу во всех своих главных и решающих нормах, не может целиком, без остатка, сводиться к своей базе. Литературный язык богаче любой из разновидностей диалектной речи и отличается от них своей обработанностью и нормативностью. Он богаче и всей совокупности диалектов данного языка, но не в смысле наличия в нем большего числа параллельных и равнозначных средств, а в смысле наличия более совершенных и детализованных возможностей выражения и передачи самых разнообразных по содержанию человеческих мыслей.

Литературный язык в своем развитии опирается на развитие народно-разговорного языка, находится от него в прямой зависимости, но вместе с тем значительно опережает его и в свою очередь призван служить толкачом для его дальнейшего движения вперед. А. С. Пушкин говорил, что «письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре», и тут же указывал, что «писать единственно языком разговорным — значит не знать языка»[6].

Развитие литературного языка идет как по линии расширения сферы его действия в среде представителей данного народа, так и по линии его дальнейшей обработки и нормализации, т. е. отбора наиболее точных, полноценных и выразительных средств, обогащения словарного состава, шлифовки и совершенствования грамматического строя, выработки различных стилей.

Обогащение литературных языков народностей Севера имеет три основных источника. Оно происходит, во-первых, за счет развития тех средств, которые дает сама база литературного языка, т. е. за счет создания новых слов при помощи собственных словообразовательных средств, расширения и уточнения значений слов, упорядочения и уточнения грамматических правил и т. п. Оно происходит, во-вторых, путем обогащения за счет нелитературных диалектов, за счет привлечения в литературный язык так называемых диалектизмов или провинциализмов и, наконец, путем обогащения за счет прогрессивного влияния русского языка, которое для языков народностей Севера имеет особо важное значение.

В связи с темой настоящей статьи нас может интересовать лишь второй из этих трех источников обогащения — нелитературные диалекты. Прежде всего необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что включение в литературный язык отдельных элементов из нелитературных диалектов и говоров должно быть вообще строго ограничено, а в каждом отдельном случае достаточно мотивировано. Иначе ни о какой нормативности языка, а следовательно и ни о каком литературном языке, не может быть и речи. Обогащение литературного языка за счет нелитературных диалектов должно иметь характер именно о б о г а щ е н и я, а не засорения его излишними диалектизмами, которые проникают в больших количествах в язык литературы и от которых литературный язык вынужден постоянно обороняться и избавляться. Всем известна решительная борьба А. М. Горького за очищение русского литературного языка и языка русской лите-

[6] А. С. П у ш к и н, Полное собр. соч., т. 12, М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 96.

ратуры от паразитического хлама лишних слов. Он указывал, что «местные речения, „провинциализмы“, очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя не характерные, не понятные слова»[7].

Необходимо подчеркнуть также, что обогащение литературного языка за счет нелитературных диалектов ограничивается почти исключительно областью словарного состава. Грамматический строй редко нуждается в таком обогащении. Он в основном оказывается общим для всех диалектов одного языка, и, по сути дела, местным диалектам почти нечем обогащать литературный язык. Расхождения обычно касаются частностей. Но и эти частности в отдельных диалектах находят лишь несколько различное проявление. Свободное перенесение таких своеобразных частностей из нелитературных диалектов в литературный язык приводило бы или к образованию параллельных однозначных норм, что противоречит принципу нормативности литературного языка, или к замене одних грамматических норм, органически связанных со всей структурой опорного диалекта, другими, равнозначными им, но не имеющими органической связи со структурой опорного диалекта, выросшими на другой диалектной почве. Понятно, что в таком «обогащении» литературный язык не нуждается. Известно, что грамматический строй является не только наиболее устойчивой, но, к тому же, и наименее проницаемой сферой языка.

В каких же случаях бывает оправданным и целесообразным обогащение словарного состава за счет нелитературных диалектов? Мне кажется, что здесь речь может идти лишь о трех случаях: 1) когда в опорном диалекте отсутствует нужное слово или выражение, а в каком-либо из местных диалектов оно имеется; 2) когда реальные потребности развития литературного языка, особенно его различных стилей, вызывают необходимость расширения синонимических средств; 3) когда отдельные слова и сочетания слов опорного диалекта имеют в других диалектах нежелательный смысл.

Со вторым из этих случаев в практике развития литературных языков народностей Севера, существующих всего два десятилетия и не выработавших еще четкой стилевой дифференциации даже в словаре, нам фактически пока не приходилось встречаться, если не считать неудачных попыток некоторых специалистов оправдать этим допущенное ими наводнение литературного языка диалектизмами. Первый же и третий случаи имели место в истории наших литературных языков и, возможно, встретятся нам еще не раз.

Приведу несколько примеров из нанайского языка. С первых же шагов создания литературы на нанайском языке пришлось столкнуться с тем, что в найхинском говоре, положенном в основу литературного языка, отсутствует слово, которым можно было бы обозначить такое необходимое для советских людей понятие, как «товарищ». Наиболее близкие по смыслу слова — *дна* и *анда* — удовлетворить не могли, так как *дна* — это, собственно, «сотрудник», «соратник», «спутник» или «напарник», а *анда* — это «друг», «приятель». Поэтому в литературный язык было введено и теперь уже прочно укрепилось в нем слово *бари* из сакачи-алянского говора, имеющее более широкое и отвлеченное значение, точнее передающее нужный нам смысл слова «товарищ».

В найхинском говоре не оказалось подходящего слова для обозначения понятия «собираться», в смысле «собираться на собрание». Наиболее близкое слово *хопалаори* обозначает «группироваться», «объединяться в небольшую группу, артель для совместной жизни или совместного труда».

---

[7] М. Горький, сб. «О литературе», М., «Советский писатель», 1937, стр. 128—129.

В литературный язык было введено из гаринского говора слово *поаори* с более широким значением, близким к нужному смыслу русского слова «собираться», а от него было образовано слово *поан* «собрание», которое сейчас употребляется наряду с заимствованным из русского языка словом. В значении «есть», т. е. «питаться», в найхинском говоре употребляется слово *сиаори*, которое наряду с этим имеет значение «жевать», «кусать», «кусаться». В гаринском и болонском говорах это слово имеет только второе значение, а первое его значение выражается словом *депури*. Найхинское сочетание слов *най сиарини* «человек ест» понимается гаринскими и болонскими нанай как «человек кусается» и обычно вызывает смех. Поэтому в литературный язык было введено гаринско-болонское слово *депури*, которое постепенно вытесняет найхинское употребление слова *сиаори* в значении «есть», хотя еще и не вытеснило его вовсе. Подобного рода примеры, свидетельствующие о подлинном обогащении словарного состава за счет диалектизмов, можно было бы привести и по другим литературным языкам народностей Севера.

Бывают случаи, когда в опорном диалекте или говоре параллельно употребляются две равнозначные, но не взаимоисключающие нормы, типа русских: *изба* и *хата*, *башмак* и *ботинок*, *увидев* и *увидевши*, *по лéсу* и *пó лесу* и т. п.,— а в других диалектах, в отличие от приведенных русских примеров, одна из норм каждой такой пары единственно приемлема, другая же — неупотребительна. В этих случаях в литературном языке предпочтение должно быть, естественно, отдано норме, приемлемой для всех или большинства диалектов, хотя бы эта норма в опорном диалекте пользовалась меньшим употреблением, чем вторая, равнозначная ей.

Наконец, в отдельных случаях, даже при правильном выборе опорного диалекта, может оказаться, что какая-то норма опорного диалекта противостоит другой равнозначной ей норме, свойственной всем остальным или подавляющему большинству других диалектов, причем норма опорного диалекта совершенно чужда и непонятна большинству носителей языка. В этом случае вполне допустимо введение в литературный язык более распространенной нормы, если, конечно, она не противоречит общей структуре литературного языка, в частности, принятой в нем системе правил орфоэпии, орфографии и грамматики.

Правильно произведенный выбор опорного диалекта или говора и нормальный ход дальнейшего развития способны создать для литературного языка полную возможность играть главную роль в выработке единых общеупотребительных норм не только письменного, но и разговорного языка. Литературный язык по самому своему существу не может не ставить перед собой этой цели, так как в противном случае он потеряет свое качество и скатится на положение местного диалекта. Естественно, что в этом же направлении должно идти и развитие литературных языков народностей Севера. Но играть указанную выше роль они могут только при наличии некоторых обязательных условий, таких, как правильная постановка преподавания родного языка в школах, наличие кадров, способных вести такое преподавание, наличие полного комплекта доброкачественных учебников, детской литературы для внеклассного чтения и литературы для взрослых. Необходимо прежде всего, чтобы люди практически пользовались литературным языком, чтобы они на опыте убеждались в пользе его существования, чтобы литературные нормы речи изучались.

В отдельных районах Крайнего Севера все эти условия в той или иной мере имеются. Они имеются в Эвенкийском и Чукотском национальных округах, имеются в отдельных районах Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, имеются в Нанайском районе, в отдельных

пунктах расселения эскимосов, но в большинстве районов Крайнего Севера некоторые из этих условий или даже все они целиком до сих пор отсутствуют.

Так, например, есть сведения, что почти ни в одной из эвенских школ преподавание на родном языке учащихся не ведется, не ведется оно и в значительном большинстве ненецких, хантыйских, эвенкийских и корякских школ, несмотря на то, что учебники для этих школ регулярно издаются и кадры, хотя и в недостаточных количествах, но все же готовятся.

Большую роль в этом, несомненно, играет отношение местных организаций, прежде всего — отделов народного образования, к роли родного языка в школе. Характерный пример: в низовьях Амура есть два соседних района — Нанайский и Комсомольский, в которых живет основная масса нанай, причем в Нанайском районе живет около 60—65%, а в Комсомольском районе—до 25% всех нанай. Нанайские школы или школы, в которых выделены нанайские классы, имеются и в том и в другом районах; литературный язык общий; учебников на родном языке вполне хватает на оба района; учителя, в совершенстве владеющие нанайским языком как родным, имеются и там и тут. И тем не менее в Нанайском районе в течение двадцати лет нанайские школы в пределах начальных классов работают на родном языке учащихся, а в Комсомольском районе лишь иногда в течение непродолжительного срока по инициативе самих учителей в одной-двух школах велось преподавание на родном языке, а в остальных школах преподавание на родном языке отсутствует.

Для создания нормальных условий существования и развития литературных языков народностей Севера, для того чтобы они смогли сыграть свою положительную роль в деле культурного подъема их носителей, необходимы срочные и действенные меры. Прежде всего должен быть положен конец существующей до сих пор у некоторых местных работников недооценке и, прямо нужно сказать, пренебрежительному отношению к роли родного языка в учебной и политико-просветительной работе.

5

В деле создания письменности и развития литературных языков народностей Севера имеются значительные достижения. Обучение в школах на родном языке, издание учебной, художественной и массово-политической литературы, издание в ряде округов газет или газетных страниц на языках местного населения — все это способствует подъему культурно-политического уровня отсталых в прошлом народностей Севера.

Вместе с тем, в результате неправильного понимания и применения принципов ленинско-сталинской национальной политики, в результате влияния порочных, антимарксистских «теорий» Н. Я. Марра и его учеников, в практическом руководстве ходом формирования и развития литературных языков народностей Севера был допущен ряд серьезных ошибок, следы которых порой дают себя чувствовать еще и теперь.

Буржуазные националисты в тридцатых годах выдвинули «теорию» необходимости развития народностей Севера в обособленные «нации». Вступая в явное противоречие с реальной действительностью, они именовали народности Севера «северными нациями», а их только что начинавшие формироваться литературные языки — «национально-литературными» языками. Неоднократно высказывалась даже мысль о необходимости переселения всех представителей каждой народности, с целью их концентрации, в особые районы. Таким путем буржуазные националисты стремились искусственно создать территориальную и экономическую общность внутри отдельных народностей Севера и еще

больше изолировать их друг от друга, от великого русского народа и других народов СССР.

Выдвигалась вместе с тем идея консолидации «северных наций» на основе сознательно проводимой политики ассимилирования более мелких народностей и племен родственными им по языку более крупными народностями. Одни предлагали объединить в одну нацию чукчей, коряков, юкагиров, ительменов, в другую — эвенов, эвенков и негидальцев, в третью — нанай, ульчей, ороков, удэ и орочей и т. д.; другие были скромнее и предлагали в нанайскую «нацию» включить пока только нанай, ульчей и ороков, в эвенкийскую — эвенков и негидальцев, в удэйскую — удэ и орочей, в чукотскую — чукчей и юкагиров и т. д. Это вредное прожектерство представляло собой то, что И. В. Сталин назвал искусственным стягиванием людей в нации, искусственной организацией наций, их конструированием. «Заниматься же искусственным стягиванием людей в нации,— говорил он,— значит стать на точку зрения национализма»[8].

Вполне естественно, что такое конструирование «наций» с целью обособления от русского народа не встречало и не могло встретить сочувствия у самих народностей Севера, убедившихся на своем жизненном опыте, что для них существенно необходима постоянная братская помощь и самое тесное общение с великим русским народом, что именно в этой помощи и в таком общении — залог их культурного, политического и экономического роста.

В области языка буржуазно-националистическая линия проявлялась в требовании развивать языки народностей Севера в «национально-литературные» языки, которые должны были получить тот же характер, те же задачи и перспективы, что и любой литературный язык нации. Предполагалось, что непосредственно вслед за коренизацией начальной школы должна произойти полная коренизация семилетней, а затем и всей средней школы. Другими словами, расчет делался на то, чтобы постепенно вытеснить из школы русский язык. Больше того, буржуазные националисты лелеяли мечту вытеснить русский язык даже из области делопроизводства в местном советском, хозяйственном и партийном аппарате. Они призывали к тому, чтобы «национально-литературные» языки «северных наций» стали «языками управления в своих национально-территориальных объединениях». Осуществление их замыслов привело бы к срыву политики Коммунистической партии и Советской власти, направленной на культурный и экономический подъем народов Севера.

В целях конструирования «наций» малочисленным народностям предлагалось пользоваться литературными языками родственных им более крупных народностей. Так, например, негидальцам навязывался чуждый и непонятный для них эвенкийский язык. Жизнь очень скоро показала весь вред этой затеи и отбросила ее. С такими же результатами делались попытки навязать орочам удэйский язык, ульчам и орокам — нанайский, юкагирам — чукотский.

Особенно очевидным вред этой линии был в практике работы школы. Ульчские, например, дети приходили в школу со знанием одного лишь языка — родного. Начинать обучение на родном языке они не могли из-за отсутствия учебников. Их начинали обучать на нанайском языке, который не только мало понятен, но и вовсе не нужен им. Проучившись на нанайском языке два-три года и с грехом пополам кое-как овладев им, они переходили на новый язык обучения — русский, который им очень нужен, но овладеть которым в начальных классах они не успевали, так как все силы их были направлены на овладение нанайским языком. Практические

[8] И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 54.

результаты такого обучения были обычно самыми минимальными. Дело было исправлено тем, что ульчские учителя по собственной инициативе давно уже отказались от столь оригинального посредничества нанайского языка и ведут преподавание с самого начала на русском языке. При этом они встречаются, понятно, с большими трудностями, особенно в начальный период обучения грамоте. Единственной разумной и эффективной мерой помощи для них в этом деле могло бы явиться издание букваря, но не на нанайском, а на ульчском языке.

Одним из средств искусственной изоляции от русского языка был латинский алфавит, на основе которого первоначально создавалась и в период с 1930 по 1936 г. существовала письменность на языках народностей Севера. Учащиеся северных нерусских школ вынуждены были изучать два совершенно различных алфавита, а это вело к тому, что русский язык в первом классе вообще не преподавался, во втором классе на него отводилось всего 250 учебных часов, из которых добрая половина времени уходила на приобретение навыков чтения и письма по-русски, и учащиеся переходили в третьем классе на русский язык как язык обучения, имея о нем лишь самое приблизительное представление. Только в 1936—1937 годах в результате массовых и настойчивых требований со стороны самих представителей народностей Севера письменность была переведена на основу русского алфавита, что значительно облегчило работу школы и распространение литературных языков.

Буржуазные националисты выдвинули тезис о том, что литературный язык должен основываться на диалекте, не испытавшем на себе никакого влияния русского языка, что «обруселый», как они выражались, диалект не может служить для литературного языка основой. Самую главную опасность для жизни и развития литературных языков они видели в проникновении в них русских слов. Против самой идеи заимствования недостающих слов они не возражали и вполне допускали заимствование из фонда интернациональных терминов или любого другого языка, кроме русского.

В работе по языкам народностей Севера имели место также серьезные ошибки, основанные на антимарксистских положениях Н. Я. Марра и его «учеников». В теоретической области ошибки этого рода были связаны прежде всего с вульгарно-социологической «теорией» Н. Я. Марра — И. И. Мещанинова о стадиальном развитии языков путем взрывов и коренных перестроек их структуры. Связаны они были также с немарксистским пониманием соотношения элементов структуры языка, с выдвижением синтаксиса на роль безраздельно господствующей стороны грамматического строя и ущемлением прав морфологии, с отрицанием или принижением ценности для лингвистических исследований сравнительно-исторического метода и с некоторыми другими порочными марровскими идеями[9].

Серьезные ошибки, основанные на антимарксистских установках Н. Я. Марра и его «учеников», были допущены некоторыми специалистами

[9] Весьма значительную долю ответственности за эти ошибки в исследовательской работе по языкам народностей Севера я должен принять на себя, как на убежденного в прошлом сторонника основных ошибочных положений Н. Я. Марра и одного из старейших работников по этим языкам. Грубые ошибки были допущены мной в книге «Очерки по синтаксису нанайского языка», изданной в 1948 г., особенно во «Введении» к этой книге, в некоторых статьях, в программах по нанайскому языку и в устных выступлениях. Более подробно я говорю об этих ошибках в статье «Состояние и ближайшие задачи изучения языков народов Севера» (сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. II, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 409—428). Гениальные работы И. В. Сталина по вопросам языкознания открыли мне глаза на мои ошибки, дали все возможности для их преодоления и помогли принять участие в коллективных трудах советских языковедов, направленных к развитию советской науки о языке на прочной основе марксизма.

не только в теоретической, но и в практической работе по руководству процессом формирования и развития литературных языков народностей Севера, причем в этой практической области ошибки марровского толка нередко переплетались с буржуазно-националистическим прожектёрством.

Марровская идея скрещения языков, при котором два языка, сливаясь, якобы образуют третий, новый язык, давала «теоретическое обоснование» для попыток слить хотя и родственные, но все же различные языки, в целях осуществления националистического плана конструирования «северных наций». Та же порочная идея лежала и в основе выдвигавшихся до самого недавнего времени планов создания литературных языков путем перемешивания элементов из различных диалектов и говоров.

Явный отпечаток марровской теории стадиальности носили голословные утверждения, что создание письменности вызывает коренную перестройку, взрыв структуры ранее бесписьменного языка. Отсюда делалось заключение, что у младописьменных народов, в частности и у народностей Севера, литературный язык может и даже должен резко отличаться от диалектной разговорной речи, что не в отрыве от последней заключается главная опасность для литературного языка, а в совпадении его с каким-нибудь из местных диалектов, а тем более — говоров.

Непосредственно из теории стадиальности со взрывами в результате скрещения вытекало столь же необоснованное утверждение, что к взрыву приводят или даже уже привели и связи языков народностей Севера с русским языком, т. е. что влияние русского языка в короткий срок производит коренной переворот в структуре этих языков, причем не только в их словарных составах, но и в грамматиках и в фонетических системах.

Высказывалось мнение о том, что возникновение согласования определения с определяемым в некоторых языках, таких, как, скажем, эвенкийский, есть прямой результат влияния русского языка. Весьма вероятно, что влияние русского языка сказалось на расширении границ согласования, на усилении регулярности его как нормы, но возникнуть этот способ связи слов под влиянием другого языка, хотя бы и русского, понятно, не мог, как не создался этот способ, например, в нанайском языке, где он с давних пор и до настоящего времени применяется лишь для связи обособленных определений. Говорилось, что под русским влиянием во многих языках народов Севера, особенно в литературных языках, возникли сложноподчиненные предложения с союзной связью или что искони свойственные этим языкам причастные и деепричастные обороты под тем же влиянием в корне изменили свою семантику и переосмыслились в придаточные предложения. Действительно, влияние русского языка сказалось на развитии имеющихся в языках народностей Севера способов выражения сложных мыслей. Некоторые из этих языков, как, например, хантыйский, мансийский, ненецкий, эвенкийский, заимствовали из русского языка ряд сочинительных и подчинительных союзов. Возможно, что именно под русским влиянием языки народностей Севера развили собственные средства сочинения и подчинения предложений. Но и здесь нет никаких оснований считать, что произошла пересадка особенностей грамматического строя одного языка в другой, как нет оснований и для того, чтобы считать обороты превратившимися в придаточные предложения.

Неоднократно и в безапелляционной форме утверждалось также, что в фонетические системы языков народностей Севера вошли все отсутствовавшие у них ранее фонемы русского языка. Это утверждение можно понять только так, что все представители народностей Севера будто бы уже умеют артикулировать фонемы русского языка так же свободно, как и фонемы своего родного языка. В действительности это совершенно неверно. Произношение специфических русских фонем представляет серьез-

ные трудности для всех представителей народностей Севера, не владеющих русским языком, и даже для многих уже свободно им пользующихся Утверждение о том, что русские фонемы вошли уже в фонетические системы языков народностей Севера, дезориентирует и демобилизует учителей северных школ, вселяя в них неуверенность в том, что необходимо уделять большое внимание и время работе над постановкой правильного русского произношения у своих учеников.

Серьезные ошибки допускались в выборе и использовании народно-разговорной основы литературных языков, т. е. опорного диалекта или говора. Ошибки этого рода продолжают сохраняться в некоторых литературных языках народностей Севера и по сей день. При создании письменности на хантыйском языке расчет делался на то, что все территориальные группы ханты (северная, восточная и южная) будут обслужены одним литературным языком. О значительных языковых различиях между этими группами, развивающимися, а может быть, уже и развившимися в отдельные родственные между собой народности, было известно уже и тогда. Тем не менее предполагалось, что внедрение учебников и литературы на едином литературном языке в школы всех групп ханты должно привести в короткий срок к слиянию трех фактически самостоятельных языков в один общехантыйский язык.

Практика полностью опрокинула эти расчеты. Литературный язык, опирающийся на один из говоров северной территориальной группы ханты, за двадцатилетний срок своего существования не нашел себе никакого применения у восточных и южных ханты, языки которых настолько отличаются и друг от друга, и от языка северных ханты, что возможность взаимопонимания исключается. Кроме того, южные ханты в своем подавляющем большинстве так хорошо владеют русским языком, что в помощи литературы на родном языке не нуждаются вовсе. Поэтому издаваемая на хантыйском языке литература не нашла никакого распространения среди восточных и южных ханты, и никакого слияния хантыйских языков в один общехантыйский не произошло. Издаваемой литературой могли пользоваться только северные ханты, но, как увидим ниже, и они далеко не всею пользовались. Это было результатом первой грубой ошибки, допущенной в работе по хантыйскому языку.

В основу хантыйского литературного языка вначале был положен казымский говор, на котором говорит значительная часть северных ханты, в своей массе крайне слабо владеющих русским языком. На этой диалектной основе хантыйский литературный язык существовал и развивался в течение почти десяти лет. Затем в 1940 г. по просьбе местных организаций, поддержанной обучавшимися в Ленинграде студентами-ханты, было принято решение изменить опорный говор, поскольку казымские ханты не могут считаться передовыми в культурном отношении по сравнению с некоторыми другими группами этой народности. В основу литературного языка вместо казымского говора был положен среднеобский говор. Мотивировалось это следующими соображениями: 1) среднеобские ханты издавна живут в непосредственном соседстве с русскими, что дало им возможность опередить в культурном развитии других своих сородичей, 2) говор среднеобских ханты занимает промежуточное положение между крайними северными говорами и говорами южных ханты, что, как казалось некоторым товарищам, дает возможность быстрейшего языкового объединения этих двух территориальных групп.

Несмотря на внешнюю убедительность мотивировки, перебазирование литературного языка на среднеобский говор было второй, пожалуй, не менее грубой ошибкой. Дело в том, что среднеобские ханты, не исключая и детей школьного возраста, достаточно хорошо владеют русским языком

и не хотят учиться и читать книги на каком-нибудь ином языке, кроме русского. Значит, люди, говор которых положен в основу литературного языка, этим литературным языком не пользуются, так как не ощущают в нем практической надобности. Носители же двух других северных говоров — казымского и обдорского, составляющие значительное большинство северных ханты, крайне нуждаются в помощи родного литературного языка, но существующий хантыйский литературный язык не считают своим родным, поскольку он имеет значительные отличия от их говоров, и также очень неохотно пользуются им или не пользуются вовсе. В результате налицо разрыв между хантыйским литературным языком и народно-разговорной речью той части ханты, на обслуживание которой этот литературный язык рассчитан. Создалось совершенно нетерпимое положение: литература на хантыйском языке издается, официально считается, что она обслуживает всех ханты, содействуя их культурному росту, тогда как на самом деле большинство северных и все восточные ханты фактически лишены возможности пользоваться литературой на родном языке.

На Совещании по языкам народов Севера[10] впервые был серьезно поставлен вопрос о неблагополучии с хантыйским литературным языком, вскрыты причины этого неблагополучия и намечены конкретные пути устранения допущенных ошибок. С докладом по этому вопросу выступил Н. И. Терешкин — первый научный работник-языковед из среды ханты. По его предложению совещание признало необходимым создать два новых литературных языка для восточных ханты: для ваховских ханты — на базе большеларьякского говора и для сургутских ханты — на базе верхнесургутского (тромаганского) говора,— а существующий литературный язык для северных ханты перебазировать со среднеобской говорной основы на казымскую. Эти мероприятия, несомненно, помогут значительному большинству ханты эффективно использовать их родные языки для повышения своего культурного уровня.

В основу эвенкийского литературного языка было решено в свое время положить непский говор южного диалекта, на котором говорит часть эвенкийского населения Катангского района Иркутской области. В специальной литературе и в официальных документах это решение неоднократно декларировалось. Однако фактически эвенкийский литературный язык никогда не основывался ни на одном определенном говоре или даже диалекте. В самом начале была допущена серьезная ошибка: непский говор не был подвергнут тщательному исследованию и не получил научного описания, что создавало значительные препятствия для установления единых норм литературного языка. Кроме того, часть специалистов, фактически державшая в своих руках регулирование норм литературного эвенкийского языка, рассчитывала на то, что этот язык представит собою среднюю пропорциональную всех говоров, в равной мере понятную для всех территориальных групп эвенков.

С течением времени известная сумма норм того языка, на котором издавалась эвенкийская литература, сложилась, но, во-первых, она была известна только ведущим специалистам, а во-вторых, она, как и следовало ожидать, значительно отклонилась от структуры непского говора. Особенно значительными оказались отклонения в области лексики. Приведу лишь несколько примеров из основного словарного фонда: литер. *амут* «озеро» — неп. *нярут*; литер. *дял* «родня» — неп. *няде*; литер. *туксаки* «заяц» — неп. *момбоки*; литер. *инми* «жить» — неп. *бодоми*; литер. *ирими* «готовить пищу» — неп. *каларуми* и т. п. Имеются также существенные расхождения и в некоторых грамматических нормах, например, в образо-

[10] См. о совещании сообщение О. П. Суника на стр. 132—139.— *Ред.*

вании числительных второго десятка, в форме порядковых числительных, в форме будущего времени глагола, в согласовании существительных и количественных числительных, в согласовании указательных местоимений с существительными и т. п. Соответствие нормам непского говора сохранила лишь фонетическая система литературного языка, которая отражает сибилянтно-свистящий характер этого и целого ряда других южных говоров.

Переводчики, редакторы, составители учебников, являвшиеся носителями или знатоками отдельных диалектов, не имея перед собой твердо установленных норм, вводили по собственному усмотрению в язык эвенкийской литературы значительное число диалектизмов. В различных книгах на эвенкийском языке можно встретить в больших количествах параллельное употребление совершенно однозначных слов, взятых из различных говоров, например: в значении «сосед» — *мата*, *нимэр* и *нимак*, в значении «день» — *инэнги* и *тыргани*, в значении «лось» — *моты* и *токи*, в значении «молодой» — *дялав* и *илмакта*, в значении «продавать» — *андамандеми* и *униетчэми* и т. д. Такое же смешение равнозначных диалектных норм наблюдается и в области грамматики.

Неблагополучие с эвенкийским литературным языком, которое особенно остро ощущается теми, кому нужно активно им пользоваться, усугубляется еще и тем, что непский говор фактически не имеет оснований служить базой литературного языка. За последние 10—15 лет большинство его носителей переселилось в различные другие районы и уже нигде не составляет сколько-нибудь компактной массы, на старом же месте из носителей этого говора осталось всего лишь несколько семей.

Учитывая ту роль в хозяйственной, политической и культурной жизни всей эвенкийской народности, которую во все возрастающей степени играет Эвенкийский национальный округ, а также желательность возможно меньших изменений в сложившихся литературных нормах, совещание высказалось за то, чтобы дальнейшее развитие эвенкийского литературного языка ориентировать на южную диалектную основу, которая представлена языком эвенков, живущих в бассейне реки Подкаменная Тунгуска в пределах Байкитского и Тунгусо-Чунского районов Эвенкийского национального округа.

В основу эвенского литературного языка был положен ольский говор восточного диалекта, и практика подтвердила правильность этого выбора. Но так как ольский говор не был своевременно подвергнут детальному изучению, то и в данном случае ориентация литературного языка на этот говор оказалась крайне затрудненной.

В первые годы создания литературы на эвенском языке участие в этой работе принимали в первую очередь носители не ольского, а других говоров эвенского языка, главным образом — камчатского, охотского и индигирского. Это послужило причиной того, что в язык эвенской литературы проникло значительное количество диалектизмов, нарушавших без серьезной к тому необходимости нормы ольского говора. Так, например, вместо соответствующих слов ольского говора в литературе принято употребление незнакомых носителям этого говора слов: *упэ* «бабушка», *хони* «лучший», *турус* «рубанок», *тугсэ* «туча», *холиг* «заря», *майтан* «платок» и некоторых других. В литературе параллельно употребляются однозначные слова из разных говоров, например: в значении «девочка» — *асаткан* и *асикан*, в значении «шапка» — *авун* и *корбака*, в значении «волк» — *нгэлуки* и *нёнгчак*, в значении «куропатка» — *хелики*, *кабев* и *кабдяка* и многие другие.

Наблюдается ряд отклонений от норм ольского говора и в области грамматики. Это касается правил сочетания существительных с количественными числительными, согласования сказуемых с подлежащими, имеющими количественные определения, сочетания заимствованных относительных

прилагательных с существительными, согласования однородных определений с определяемым, сочетания некоторых глагольных форм с личными и притяжательными местоимениями.

При разработке вопросов алфавита и орфографии, построенных на русской графической основе, в недостаточной мере были учтены особенности состава фонем и фонетических закономерностей не только ольского говора, но и всего эвенского языка в целом. Буквенно-орфографическая система эвенской письменности крайне сложна и недостаточно последовательна. Особенно неблагополучно обстоит дело с обозначением гласных фонем: буква *е* обозначает четыре разные фонемы, буква *у* — три, а в то же время одна и та же фарингализованная фонема *и* обозначается тремя разными буквами *и*, *е*, *э*; фонема заднего ряда среднего подъема o^y обозначается то буквой *о*, то буквой *у*. Все это ведет к большому количеству омографов и различных исключений из правил, т. е., в конечном счете,— к разрыву между письмом и живыми произносительными нормами, а это, в свою очередь, крайне затрудняет для самих эвенов обучение эвенской грамоте и последующий переход к изучению русской грамоты.

Для успешного дальнейшего развития эвенского литературного языка необходима последовательная ориентация на принятый за основу ольский говор, чтобы он служил живой народно-разговорной основой литературного языка не только на словах, но и на деле. Необходимо также значительно упростить и упорядочить буквенно-орфографическую систему эвенской письменности, чтобы она стала надежным, удобным и доступным средством письменного общения для самих эвенов.

В настоящей статье кратко освещены недостатки в развитии трех конкретных литературных языков народностей Севера. Здесь в связи с темой статьи представлены те литературные языки, в которых наименее благополучно обстоит дело в отношении их связи с живой диалектной базой. Но это вовсе не означает, что в остальных литературных языках все хорошо. Несомненно, что и в них допускались частичные необоснованные отклонения от норм опорных диалектов и говоров, хотя эти отклонения и не носили систематического характера. Поэтому задача дальнейшей обработки и нормализации языка на базе опорного диалекта или говора* в одинаковой мере стоит перед носителями всех литературных языков народностей Севера, равно как и перед специалистами по этим языкам.

*

Гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию озарили светом марксистско-ленинской теории процесс развития литературных языков, дали возможность полностью исправить допущенные ошибки и вести работу по дальнейшему развитию литературных языков народностей Севера в полном соответствии с принципами ленинско-сталинской национальной политики на незыблемой основе марксистского учения о языке, созданного великим корифеем науки И. В. Сталиным.

---

* Из текста статьи можно заключить, что принятые в ней термины «диалект» и «говор» соответствуют традиционным терминам «наречие» и «диалект». Таким образом, под «говором» у автора не следует понимать говор отдельного селения, который не может, конечно, служить основой для развития какого-либо литературного языка. — *Ред.*

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1953

Р. А. БУДАГОВ

ОСНОВНОЙ СЛОВАРНЫЙ ФОНД РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ И ЗАДАЧИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

1

Замечательное учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка, устанавливая общие научные принципы изучения лексики всякого языка, открывает вместе с тем широкие перспективы и для изучения лексики родственных языков в процессе ее исторического формирования и развития. Не подлежит никакому сомнению, что родственные языки, возникшие из одного языка-основы, имеют очень много общего в основном словарном фонде и грамматическом строе языка. Вместе с тем каждый из родственных языков отличается своими особенностями в использовании и развитии этих общих элементов основного словарного фонда и грамматического строя.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», критикуя мелкобуржуазного анархиста Штирнера, писали: «Но он, конечно, совершенно не знаком с науками, которые достигли больших успехов лишь благодаря сравнению и установлению различий в сфере сравнения и в которых сравнение приобретает общезначимый характер,— с такими науками, как сравнительная анатомия, ботаника, языковедение и т. д.»[1]. Здесь дается не только оценка сравнительно-исторического метода в языкознании, но и подчеркивается важность изучения как сходных черт между родственными языками, так и различий внутри самих этих сходных явлений («установление различий в сфере сравнения»).

Для изучения черт сходства и черт различия между родственными языками романские языки представляют очень интересный материал, поскольку их язык-основа (латынь) хорошо известен и относительно хорошо документирован; поэтому исторические связи и различия между романскими языками и латынью, с одной стороны, и исторические связи и различия между отдельными романскими языками — с другой, могут быть тщательно и подробно прослежены. Разумеется, и здесь есть свои трудности: как известно, мы очень мало знаем о языках аборигенов, о языках, на которых говорили местные жители на территориях, впоследствии подвергнувшихся романизации. К тому же и памятники латинского языка дошли до нас далеко не в полном объеме, а наши сведения о живом разговорном латинском языке остаются все еще очень фрагментарными.

При изучении связей и различий между родственными языками основной словарный фонд имеет не меньшее значение, чем грамматический строй языка. Это положение прямо вытекает из сталинского учения о том, что «грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 429.

основу языка, сущность его специфики»[2]. Так как основа языка определяется не только его грамматическим строем, но и основным словарным фондом, то и при постановке более широкой проблемы в сравнительно-историческом плане следует в равной степени базироваться как на грамматическом строе языка, так и на его основном словарном фонде. Между тем в традиционном сравнительно-историческом языкознании выводы обычно строятся лишь на изучении фонетических и грамматических соответствий между родственными языками. Что же касается словаря, то он чаще всего относится к «нехарактерным», легко поддающимся влияниям элементам языка. А. Мейе, например, утверждал, что словарные соотношения между родственными языками так часто бывают неожиданными и случайными, что их не следует принимать во внимание при изучении родства языков[3].

Лишь сталинское учение об основном словарном фонде и об его отличиях от словарного состава языка сразу же внесло полную ясность в вопрос о том, какие именно стороны лексики имеют наибольшее значение для основы языка, для сущности его специфики. Установление наиболее устойчивого и наиболее типичного ядра словарного состава, разграничение более устойчивых и более подвижных сторон лексики при сохранении постоянного взаимодействия между ними показало, что основной словарный фонд, вырабатывающийся на протяжении всего процесса исторического развития языка, вполне закономерно вместе с грамматическим строем составляет основу языка, сущность его специфики. Вот почему изучение основного словарного фонда родственных языков наряду с изучением грамматики и фонетики этих языков приобретает большое значение для самой проблемы родства языков, для вопроса о том, как следует понимать связи и различия между родственными языками.

Энгельс часто ссылался на показания лексики родственных языков, относящейся к основному словарному фонду, как на важный исторический источник. «Латинское rex,— писал Энгельс,— то же, что кельтско-ирландское righ (старейшина племени) и готское reiks; что последнее слово, как первоначально и наше Fürst (то же самое, что по-английски — first, по-датски — förste, первый), означало, равным образом, старейшину рода или племени, явствует из того, что готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника всего народа: thiudans»[4].

Но если методика сравнения морфем родственных языков хорошо изучена, то методика сравнения слов как самостоятельных смысловых единиц языка по существу почти никем не разрабатывалась. Между тем нельзя не признать, что исследования в этой области являются очень важными для науки о языке[5]. Зарубежные исследователи романских язы-

---

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 26.

[3] См. A. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, т. II, Париж, 1938, стр. 45—46. В более ранних своих работах Мейе склонен был думать, что лексические соотношения имеют значение лишь при изучении «мало развитых языков». В развитых же языках, по мнению Мейе, лексика слишком легко заимствуется, а поэтому становится нехарактерной для специфики языка (см. его же, указ. соч., т. I, Париж, 1926, стр. 95).

[4] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1949, стр. 131—132.

[5] До выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» автор этих строк переоценивал роль семантики в системе языка и в некоторых своих работах неправильно подходил к лексическим явлениям языка, как «фактам классовой идеологии». В статье автора «Задачи изучения лексики» («Доклады и сообщения Филологического ин-та Ленингр. ун-та», вып. 1, 1949, стр. 103—123) семантика слова неправильно отождествлялась с понятием и смешивалась с идеологией. Самокритические выступления автора см. в «Вестнике Ленингр. ун-та», 1950, № 7, стр. 7 и в «Известиях АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, № 1, стр. 95.

ков, изучая родство этих языков, обычно лишь очень бегло отмечают лексические связи и различия между романскими языками. Так, В. Вартбург в одной из своих последних итоговых работ, посвященных проблеме «расчленения романских языковых пространств»[6], основывается лишь на данных фонетики и, отчасти, морфологии и совсем ничего не говорит о словарных связях и различиях между романскими языками. Все еще очень мало изучены лексические особенности вульгарной латыни[7]. Поэтому советский лингвист-романист М. В. Сергиевский был прав, когда отмечал актуальность изучения лексических особенностей вульгарной латыни в их взаимодействии с лексическими особенностями романских языков[8]. Но, к сожалению, и сам М. В. Сергиевский ограничился лишь наблюдениями фонетического и морфологического характера.

При исследовании основного словарного фонда романских языков возникает целый ряд общих вопросов. Как выявить связь формирования основного словарного фонда романских языков с историей народов — творцов и носителей этих языков; в каком отношении слова этого фонда находятся к словам основного словарного фонда латинского языка; как следует понимать преемственность между ними; какие латинские слова основного фонда сохранились во всех романских языках и какие из них характеризуют лишь отдельные группы этих языков или даже только отдельные романские языки; как протекало дальнейшее развитие сохранившихся латинских слов в романских языках; в какие лексические пласты проникали иностранные заимствования в первую очередь?

Старая романистика в лице Ф. Дица и его последователей изображала лексическую преемственность между романскими языками несколько прямолинейно и односторонне. В специальном дополнении к своей «Грамматике романских языков» Диц стремился установить те лексические группы и пласты латинских слов, которые оказались наиболее устойчивыми в романских языках. Диц выделял такие тематические группы, как «названия божеств», «названия различных явлений природы», «названия времен года и дней недели», «человека и его тела», «человека и его души», «названия родства», «различные наименования растительного и животного мира», «земледельческие и мореходные слова» и некоторые другие. Указав на соответствующее латинское слово, принадлежащее к одному из этих «разрядов», Диц констатировал затем, в каких романских языках оно сохранилось, в каких не сохранилось и в каких случаях оказывалось замененным новыми образованиями[9]. У читателей этой работы Дица создавалось впечатление, что лексика романских языков — это в основном та же латинская лексика, лишь в слегка преображенном виде. Диц даже не поставил вопроса о том, как исторически следует понимать эти соотношения и связи, как развивают и изменяют романские языки латинскую лексику, какие из романских языков в большей степени продолжают латинскую традицию и какие из них несколько отклоняются от этой традиции в сторону. Поэтому ученица Дица К. Михаэлис была права, когда в работе,

---

[6] W. Wartburg, Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume, Берн, 1950.

[7] Термины «вульгарная латынь» и «классическая латынь» употребляются нами как условные термины: под первым термином здесь понимается латынь позднего периода (поздней Римской империи) и вместе с тем латынь разговорная, неписьменная; под вторым термином — латынь римских писателей эпохи расцвета латинской литературы (I в. до н. э.— конец I в. н. э.).

[8] См. М. В. Сергиевский, Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания, «Вестник Моск. ун-та», 1946, № 1, стр. 28.

[9] F. Diez, Grammatik der romanischen Sprachen, Anhang: Romanische Wortschöpfung, Бонн, 1875.

вышедшей уже через год после исследования Дица, писала, что преемственность между романскими языками и латынью не должна заслонять собою черт самостоятельности романских языков и что каждый романский язык имеет свои лексические особенности[10].

Только в конце XIX и в начале XX в. представители лингвистической географии стали говорить о том, насколько важно учитывать диалектальные разновидности самой латыни для того, чтобы разобраться в проблеме лексических схождений и расхождений романских языков. Однако впоследствии сторонники принципов Жильерона, всячески акцентируя диалектальные расхождения внутри латыни, взяли под сомнение самый тезис о единстве происхождения всех романских языков из одного языка-основы[11]. Между тем, как ни глубоки были диалектальные расхождения вульгарной латыни, эти расхождения не дают оснований не видеть общего источника для лексики всех романских языков. Этим источником является прежде всего латинский язык на всем протяжении его исторического развития. Отмечая роль диалектов в эпоху господства племен и народностей, И. В. Сталин подчеркивает, что над этими диалектами «...превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»[12].

2

Латинская лексика в романских языках может рассматриваться с разных точек зрения. Но для того, чтобы правильно разобраться в этом соотношении, необходимо учитывать, насколько это возможно, движение и развитие словарного состава в самом латинском языке на протяжении всего периода его исторического существования. Многие латинские слова оказались очень устойчивыми и сохранились почти без всяких изменений в поздней латыни. Таковы, например: *mater* «мать», *filius* «сын», *manus* «рука», *aqua* «вода», *terra* «земля», *vita* «жизнь», *arbor* «дерево» и многие другие. Известная часть слов претерпела в живом народном произношении некоторые фонетические изменения, определившиеся общими звуковыми закономерностями. Другие слова подверглись грамматическим трансформациям и перешли из одного типа склонения или спряжения в другие типы склонения и спряжения (в связи с общими изменениями в системе склонения и спряжения).

Большой интерес с точки зрения последующей истории латинских слов в романских языках представляют случаи, которые дают возможность проследить, как одни слова вытесняли другие в ходе развития самого латинского языка. Здесь возникает много интересных вопросов. Приведем сначала несколько примеров.

Латинское слово *ignis* «огонь», известное и некоторым другим индоевропейским языкам (ст.-индийск. *agní-h*, лит. *ugnìs*, ст.-болг. *ognь*), в поздней латыни стало вытесняться другим латинским словом *focus*, которое первоначально имело значение «домашнего очага», а затем и более широкий смысл «жара», «пламени», «огня». В результате этого вытеснения с IV в. н. э. *focus* приобретает общее значение «огня». Романские языки почти не сохранили никаких следов *ignis* (исключение ст.-рум. слово *miaţă* «лихорадка» из **ignitia*), но зато широко развили слово *focus*, которое и удержало значение «огня» (итал. *fuoco*, исп. *fuego*, португ. *fogo*, рум. *foc*, франц. *feu*).

Анализ такого рода материала сразу же ставит перед исследователем

[10] C. Michaelis, Studien zur romanischen Wortschöpfung, Лейпциг, 1876, стр. VII.

[11] См., например, H. Meier, Über das Verhältnis der romanischen Sprachen zum Lateinischen, «Romanische Forschungen», т. 54, 1940, стр. 181.

[12] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

ряд важных проблем: в каком соотношении находились между собой *ignis* и *focus* в разные эпохи существования латинского языка и в разных стилях речи? Почему победителем оказалось слово *focus*? В каком направлении шло изменение его значения? В какой степени романские языки сохранили старое («очаг») и новое («огонь») значения слова *focus*? Какое дальнейшее смысловое развитие получило это слово в романских языках? Вот далеко не полный перечень вопросов, возникающих уже при изучении предварительного материала. Оставляя значительную часть этих вопросов пока без ответов, обратим внимание только на некоторые стороны данного факта.

Нельзя не заметить, что движение значения *focus* от более специального«домашнего очага», «домашнего огня» к более общему значению «огня» могло быть вызвано рядом причин: связью *focus* с глаголом *fovēre* «греть», «согревать», а также утратой синонима *ignis*. Следовательно, если мы ограничимся лишь некоторым кругом вопросов и не будем спрашивать, почему в свою очередь не сохранилось *ignis* (примем это положение за совершившийся факт), то легко понять, почему вытеснение *ignis* отразилось тем самым на семантике *focus*, придав этому слову то общее значение, которое когда-то имело само слово *ignis* («огонь» по отношению к «домашнему очагу», «домашнему огню» — понятие более общее). Однако старое значение *focus* — «очаг» оказалось также в известной степени устойчивым, хотя и передвинулось теперь на задний план. Вот почему и в романских языках, где слова *fuoco*, *fuego*, *fogo*, *foc*, *feu* имеют прежде всего значение «огня», кое-где в определенных контекстах они все еще сохраняют и значение «очага» (например, португ. *fogo*, франц. *feu* в выражении *on compte trois cents* ***feux*** *dans ce village* «в этой деревне триста дворов», т. е. «очагов», «домов»).

Но в романских языках не только переместились два основных значения *focus*: «очаг» и «огонь». Само выдвижение более общего значения — «огня» — произошло уже в поздней латыни. Романские языки лишь подтверждают это семантическое развитие слова. Вместе с тем в системе отдельных романских языков н а о с н о в е этого более широкого значения слова развиваются н о в ы е смыслы и н о в ы е оттенки этого же слова. Испанское *fuego* — это не только «огонь» и «очаг» («дым»), но и «пыл», «живость». Португальское *fogo* развивает — наряду с этими же значениями—дополнительное значение «лихорадочное состояние», а румынский язык — дополнительное значение «горе», «беда» (через ступень «пожар»). Если эта последняя ступень — «пожар» — известна многим романским языкам (испанскому, португальскому, французскому), то последующая ступень — «горе», «беда» — отмечается только в восточно-романских языках (в румынском и молдавском). Во французском языке легко развиваются переносные значения «пожара»: «пожар в душе», «страсть», «темперамент» (*le* ***feu*** *de la jeunesse* «темперамент молодости»). У Расина во фразе *Brûlé de plus de* ***feux*** *que je n'en allumai* (Andromaque, I, sc. 4), буквально: «сожженный бо́льшим количеством огней, чем я зажег», слово *feu* как бы сразу выступает в двух значениях — в значении «пожара» (намек на «пожар Трои») и в значении «страсти»(намек на «страсть Ореста»).

Когда обычно указывают, что романские слова *fuoco*, *fuego*, *fogo*, *foc*, *feu* продолжают латинское *focus* в значении «огня», то картину воссоздают очень неполную, а поэтому и неточную. Романские языки не только с о х р а н я ю т латинское *focus*, но и р а з в и в а ю т его дальше, прибавляя к этому слову новые оттенки значений и создавая новую группировку значений внутри этого многозначного слова. При этом мы обнаруживаем здесь как то, что о б ъ е д и н я е т все романские языки с латынью, что объединяет их между собой, так и то, что составляет с п е ц и ф и к у каждого романского языка в отдельности. Основное значение *focus*

«огонь» является общим для всех романских языков, однако соотношение между этим значением и значениями «домашний очаг», «жар», «страсть», «пожар», «несчастье» и т. д. в разных языках оказывается различным. Вместе с тем и старое значение латинского *focus* «домашний очаг» вовсе не бесследно исчезает в романских языках, а лишь передвигается на задний план и выступает в одних романских языках чаще, а в других — совсем редко.

Следовательно, для того чтобы разобраться в проблеме развития латинского слова *focus* в романских языках, необходимо учитывать как движение этого слова в самом латинском языке, так и его движение в отдельных романских языках. Слово *focus* оказывается и устойчивым, и подвижным одновременно. Оно устойчиво, так как сохраняется в романских языках, но сохраняется по преимуществу в более позднем значении. Но оно и изменчиво, так как вперед выдвигаются новые значения слова и происходят изменения внутренней группировки старых значений. Эти трансформации очень существенны: они дают возможность проследить как то, что связывает романские языки с латинским в области основного словарного фонда, так и то, что отличает их от латинского языка, что составляет их собственную специфику. Вместе с тем эти же материалы позволяют подчеркнуть не только единство романских значений (*focus* — «огонь»), но и своеобразие каждого романского языка в отдельности в развитии различных значений интересующего нас слова.

Исследователи романской лексики очень часто связывают ее лишь с позднелатинской лексикой, не учитывая развития латинских слов на протяжении длительного периода их существования в самом латинском языке. Между тем для более глубокого понимания связей и различий в основном словарном фонде латинского и романских языков необходимо более полно учитывать развитие этого фонда уже в латинском языке.

Слово *paganus* как существительное имело в классическом латинском языке два основных значения: 1) «крестьянин», «сельский житель», «житель вообще» и 2) «невоенный человек» (в противоположность «солдату» — *castrensis*). В языке первых христиан слово *paganus* приобретает значение «нехристианский». По предположению Ж. Цайллера[13], изменение значения было вызвано тем, что *pagi* «деревни» больше всего сопротивлялись христианскому воздействию. По другой гипотезе нужно исходить из противопоставления, возникшего в раннехристианскую эпоху: *miles Christi* «солдат», «защитник Христа»; кто же не был защитником Христа, тот был *paganus*[14]. Но как бы то ни было, старое значение *paganus* «крестьянин» отчасти сохраняется и в некоторых романских языках: испанское *pagano* «крестьянин», а в староитальянском и сардском языках *bakan* «мелкий собственник». Но в большей части романских языков развивается второе значение: итал. *pagano* «язычник», франц. *païen*, рум. păgân, молдавск. *пэгын* в том же значении «язычника».

Таким образом, если рассматривать романские значения слова *paganus* только в связи с позднелатинским значением «нехристианский», то нельзя понять всего многообразия смыслов этого слова в романских языках. Если же, напротив того, проанализировать эти значения в разных романских языках на фоне всех значений данного слова — не только поздних, но и ранних — в самом латинском языке и в связи с историей народов, носителей этих языков, то картина обрисуется значительно яснее. Вместе с тем в результате дифференциации значений *paganus*

---

[13] J. Zeiller, Paganus, étude de terminologie historique, Париж, 1917, стр. 5.
[14] H. Rheinfelder, Kultsprache und Profansprache in den romanischen Ländern, Флоренция, 1933, стр. 132.

в романских языках возникнет и много новых вопросов (в одних случаях развиваются одни оттенки, а в других — другие).

Когда латинское слово классического языка оттесняется словом языка разговорного, исследователи, анализируя романские образования, совсем не говорят об этом оттесненном слове. В действительности в большинстве случаев так поступать нельзя. Сам основной словарный фонд латинского языка в его преломлении в языках романских должен рассматриваться в историческом движении. Другими словами, латинские основы романских слов — категория динамичная, а не статическая. Латинское слово *caput* «голова» еще в позднем латинском языке широко заменялось более экспрессивным латинским же словом *testa* «глиняный горшок». Слово *testa* в этом своем значении до сих пор сохранилось в некоторых итальянских диалектах, в частности в неаполитанском, где оно означает «вазу для цветов». Вместе с тем в романских языках находят свое отражение и *caput*, и *testa*. В румынском и каталанском «голова» — *cap*, в Южной Италии — *capa*, в испанском и португальском языках известно слово того же корня с суффиксом *-itia* (исп. *cabeza*, португ. *cabeça*). Французский же язык, как и литературный итальянский язык, развивает *testa* (франц. *tête*, итал. *testa*). Это же слово *testa* — и в испанском языке. Следовательно, хотя в истории латинского языка и намечалась линия перехода *caput* > *testa*[15], однако в разных романских языках отражается и *caput*, и *testa*. Если посмотреть на распространение этих двух слов в итальянских диалектах, то можно обнаружить своеобразную чересполосицу: зоны *caput* чередуются с зонами *testa*[16].

Здесь возникают некоторые общие вопросы. Связи основного словарного фонда романских языков с основным словарным фондом языка латинского в ряде случаев оказываются исторически разноплановыми. В одних случаях от романских слов нити тянутся к более древнему латинскому слову *caput*, в других — к более позднему *testa*, которое само когда-то пришло на смену слову более раннему (*testa* как бы заняло место *caput*). Но в тех случаях, в которых в самом латинском языке совершилась замена (в данном примере *testa* вытеснило *caput*), романские языки, сохраняющие исторические связи с латинским языком самых различных исторических периодов, могут отражать как более позднее, так и более раннее латинское слово. Поэтому обычное представление о том, что там, где в самом латинском языке совершился переход типа *caput* > *testa*, исследователь-романист должен проследить лишь судьбу последнего слова в романских языках, и исторически, и фактически неправильно. Исторически — потому, что в разные романские страны попадала латынь разных исторических периодов. Фактически — и это следствие первой предпосылки — потому, что романские языки сохраняют не только более поздние латинские значения (*testa*), но и более ранние (*caput*).

Отражение *caput* — *testa* в романских языках имеет, однако, и другую сторону. *Caput* и *testa* распределяются не только м е ж д у разными романскими языками, но в некоторых случаях слова эти образуют определенный синонимический ряд в н у т р и отдельных романских языков. В испанском обычное обозначение «головы» *cabeza*, тогда как *testa* скорее осмысляется переносно («лоб», «разум»). Более четко дифференцированы *tête* и *chef* (*caput*) в современном французском языке. *La tête* — это прежде всего «голова человека», а в фигуральном значении слово это употребляется обычно только по отношению к неодушевленным понятиям: ***la tête** d'un canal* «голова, т. е. начало канала», тогда как переносное значение

[15] См. E. L ö f s t e d t, Syntactica, т. 2, 1933, стр. 352.

[16] См. карту распространения *testa* — *caput* у M i g l i o r i n i («Linguistica», 1946, стр. 60—61).

по отношению к людям выражается при помощи слова *chef*: ***le chef*** *d'une entreprise* «глава предприятия», ***le chef*** *de l'armée* «командующий армией», «глава армии».

Эта дифференциация *tête* — *chef* установилась в истории французского языка не сразу. В старофранцузском *chief* означало то же, что и *teste*. Так, в «Песне о Роланде» (стих 214): *li emperere en tint son* ***chief*** *embrunc*, буквально: «император держит свою голову наклоненной». И вплоть до XVII в. включительно слово *chef* еще могло означать «голову». (См. у Мольера: *par mon chef*, «клянусь моей головой», Etourdi, I, 5.) Но постепенно уже с конца средних веков намечается дифференциация *tête* — *chef*, завершившаяся лишь к XVIII в. В тех романских языках, в которых сохранились и латинское *testa*, и латинское *caput*, борьба между этими двумя синонимами либо приводила к оттеснению одного из синонимов, либо к установлению смысловой дифференциации между ними, что не могло не способствовать закреплению как одного, так и другого синонима.

Распределение слов *caput* и *testa* в романских языках ставит перед исследователем не только проблему размежевания латинских слов между романскими языками, но и проблему смысловой группировки этих слов внутри тех отдельных романских языков, которые сохранили оба латинских слова. Своеобразная проблема «семантических сфер» здесь имеет сразу два аспекта — межязыковой и внутриязыковой. Слова латинского основного словарного фонда не просто перекочевывают в романские языки, как это обычно изображается, но и сами развиваются в системе этих языков.

Известно, что латинское *equus* «конь, лошадь» было вытеснено галло-латинским словом *caballus*, которое первоначально употреблялось в уничижительном значении «мерина». Уже Варрон ощущал этот несколько фамильярный характер слова *caballus*. Но впоследствии слово *caballus* расширило свое значение, стало означать «конь, лошадь» и вытеснило из употребления *equus*. В результате в романских языках в значении «лошадь» выступает прежде всего галло-латинское слово *caballus* (итал. *cavallo*, исп. *caballo*, франц. *cheval*, рум. и молд. *cal*). Казалось бы, никакого значения для дальнейшего развития романских слов, означающих «лошадь», не имеет старое латинское слово *equus*. И оно всегда изображается именно так, как бесследно исчезнувшее.

В действительности процесс языкового развития представляется значительно сложнее: борьба нового со старым в языке предполагает не простое механическое оттеснение старого и столь же простое механическое продвижение нового, а подлинную борьбу нового со старым, во время которой новое и оттесняет старое, и использует его одновременно для дальнейшего развития самого нового. Не говоря уже о том, что старое латинское слово *equus* может жить в романских языках во всевозможных так называемых «ученых» образованиях (ср., например, франц. *une statue* ***équestre*** — конная статуя), это слово важно для романских языков и в совсем другом отношении. Если *equus* не получило развития в романских языках, то форма женского рода этого слова *equa* «кобыла» частично сохранилась в романских языках (рум. *iapă*, сардск. *ebba*, каталанск. *egua*, португ. *egua*, ст.-франц. *ive*, *ieve*, ст.-прованс. *ega* все в том же значении «кобыла»). Но для того чтобы разобраться в значении этого слова, бытующего в романских языках, необходимо разобраться и в отношении между *equa* и *equus*. Другими словами, *equus* получает косвенное отражение (через форму *equa*) в романских языках. Так как слова в языке живут не изолированно, а находятся в разнообразных словообразовательных, грамматических и семантических связях между собой, то учет этих связей оказывается совершенно необходимым для понимания

взаимодействия латинского основного словарного фонда с основным словарным фондом романских языков.

Нельзя сказать, хотя так обычно утверждается, что для истории слов *equus* — *caballus* в романских языках важен только второй элемент в этом соотношении. При учете всех исторических и лингвистических связей между словами оказываются важными оба эти компонента, хотя каждый из них важен по-своему и каждый из них важен для разных целей, для понимания разных отношений между словами, образующими в языке сложную систему взаимозависимых форм и значений. Разумеется, в тех современных романских языках, в которых сохранилось латинское *equa*, это слово является совершенно самостоятельным образованием по отношению к *caballus* (ср., например, в португальском *cavalo* — «лошадь», но *equa* — «кобыла»), но в той мере, в какой само слово *equa* некогда воспринималось в латинском языке как форма женского рода от слова *equus*, а это последнее входило в синонимический ряд *equus* — *caballus*, мы можем говорить об историческом взаимодействии всех этих трех слов, хотя в некоторых романских языках, сохранивших различие между *equa* и *caballus*, сами эти слова уже не образуют между собой синонимического ряда: утрата слова *equus* свела на нет латинское стилистическое и синонимическое соотношение между *equus* и *caballus*.

Для того чтобы правильнее разобраться во всех исторических и лингвистических типах связей между основным словарным фондом латинского языка и основным словарным фондом языков романских, нужно рассматривать каждое слово как часть более обширного лексического целого, нужно анализировать каждое слово в его этимологических и словообразовательных связях с другими словами языка.

3

При исследовании основного словарного фонда латинского языка в его развитии в языках романских очень существенной оказывается и другая проблема — проблема неравномерного и специфического распределения латинских слов в романских языках. В романистике самый факт подобной неравномерности отмечался неоднократно. Наряду с латинскими словами основного словарного фонда и словарного состава, получившими развитие во всех романских языках, мы встречаемся с очень многочисленными «пластами» слов и отдельными словами, отражающимися лишь в отдельных группах романских языков или даже только в отдельных романских языках. По подсчетам М. В. Сергиевского — впрочем, очень суммарным и предварительным — из 6700 исконных латинских слов, приводимых в этимологическом словаре Майер-Любке, только 1300 слов сохранилось во всех без исключения романских языках, 3900 оказываются общими для ряда романских языков и 1500 слов свойственны только отдельным романским языкам[17]. Другими словами, индивидуальные лексические расхождения между разными романскими языками очень существенны; хотя 5200 слов из 6700 повторяется в большей части романских языков, однако повторяются они так, что в одних случаях охватывают вместе галло-романские и рето-романские языки, в других — галло-романские и иберо-романские, но отделяются от рето-романских; часто в самих галло-романских или иберо-романских языках намечается раскол и т. д. Соотношения оказываются здесь самыми различными.

---

[17] См. М. В. Сергиевский, указ. соч., стр. 32.

Для того чтобы представить характер этих расхождений, приведем только одну небольшую таблицу[18]:

	Итальянский	Французский	Испанский
Двоюродный брат	*cugino*	*cousin*	*primo*
Брат	*fratello*	*frère*	*hermano*
Племянник	*nipote*	*neveu*	*sobrino*
Вечер	*sera*	*soir*	*tarde*
Кровать	*letto*	*lit*	*cama*
Собака	*cane*	*chien*	*perro*
Масло	*burro*	*beurre*	*manteca*
Брать	*prendere*	*prendre*	*tomar*
Хотеть	*volere*	*vouloir*	*querer*
Есть	*mangiare*	*manger*	*comer*

Слова эти в итальянском и французском языках — одного происхождения, тогда как испанский язык образует отклонения. Соответственно можно составить и другие таблицы, которые будут показывать расхождения между итальянским и французским и объединение французского с испанским, точно так же, как и таблицы, иллюстрирующие связи испанского и румынского и их отличия от французского или итальянского, и т. д. и т. п. Во всем этом многообразии есть, однако, и свои закономерности. В иберо-романских языках (испанском, каталанском, португальском, галлисийском), например, совсем не случайно сохранилось большое количество классических латинских слов, не удержавшихся в других романских языках: *avis* «птица» (исп. и потуг. *ave*), *sensus* «разум» (исп. *seso*, португ. *siso*), *metus* «страх» (исп. *miedo*, португ. *medo*), *comedere* «есть» (исп. и португ. *comer*), *securis* «топор» (исп. *segur*) и многие другие. И это понятно, так как Пиренейский полуостров был романизован раньше, чем Галлия, Реция и Дакия. В результате в иберо-романских языках встречаются слова, которых не оказывается в романских языках, возникших исторически позднее. Но и внутри иберо-романской лексики намечаются существенные различия. Так, например, «ребенок», «собака», «колено», «окно», «улица», «шляпа», «нож», «фитиль» по-испански *niño*, *perro*, *rodilla*, *ventana*, *calle*, *sombrero*, *cuchillo*, *pajuela*, а по-португальски иначе: *criança* (*menino*), *cão*, *joelha*, *janella* (теперь *janela*), *rua*, *chapéo*, (теперь *chapéu*), *faca*, *mecha*[19].

Но если предпосылки, определившие дифференциацию латинской лексики по разным областям и разным романским языкам, представляются сейчас в самых общих чертах все же достаточно ясными (период и характер романизации, своеобразие взаимоотношений с местными языками аборигенов, устойчивость латинской традиции, своеобразие иноземных воздействий и т. д.), то конкретные причины сохранения или вытеснения тех или иных латинских слов в тех или иных романских языках обычно освещаются все еще совершенно недостаточно. Больше того, многие исследователи даже склонны утверждать, что «причины, побудившие оказывать предпочтение тем или иным словам перед другими, нам неизвестны»[20]. Поэтому нельзя не подчеркнуть, что установление этих причин для тех или иных групп и «пластов» слов является важной задачей романского языкознания.

Задача эта, однако, очень нелегка, и трудности, стоящие на этом пути перед лингвистом, действительно, все еще очень велики. Дело в том что

[18] См. J. Jud, Problèmes de géographie linguistique romane, «Revue de linguistique romane», I, 1925, стр. 181—182.

[19] См. Э. Бурсье, Основы романского языкознания, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952 [русск. перевод], стр. 355.

[20] Там же, стр. 51.

наше знание латинской лексики в ее историческом развитии в романских языках остается все еще очень неполным. Приведем здесь только один пример. Сравнительно еще совсем недавно считали, что латинское *alveare* «пчелиный улей» находит отражение только в румынском слове *albinà* «пчела»[21]. Однако в самое последнее время итальянские диалектологи обнаружили это латинское слово в том же значении «пчелиного улья» в центральных рето-романских диалектах[22]. Между тем для того, чтобы воссоздать подлинную реальную картину лексических соответствий и лексической дифференциации латинских слов в романских языках, наше знание материала должно быть максимально полным. И все же проблема лексической дифференциации латинских слов в романских языках может и должна ставиться уже и при современном нашем знании романской лексики.

4

Присмотримся, однако, поближе к проблеме, которая здесь условно названа проблемой «семантических и лексических сфер» в родственных языках. В латинском литературном языке глагол *edĕre* означал «есть», «поглощать». Но в определенных жанрах речи, первоначально в комических и сатирических произведениях римских авторов, стал употребляться другой глагол — *manducare*. Начиная с республиканской эпохи глагол этот проник и в литературный язык. Возникла своеобразная борьба между двумя глаголами. В результате этой борьбы глагол *edere* был оттеснен на задний план и все чаще стал употребляться глагол *manducare*. Причины, вызвавшие оттеснение глагола *edere*, были, повидимому, очень многообразны. Известное значение, в частности, имел тот факт, что отдельные формы глагола *edere* совпадали при спряжении с отдельными формами другого глагола — *esse* «быть». В результате этого омонимического столкновения глагол *edere* мог несколько отступить под напором чаще употреблявшихся форм глагола *esse*. Во всяком случае, у говорящих возникло стремление своеобразно «укрепить» глагол *edere*. Так образовалась форма *comedere*. Именно эта «усиленная» форма и живет в современных ибero-романских языках — в испанском и португальском глаголе *comer*. Вместе с тем другой латинский глагол — *manducare* послужил основой для образования староитальянского глагола *manducare*, новоитальянского глагола *mangiare*, французского глагола *manger*, румынского и молдавского глагола *mânca*.

Таким образом, и в этом случае мы не можем сказать, что лексическая линия развития была прямой и односторонней. Вытеснение *edere* и распространение *manducare* не привело к тому, что в романских языках отразилось только более позднее *manducare*. Борьба *manducare* с *edere* своеобразно преломилась и в романских языках. Эта борьба заставила *edere* сопротивляться, а сопротивление вызвало к жизни новую, как бы усиленную форму — *comedere*. Эта «усиленная» форма, как было отмечено, и сохранилась в части романских языков в виде глагола *comer*. Глагол же победитель нашел себе более широкое поле распространения: он живет как в западных, так и в восточных романских языках. Лексические сферы разграничились: часть романских языков сохранила *comedere*, другая же, и притом большая, стала развивать *manducare*.

Ставя вопрос о сохранении или несохранении тех или иных латинских слов основного словарного фонда в романских языках, следует иметь в

[21] См. W. Meyer-Lübke, Romanisches Etymologisches Wörterbuch, Гейдельберг, 1935, № 393.

[22] C. Tagliavini, Le origini delle lingue neolatine, Болонья, 1949, стр. 140.

виду, что сами эти слова всегда существуют в определенной лексической системе. Присмотримся к следующей таблице[23]:

	Существо женского пола	Женщина	Жена	обращение к женщине
Литературный лат. язык	*femina*	*mulier*	*uxor*	
Латынь V в. н. э.	*femina* — *femella*	*mulier*	*uxor*	*domina*
Ст.-франц. язык	*femelle* →	*femme*	→ *oissor moillier*	*dame*
Новофранц. язык	*femelle*	*femme*		*(ma)dame*
Итал. язык	*femmina*	*donna*	*moglie*	*signora*
Исп. язык	*hembra*	*mujer*	*mujer* (ст.-исп. *uxor*)	*señora*
Португ. язык	*femea*	*mulher*		*senhora*

Стоило только в поздней латыни появиться слову *femella* (производное от *femina*) и приобрести значение «существо женского пола», как тем самым *femina* в старом своем значении стало ненужным. Чем более в первой группе укреплялось *femella*, тем более «освобождалось» слово *femina*. Это дало возможность слову *femina* устремиться во вторую группу и приобрести тем самым значение «женщина». В свою очередь новое значение *femina* вступило во взаимодействие со словом *mulier*. Встав в одну линию с *mulier* (исп. *mujer*), *femina* сохранилось в этом новом своем значении в ряде романских языков. Но *mujer* не отступило перед *femina*, как некогда само слово *femina* в его старом значении («существо женского пола») отступило перед *femella*. В результате — р а с п р е д е л е н и е л е к с и ч е с к и х с ф е р: *mujer* в значении «женщина» живет в одних романских языках, а *femina* — в других.

Вторая и третья группы в романских языках значительно сблизились, так как в средние века понятие «жена» часто выражалось через понятие «моя женщина», т. е. «моя жена». См., например: *lur meres et lur* ***femmes*** «их матери и их женщины», т. е. их жены[24]. Но романские языки не только сузили, но вместе с тем и расширили интересующий нас синонимический ряд. Пополнилась четвертая группа («обращение к женщине»), которая, впрочем, по сравнению с первыми тремя группами не имеет такого широкого распространения.

Таким образом, появление слова *femella* рядом со словом *femina* не только изменило соотношение между этими двумя словами, но отразилось и на всем синонимическом ряде слов, вызвав сближение одних слов и появ-

[23] Ср. W. W a r t b u r g, Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft, Галле, 1943, стр. 107.

[24] «Песнь о Роланде», стих 1402.

ление других. Можно предположить, что чем больше сближались между собой слова второй и третьей группы («женщина» и «жена»), тем большая необходимость появлялась в особых словах для обращения к женщине, так как в романских языках само слово «женщина» (*femme*, *mujer*) стало очень часто означать «жена». Слова основного словарного фонда латинского языка не механически перешли в основной словарный фонд романских языков, а продолжали в нем непрерывно развиваться.

При разграничении лексических и семантических сфер латинских слов в романских языках необходимо с одинаковой тщательностью анализировать как структуру самих слов, так и их смысловое наполнение. Между тем это очевидное условие далеко не всегда соблюдается исследователями. В этимологическом словаре романских языков Майер-Любке (1935) указывается, что латинский глагол *ferire* «бить», «ударять» послужил источником для французского *férir*, провансальского *ferir*, испанского *herir*, португальского *ferir*. В действительности только во французском и провансальском языках этот глагол сохранил латинское значение «бить», тогда как в итальянском, в каталанском и в некоторых других романских языках этот глагол получил значение «ранить». Следовательно, нельзя в одну шеренгу выстраивать все романские соответствия латинскому глаголу *ferire*. В одних случаях это действительно прямые соответствия, в других — соответствия, определившие вместе с тем дальнейшее семантическое развитие глагола. Следовательно, если в случае с *femina* — *mulier* было обнаружено распределение разных слов по разным романским языкам, то в случае с глаголом *ferire* обнаруживается распределение не разных слов, а разных значений одного и того же слова по разным романским языкам.

Другой вопрос, почему в галло-романских языках старое значение глагола *ferire* оказалось более устойчивым. Возможно, при этом, как предполагают некоторые диалектологи, сыграл известную роль тот факт, что для понятия «ранить» в галло-романских языках стали употреблять заимствованные слова *blesser* и *navrer*. В этом случае направление семантического развития глагола *ferire* могло быть подсказано его местом среди других синонимов этого ряда. А так как место это в разных романских языках было различным, то и дальнейшее смысловое развитие глагола *ferire* в разных романских языках также оказалось различным.

Своеобразие развития основного словарного фонда, общего в родственных языках, в том или ином отдельном языке может определяться культурно-историческими факторами. Латинский глагол *ligare* «связывать» сохранился в том же значении в итальянском *legare*, испанском *liar*, французском *lier*. Но в румынском и молдавском языках этот глагол получил несколько иное развитие: не только *lega* «связывать», но и *legăna* «привязывать» — производное образование от *lega*. В свою очередь глагол *legăna* (лат.* *liginare*) отошел в своем движении от значения «связывать», получив новое осмысление «качать». От этого нового значения образовалось и существительное *leagăn* «колыбель». Чтобы понять, как могло возникнуть такое, кажущееся на первых порах несколько неожиданным, смысловое развитие, необходимо обратиться к истории соответствующих реалий. В старой Валахии, как и в старой Молдавии, люльки действительно «подвешивались» — привязывались к особому бревну в крестьянских избах. Глагол «привязывать» стал ассоциироваться с понятиями «качать», «убаюкивать», а от этого нового значения образовалось и имя существительное «колыбель, люлька» (*leagăn*). В других романских языках глагол *ligare* «связывать» не получил развития в этом направлении. Так условия быта народа предопределили отклонения от общей смысловой линии развития слова.

При исследовании характера лексических расхождений между разными

романскими языками следует самым тщательным образом учитывать разнообразные факторы. Среди этих факторов важное значение имеет фактор словообразования. Испанское слово *hermano* «брат» кажется совершенно оторванным от французского слова *frère*, итальянского *fratello*, румынского и молдавского *frate*. Между тем это слово, которое кажется сейчас «оторванным», стоящим изолированно (как и португ. *irmão* «брат»), возникло из определенного словосочетания — *frater germanus* «родной брат». Впоследствии *germanus* (откуда исп. *hermano*, португ. *irmão*) стало употребляться самостоятельно, образовав своеобразную лексическую дифференциацию между иберо-романскими и остальными романскими языками[25].

Французское слово *forêt* «лес» кажется сейчас совершенно не связанным с латинским словом *silva* «лес», тогда как первоначально слово это возникло из словосочетания *forestis silva*, т. е. «неогороженный лес». Затем *forestis* подверглось субстантивации, образовав *forêt*. Наряду с сохранившимся в большей части романских языков латинским словом *caseus* «сыр» (рум. и молд. *caş*, исп. *queso*, португ. *queijo*), в Галлии в этом значении стало распространяться словосочетание *caseus formaticus*, буквально: «сыр, сделанный в форме». Затем определение (*formaticus*) от этого словосочетания обособилось и, подвергнувшись субстантивации, стало обозначать «сыр» (первоначально — «сделанный в форме»). Так образовалось во французском и в некоторых других романских языках слово «сыр» (франц. *fromage*, прованс. *formatge*, итал. *formaggio*).

Таким образом, чтобы понять, почему слово «брат» или слово «сыр» в разных романских языках, подолжая латинскую традицию, оказываются все же различными словами, необходимо знать, в какие связи с другими словами вступали эти слова, образуя в большей или меньшей степени устойчивые словосочетания. История многих словосочетаний может объяснить нам и многие лексические расхождения между романскими языками. И это понятно, так как характер словосочетаний в разных, даже родственных языках очень различен. Слова родственных языков, взятые изолированно, очень часто совпадают сами по себе, тогда как их лексические и грамматические взаимоотношения с другими словами в системе данного языка обычно оказываются «индивидуальными» или, во всяком случае, менее общими (общность в этом плане часто объясняется калькированием).

Мы уже знаем, что лексические расхождения между романскими языками объясняются прежде всего исторически. Если в испанском и португальском языках обнаруживается много латинских слов, не сохранившихся в других романских языках, то это в общих чертах определяется тем, что в Испанию и Португалию попала более древняя латынь, чем, например, в Галлию или Дакию. Еще более архаической оказалась латынь в Сардинии. Латинский глагол *pudere* «стыдиться» (*mihi pudet* «мне стыдно») не проник ни в один романский язык, кроме сардского, где он встречается в центральном диалекте логудору. Латинский глагол *pugnare* означал не только «сражаться», но и «стремиться». В этом последнем значении *pugnare* встречался в староиспанском и старопортугальском языках. Но в сардском языке он живет и сейчас (*punnas a intrare* «ты стремишься, ты хочешь войти»). Больше того, на основе этого значения в сардском языке развились новые оттенки смысла данного глагола: «стремиться прибыть в определенное место», «часто ходить в определенное место»[26].

В дальнейшей истории романских языков слово *pugnare*, и ранее

---

[25] Во французском языке слово *germanus* сохранилось по преимуществу лишь в специальном значении: *cousin* ***germain*** «двоюродный брат», но *frère* «родной брат».

[26] См. M. L. Wagner, La lingua sarda, Берн, 1950, стр. 93—94.

бывшее непрочным и малоупотребительным, не сохранялось, тогда как в одном из романских языков, в который оно попало раньше и при других исторических обстоятельствах (Сардиния была романизирована уже в 3 в. до н. э.), слово это не только сохранялось, но даже и дальше развивалось в своих значениях. Слово *pugnare*, сейчас стоящее изолированно в сардском языке, некогда имело романские соответствия. Следовательно, и при оценке слов-одиночек, т. е. слов, сохранившихся только в одном романском языке, должна быть строго выдержана историческая точка зрения.

Картина «лексических и семантических сфер» романских языков сделается, однако, гораздо более пестрой, как только мы начнем привлекать материалы романских диалектов. Для иллюстрации этого общего положения приведем здесь лишь один пример. В том же очень «небольшом» (по количеству говорящих на этом языке людей) сардском языке, в различных его диалектах имеется четыре слова для обозначения «двери»: *enniceddа* от *enna* «дверь», *frenesta* от *finestra*, *ventana* и *balkone*. Каждое из этих слов имеет соответствующие романские параллели: *enna* может быть сопоставлено с португальским *janella* «дверь», *frenesta* — с французским *fenêtre* «окно», *ventana* — с испанским *ventana* в том же значении, которое в свою очередь ассоциируется с «ветром» (исп. *viento* «ветер»), наконец, *balkone* — слово, известное и другим романским языкам, правда, в другом осмыслении. Таким образом, при привлечении подобного рода диалектального материала, картина романских «лексических сфер» становится еще более сложной. Здесь перекрестные линии оказываются не только более многочисленными, но вместе с тем как бы направленными в разные стороны. При этом становится очевидным, насколько важно при изучении лексики диалектов одного романского языка всесторонне учитывать лексику диалектов всех других романских языков, насколько важно и в этом случае устанавливать основные линии разграничения «лексических сфер» родственных языков.

Есть еще один дополнительный фактор, способствующий известной лексической дифференциации между романскими языками. Мы имеем в виду так называемые «ученые слова» в различных романских языках.

В старофранцузском языке прилагательное *mûr* «зрелый» находилось в строгом словообразовательном соответствии с существительным *mûrison* «зрелость». Впоследствии, к концу средних веков, *mûrison* было вытеснено латинизмом, который первоначально употреблялся в ученых сочинениях — *maturité* (лат. *maturitas* «зрелость»). В результате некогда непосредственно связанные между собой единством корня слова *mûr-mûrison* разошлись, образовав как бы «разорванный ряд», уже утративший былую словообразовательную общность: *mûr* — *maturité*. Но в современном итальянском языке эти же самые слова сохраняют единство корня: *maturo* «зрелый» — *maturità* «зрелость». Такая же картина в испанском: *maduro* — *madurez*. Следовательно, вопрос о том, почему во французском языке корневая связь между данным существительным и данным прилагательным не сохранилась, распалась, а в итальянском и испанском языках она удерживается и не нарушается, тесно связан с вопросом о том, какими путями проникает то или иное «ученое слово» в тот или иной романский язык. История вытеснения *mûrison* с помощью *maturité* должна объяснить нам и другое — возникновение разрыва в данном словообразовательном ряду, в данном языке, в данную историческую эпоху. Так «ученые слова» могут осложнять словообразовательные связи в одном из родственных языков, подчеркивая тем самым своеобразие словообразовательных и лексических особенностей данного романского языка по сравнению со словообразовательными и лексическими особенностями других романских языков.

5

Имеется еще один очень важный фактор, определяющий особенности «лексических сфер» романских языков. Речь идет о влиянии местных языков на язык-победитель. К сожалению, проблема субстрата в романской лексике, как уже подчеркивалось, все еще совершенно недостаточно изучена. Следует, однако, предостеречь от неправильного стремления некоторых исследователей все расхождения в лексике романских языков объяснять прежде всего субстратом. Так как в процессе скрещивания языков один из языков всегда выходит победителем и так как в процессе скрещивания латинского языка с языками аборигенов на территории будущих романских языков победителем оказался язык латинский, то в истории самого латинского языка прежде всего, как и в истории образовавшихся от него романских языков, нужно искать причины лексических схождений и лексических расхождений между романскими языками.

Разумеется, при изучении различных расхождений между романскими языками в области лексики языки аборигенов могли бы многое объяснить. Но здесь мы встречаемся с объективными трудностями: наше знание целого ряда языков аборигенов на территории, ставшей впоследствии романской, остается все еще очень незначительным. Один из новейших исследователей сардского языка прямо подчеркивает, что «дороманский язык на территории Сардинии был и остается для нас загадкой»[27]. Конечно, в тех случаях, когда мы можем более тщательно изучить неромaнские элементы романской лексики, это необходимо сделать. Так, интересно, например, что такие французские слова, как *grain* «зерно», *farine* «мука», *lait* «молоко», *beurre* «масло» — латинского происхождения, а такие, как старофранцузские *bren* «отруби» или *mesgue* «пахтанье» — галльского происхождения; такие слова, как *champ* «поле», *pré* «луг» — латинского происхождения, а такие, как *raie* «борозда» или *sillon* «черта» — происхождения галльского[28]. Примеры эти показывают, что слова местного происхождения более цепко держались в специальных названиях, но легче уступали дорогу словам языка-победителя в сфере более общих понятий. Наблюдения подобного рода пока, однако, очень ограниченны и не дают возможности сделать более широкие выводы.

Аналогичные проблемы возникают и при изучении слов иностранного происхождения в романских языках. Здесь, правда, исследователю приходится, как правило, иметь дело с языками, гораздо больше известными и лучше изученными, но проблемы, возникающие при этом, имеют много общего с проблемами, которые должен решить исследователь, занимающийся субстратом. В одном случае возникает проблема — в каких лексических сферах удерживаются слова языка побежденного, в другом — в какие лексические сферы проникают слова иностранного происхождения.

Греческое слово θεῖος «дядя» стало оттеснять латинское слово того же значения *avunculus*, причем процесс этот проходил с юга на север. Греческое слово, распространившись по Апеннинскому и Пиренейскому полуострову, как бы остановилось перед Галлией, Рецией и Дакией и не проникло дальше на север. Вот почему в современном итальянском языке мы обнаруживаем *zio*, в испанском и португальском *tio*, тогда как французский, провансальский и румынский сохраняют латинское слово *oncle*, *unchiu*. В этом случае лексическая дифференциация романских языков определилась, с одной стороны, иноземным воздействием, а с другой — сопротив-

[27] M. L. Wagner, указ. соч., стр. 67.

[28] См. W. Wartburg, Die Entstehung der romanischen Völker, Галле, 1939, стр. 42—43.

лением этому иноземному воздействию со стороны латинского языкового материала. Там, где это сопротивление оказалось мощным, иноземное воздействие отступило, разбившись о барьер более глубокой традиции. В результате — лексическое различие между разными группами романских языков.

Однако было бы неправильно наиболее типичные случаи лексической дифференциации между романскими языками в области основного словарного фонда сводить прежде всего к всевозможным иностранным воздействиям. Между тем именно так обычно поступают зарубежные лингвисты[29]. Чужеземные влияния, конечно, имели место в истории развития романской лексики, как и в истории лексики других языков, но не следует преувеличивать значения этих влияний. Исследователь должен все время иметь в виду, что язык — это не сумма разрозненных явлений, возникших из разных случайных источников, а определенная система, обычно вырабатывающаяся на протяжении ряда поколений. Как уже подчеркивалось, в процессе образования романских языков латинский язык, взаимодействуя с языками аборигенов, оказался победителем. Поэтому совершенно понятно, почему именно латинский элемент (язык-победитель) образует такой большой удельный вес в основном словарном фонде романских языков.

Дальнейшая история латинского слова *avunculus* «дядя» в некоторых романских языках очень интересна. Дело в том, что в латинском языке различались понятия «дядя по линии матери» — *avunculus* и «дядя по отцу» — *patruus*, точно так же, как различались понятия «тетка по линии матери» — *matertĕra* и «тетка по отцу» — *amita*. Во французском же языке нет такой дифференциации: первой паре слов соответствует только одно слово *oncle* «дядя» (как по матери, так и по отцу), второй паре слов — тоже одно слово *tante* «тетка» (как по матери, так и по отцу). Чтобы объяснить эти утраты, необходимо иметь в виду, что в эпоху Империи юридически различались эти понятия (дядя по линии отца имел иные права, чем дядя по линии матери, и т. д.), тогда как в последующее время юридически эти понятия перестали различаться, что и могло послужить одной из причин, приведшей к потере одного из членов каждой коррелирующей пары слов. В этом случае история слов находится в тесной связи с историей соответствующих понятий.

Под воздействием арабского завоевания Иберского полуострова в испанский и португальский языки проникло немало слов арабского происхождения. По сравнительно новым подсчетам, в испанском языке их свыше тысячи, а в португальском — около 600 слов[30]. Эти слова характерны для иберо-романских языков, в отличие (за немногими исключениями) от других романских языков. В свою очередь и внутри иберо-романских языков здесь намечаются немалые расхождения: в испанском языке арабских слов не только больше, чем в португальском, но в ряде случаев эти слова совсем другие, нежели арабские слова португальского языка[31]. Следовательно, вопрос о том, в какие лексические сферы проникают иноземные слова, могут ли они частично вытеснить слова основного словарного фонда, какое соотношение в синонимике родного языка они вызывают, обогащая или суживая эту синонимику,— вот далеко не полный перечень вопросов, возникающий при изучении проблемы заимствованных слов в романских языках. Однако в данной статье мы хотели обратить

[29] См., например, W. Wartburg, Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume, 1950, passim.

[30] См. Nascentes, Dictionário etimológico de Lingua portuguesa, Рио-де-Жанейро, 1932, стр. XXV—XXVII.

[31] См. там же.

внимание на другое: на сходства и расхождения романских языков в сфере слов, относящихся к их основному словарному фонду латинского происхождения.

*

Подведем итоги. Изучение основного словарного фонда родственных языков так же важно и существенно для глубокого понимания родства языков, как изучение грамматического строя. Связи основного словарного фонда родственных языков с историей народов — творцов и носителей этих языков — часто отличаются от тех связей, которые существуют между словарным составом этих языков и жизнью общества. Словарный состав как более подвижный элемент лексики обычно непосредственно отражает изменения в обществе, достижения в науке и технике. Основной же словарный фонд, вырабатывающийся на протяжении многих поколений, оказывается связанным в большинстве случаев не с теми или иными отдельными событиями в жизни общества, а со всей историей общества, со всей историей данного народа, со всей историей данного языка. Если такие слова, как *электричество* и *радио*, *трактор* и *самолет*, возникают в языке под воздействием совершенно определенных открытий и успехов в науке и технике, определенных фактов общественной жизни, то слова типа *земля* и *вода*, *человек* и *животное*, *ходить* и *делать* определяются всей историей жизни народа, всей историей языка. Вот почему, анализируя те или иные слова основного словарного фонда в родственных языках, мы стремились прежде всего определить то место, которое занимают эти слова в целостной системе каждого языка, установить синонимические и словообразовательные связи этих слов с другими словами данного языка. Установив эти связи, легче обнаружить и своеобразие этих общих для родственных языков слов в системе каждого языка. Вместе с тем здесь была сделана попытка показать, что слова основного словарного фонда, при всей их устойчивости, медленно, но неуклонно развиваются. Пути развития этих слов, общих в родственных языках, имеют и точки соприкосновения, и существенные моменты различий и расхождений.

При исследовании основного словарного фонда родственных языков следует самым тщательным образом учитывать как то, что объединяет все родственные языки между собой, так и то, что составляет специфику отдельных групп этих языков и специфику каждого языка, хотя и входящего в семью родственных языков, но вместе с тем являющегося языком вполне самостоятельным. В этом плане чрезвычайно важно изучить все причины, определяющие сходства и различия внутри основного словарного фонда романских языков. Глубоко ошибочна та точка зрения, которая всякие различия между романскими языками объясняет только субстратом и только внешними влияниями на тот или иной язык, не видя тех внутренних глубинных сил, которые определяют эти сходства и эти различия. Если сходства в основном словарном фонде романских языков определяются прежде всего единством происхождения этих языков из одного языка-основы, то различные расхождения внутри основного словарного фонда романских языков вызываются многообразными причинами. Здесь были указаны:

1) различия исторических путей формирования слов в связи со своеобразием условий жизни того или иного народа — творца и носителя данного языка (*paganus*, *pagano*, *païen*; *ligare*, *legare*, *lega*, *legăna* и др.); 2) различия, связанные со спецификой словообразовательной системы каждого языка и местом, которое занимало или занимает анализируемое слово в словообразовательной системе языка в отличие от словообразо-

вательной системы других родственных языков (*frère*, *hermano*; *fromage*, *queso* и др.); 3) различия, определяемые тем, в какую позицию вступает слово в синонимическом ряду языка, в каком взаимодействии оно находится с другими словами языка в отличие от тех условий и тех синонимических рядов, в которые попадает слово в других родственных языках (*fuoco*, *fuego*, *foc*, *feu*; *testa*, *tête*, *cabeza*, *chef*; *femme*, *mujer* и др.); 4) различия, образованные неодинаковыми взаимоотношениями в разных родственных языках между литературной лексикой и лексикой местных диалектов, между словами народного и так называемого «ученого» происхождения (*ennicedda*, *frenestra*, *ventana*, *balkone*, *murison*, *maturité* и др.); 5) различия, вызванные иноземным языковым воздействием и характером сопротивления этому иноземному воздействию со стороны местного языка. Разная сила иноземного языкового воздействия и разная сила встречного сопротивления приводят иногда к некоторым различиям в основном словарном фонде родственных языков (*oncle*, *zio*, *tio*; *bren*, *mesgue* и др.).

Следовательно, своеобразие исторических и лингвистических путей развития каждого языка предопределяет и своеобразие его основного словарного фонда. С этой точки зрения всевозможные и разнотипные иноземные воздействия, очень важные сами по себе, отодвигаются, однако, на второй план, когда рассматриваются основные причины сходства и основные причины расхождений внутри языков, образующих единую группу родственных языков. Иностранные воздействия не могли превратить романскую лексику любого романского языка в лексику в своей основе нероманскую, хотя они и могли существенно повлиять на нее. Вот почему при изучении сходств и расхождений внутри основного словарного фонда романских языков первостепенное значение приобретает изучение тех движущих сил в развитии этого фонда, которые определили, с одной стороны, его общероманский характер, а с другой — придали лексике каждого романского языка своеобразие, в свою очередь предопределенное романским характером каждого романского языка. Не только сходства, но и расхождения внутри романских языков зависят прежде всего от характера этих языков как языков романских. Только исследовав эти условия развития языков в первую очередь, лингвист может обратиться и к остальным вспомогательным факторам, влиявшим на сходства и различия между родственными языками.

Отмечая иностранные влияния на русский язык, И. В. Сталин пишет: «Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития»[32].

---

[32] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1953

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. И. АВАНЕСОВ

К ВОПРОСАМ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА*

1

В своих гениальных трудах по языкознанию И. В. Сталин впервые изложил созданное им марксистское учение о местных («территориальных») диалектах и их роли в истории образования национальных языков. Местные диалекты обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. «Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская „речь") русского языка, который лег в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального языка. Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»[1].

В приведенной цитате не только исчерпывающе сформулирован теоретический вопрос о роли местных диалектов в истории образования национальных языков, но и дано прямое указание на курско-орловский диалект как основу русского национального языка. К сожалению, за время, прошедшее после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, в печати еще не появилось ни одного исследования, посвященного разработке данной проблемы. Первая статья, относящаяся к ней, принадлежит историку — И. М. Ионенко (см. сноску *). Появление статьи следует приветствовать, так как она может содействовать обсуждению этой важной проблемы, поставленной перед историками и лингвистами-русистами, и ее дальнейшей разработке.

И. М. Ионенко справедливо пишет, что разрешение проблемы образования и развития русского национального языка, в основу которого, как указал И. В. Сталин, лег курско-орловский диалект, «потребует совместных усилий историков и лингвистов» (стр. 89)[2]. Однако эти «совместные усилия» мы понимаем таким образом, что историк исследует исторические

* По поводу статьи И. М. Ионенко «Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка» («Вопросы истории», М., 1952, № 7, стр. 88—100).

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 43—44.

[2] Здесь и ниже ссылки на страницы статьи И. М. Ионенко даны в тексте.

предпосылки проблемы — вопрос об экономических, политических и культурных условиях развития русской нации, о роли курско-орловского края в процессе развития русской нации, предоставив историку языка на основе языкового материала и своих специфических методов изучить вопрос о развитии языка русской (великорусской) народности в русский национальный язык, обусловленном появлением капитализма, ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка[3].

Само собой разумеется, что историк воспользуется лингвистическими данными, ибо без них историческое исследование не может быть полным, так как общность языка является одним из существеннейших признаков нации; точно так же и лингвист использует результаты исторического исследования, ибо «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[4]. Важно подчеркнуть, что историки лингвист имеют свои разные объекты исследования, разные источники и разные методы и заменить один другого не могут.

В статье И. М. Ионенко имеется много ценных соображений исторического характера, которыми, без сомнения, воспользуются как историки, продолжая разработку той же проблемы, так и историки языка; правда, в ней есть и спорные положения, а в ряде случаев даже неприемлемые. Что же касается лингвистической части статьи, то она вызывает много вопросов и недоумений, а порою и возражений. Автор не всегда критически пользуется лингвистической литературой, а его собственные соображения историко-лингвистического характера оказываются неприемлемыми для специалиста.

И. М. Ионенко прав, утверждая в полном согласии с советской исторической и лингвистической наукой, что образованию трех восточнославянских народностей и их языков (великорусского, украинского и белорусского) предшествовало наличие одной древнерусской народности и ее языка, охватывавшего все восточное славянство. Автор прав, утверждая, что «язык великорусской народности (ее основного ядра — Московского центра) в основном сложился в XV веке. В процессе объединения земель вокруг Москвы и складывания Русского централизованного государства создавались элементы единой русской культуры, нивелировались местные особенности в быту и культуре, развивались общерусские черты и особенности в литературном письме, живописи, зодчестве и т. д.» (стр. 95). Отметим, тем не менее, что не следует преувеличивать процесс нивелировки в быту и культуре, ибо этнографические признаки оказываются в общем весьма устойчивыми и во многом сохранялись до последнего времени.

Весьма ценны замечания автора об усилении в Русском государстве, начиная со второй половины XVI в., экономического и политического значения южных областей и прежде всего курско-орловского края, объясняющие укрепление южновеликорусских черт в языке формирующейся нации. Приведем некоторые из замечаний автора:

«Служилые люди южных уездов принимали активное участие и в решении государственных дел. Оттуда прибывало значительное количество представителей на земские соборы. Они играли на соборах заметную роль, особенно по вопросам внешней политики. Активное участие служилых людей на земских соборах, выполнение ими многочисленных и разнообразных поручений и заданий правительственных органов по обороне южных

---

[3] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.
[4] Там же, стр. 22.

границ находили свое оформление в письменных документах. Удельный вес дворянства южных уездов в политической жизни страны был велик, и не только в XVI и XVII в., но и в XVIII в. Все это нельзя не учитывать при выяснении влияния курско-орловского диалекта на развитие не только разговорного, но и делового, или приказного, языка Москвы» (стр. 96—97). Правильно указание на то, что в южных областях значительно увеличивается «плотность населения в XVII в., когда развертывается процесс экономического районирования и интересующие нас районы выделились и определились как базы сельскохозяйственного производства» (стр. 97). Правильно замечание о роли южных областей в крестьянском антифеодальном движении XVI—XVII вв. (стр. 97), о роли их в национальной борьбе русского народа против польских феодалов (стр. 98). Весьма ценно указание на то, что в XVII в. в южных областях «развивалось сельское хозяйство и ремесленное производство. Развитие экономики южных уездов было теснейшим образом связано с необходимостью обеспечить оборону государства» (стр. 98).

Таким образом, можно считать, что И. М. Ионенко правильно изображает экономические, политические и социальные условия, характерные для южных областей, начиная со второй половины XVI в., которые определили собою ведущее значение курско-орловского диалекта в пору образования русского национального языка, в особенности в начальный период его развития. Однако русский национальный язык не есть новый язык по отношению к языку русской (великорусской) народности — он есть лишь дальнейшее его развитие, обусловленное развитием самой народности в нацию. Именно этим объясняется особенная сложность проблемы диалектной основы национального языка, развившегося из языка народности, который в свою очередь имел многовековую историю, а также богатую и древнюю письменную традицию.

История языков «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»[5] в применении к отдельному языку представляет собой длительный и многообразный процесс, в котором языковая дифференциация в общем сменяется языковым объединением — интеграцией, причем в некоторые периоды сосуществуют оба эти процесса, хотя и протекают в разных масштабах, при разном территориальном охвате, развертываясь с разной интенсивностью. Процессы языковой дифференциации и интеграции обусловлены историей общества — переходом от первобытно-общинного строя к классовому обществу, к образованию народностей, к феодальной раздробленности в ее многообразных формах, к образованию централизованных государств, к развитию народностей в нации в связи с развитием капиталистических отношений, образованием национального рынка. Эти процессы истории общества определяют развитие диалектов: отмирание одних и появление на их почве других, в большей степени соответствующих новым социальным общностям; приобретение первенствующего значения одним из диалектов за счет других, причем диалект, имеющий ведущее значение в одну эпоху развития данного языка, может утратить ее в другую, а другой диалект, другой эпохи, ранее не имевший такого значения, может приобрести его в процессе дальнейшего развития общества.

К сожалению, все это не учитывается И. М. Ионенко. Поэтому его концепция в целом, в особенности в той ее части, которая относится к более древним периодам истории, не может быть принята лингвистами и, как мне кажется, не может быть принята также историками. По автору, образование языка русской (великорусской) народности и образование

[5] Там же, стр. 12.

русского национального языка представляют собой разные этапы одного и того же (в смысле опоры на тот или иной диалект) процесса, т. е. процесса, при котором ведущее значение во все периоды имел один и тот же диалект. Такой взгляд не соответствует реальному историческому процессу, не говоря о том, что не было такого одного диалекта, существовавшего и в XI—XII вв. (а начальные этапы образования языка великорусской народности И. М. Ионенко связывает с этим временем), и в XVII в., так как диалекты за это время пережили многообразные и сложные процессы дробления и объединения, значительно изменились в своем внутреннем развитии, что внесло изменения в их строй; поэтому ни территориально, ни по своему строю они не представляли в эти разные эпохи тождества.

Учитывая, что язык есть продукт ряда эпох, автор рассматривает вопрос об образовании русского национального языка с древнейшей эпохи. При этом, если его концепция образования языка древнерусской (восточнославянской) народности, в общем принятая в советской науке, вызывает лишь ряд вопросов, требующих уточнения, то его взгляд на диалекты той эпохи не может быть принят. Автор пишет: «В пору древней Руси» (имеется в виду Киевское государство.— *Р. А.*) на основе диалекта полян-руси «протекал процесс складывания языка древнерусской народности, процесс, далеко не завершившийся ко времени феодальной раздробленности древнерусского государства» (стр. 90). Но можно ли говорить о диалекте-основе языка народности, находящейся на такой ранней ступени общественно-экономического и политического развития, как это мы говорим о диалекте-основе применительно к позднейшим эпохам? Не получал ли единый по своему происхождению и потому общенародный язык восточных славян этой эпохи на разных территориях ту или иную характерную местную окраску, т. е. не образовал ли общенародный язык этой эпохи чрезвычайно близкие по отношению друг к другу диалекты, имеющие лишь совершенно незначительные различия, главным образом фонетического порядка? Процессы нормализации языка были в то время в зачаточном состоянии, если не отсутствовали вовсе, что видно хотя бы по языку письменных памятников XI—XII вв., в которых относительно широко отражаются диалектные особенности.

Далее: как понимать положение автора о том, что процесс складывания языка древнерусской народности ко времени перехода к феодальной раздробленности далеко не завершился? Мне кажется, что существование древнерусской народности и ее языка в XI в. не может быть подвергнуто сомнению[6]. Укажем также, что и летописи великолепно отличают не только славян от неславян, но также восточных славян (в определенную эпоху — «Русь») от западных и южных (ляхов, славян дунайских). Может быть, незавершенность процесса складывания языка древнерусской народности следует понимать так, что в последующие эпохи язык древнерусской народности мог бы продолжать развиваться и совершенствоваться как единый язык этой народности, если бы исторические условия, в которых оказалось восточное славянство после перехода к феодальной раздробленности и после татаро-монгольского нашествия, не повели бы его по иному пути развития — к образованию (на почве отдельных диалектов предшествующей эпохи) языков трех формирующихся вос-

---

[6] См. Б. А. Рыбаков, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, «Вопросы истории», М., 1952, № 9, стр. 43. Весьма содержательная и интересная работа Б. А. Рыбакова, в которой впервые во всей широте ставится вопрос об образовании древнерусской народности, требовала бы специального рассмотрения. Многие высказывания автора мне представляются весьма плодотворными и правильными. В этой статье, по необходимости, я ссылаюсь лишь на отдельные положения Б. А. Рыбакова, связанные с разбираемой темой.

точнославянских народностей более поздней эпохи — великорусской (русской), украинской и белорусской? Но разве бывают «завершившиеся процессы», т. е. лишенные дальнейшего развития? Мне кажется, что нет. В таком случае было бы лучше описать то реальное состояние, в котором процесс находился.

Кажется, что ошибочное разрешение вопроса о состоянии языка древнерусской народности к началу феодальной раздробленности объясняется у И. М. Ионенко тем, что свое рассмотрение исторических вопросов он ведет без должного учета данных истории языка. Известно, что общность языка является одним из основных признаков народности. Поэтому вопрос об образовании народности не может быть разрешен историками без участия лингвистов. В противном случае вопрос о языке народности и его развитии останется либо без рассмотрения, либо получит не совсем правильное освещение, как это получилось в названной уже работе Б. А. Рыбакова. Согласно мнению этого автора, ядром, вокруг которого сложилась русская народность, охватившая все восточное славянство, была Русская земля, или Русь, VI—VII вв., в состав которой, по Б. А. Рыбакову (в отличие от мнения А. Н. Насонова), входили не только Киев, Чернигов, Переяславль, но также и Курск[7]. Термин «русская земля» в этом более узком значении держался долго — он был известен, уже не соответствуя исторической действительности, и в XI—XII вв., когда «русская земля» наряду со старым значением употреблялась уже прежде всего для обозначения всей территории древнерусского государства.

Не будем касаться того, что Русская земля VI—VII вв., по мнению автора, в свою очередь сложилась вокруг племени Руси более раннего времени, так как об этом племени мы, в сущности, пока ничего не знаем. В этом случае концепция автора по вопросу об образовании русской народности не вызывает возражения, если она относится к образованию общности культурной, исторической, к образованию государственной территории, но не к образованию языковой общности. Однако, судя по следующему высказыванию, автор не различает эти стороны вопроса: «Нам совершенно неясен процесс объединения племен и племенных союзов вокруг Руси в VII—VIII вв., мы знаем лишь конечный результат — сложение в IX—X вв. единой культуры, единого языка, единой государственной территории»[8]. С таким нерасчлененным подходом историк языка не может согласиться, ибо языковая общность восточных славян, как об этом свидетельствует сравнительно-историческая грамматика славянских языков, предшествовала образованию древнерусской народности. Языковая общность восточных славян появилась не в процессе объединения ряда племенных союзов вокруг Русской земли, русского племенного союза, как думает автор, а наоборот, сама явилась одним из факторов, содействовавших их объединению в народность. Нельзя думать, что, например, территория Новгородской или Смоленской земли в эпоху до образования древнерусской народности в языковом отношении отличалась от Русской земли в большей степени, чем в эпоху после ее образования. Скорее наоборот: эти ранние периоды формирования народности не исключали возможности возникновения диалектных различий, которые действительно вскоре стали появляться. В связи со сказанным положение, будто «племена, относящиеся к одной семье (речь идет о племенах с близкородственными

[7] Отметим, кстати, что Б. А. Рыбаков, много внимания уделяя вопросу о происхождении Руси, рассматривает его не расчлененно: он включает в него как вопрос о происхождении термина «русь», так и вопрос о происхождении народности, известной с определенной эпохи под этим названием. Между тем эти вопросы качественно весьма различны, если не сказать, что они имеют между собою вообще мало общего.

[8] Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 61.

языками.— Р. А.), могут в очень незначительной степени ощущать свое языковое единство...»[9], не может быть принято, так как значительное сходство близкородственных племенных языков есть реальный факт, который не мог не ощущаться. Мне кажется неверным также и взгляд И. М. Ионенко на восточнославянские племенные диалекты древнейшей эпохи и на процесс их превращения в диалекты отдельных феодальных земель и княжеств. Автор пишет: «К тому времени (речь идет о «поре древней Руси», видимо, об XI в., может быть, также начале XII в.— *Р. А.*) восточнославянские племенные диалекты не успели еще «перемолоться», они продолжали сохраняться, постепенно превращаясь в местные диалекты исторически складывавшихся территорий древней Руси (например, Новгородская земля, Ростово-Суздальская, Чернигово-Северская и др.)» (стр. 90). По автору выходит, что племенные диалекты сохранялись, превращаясь в диалекты отдельных феодальных земель и княжеств последующих эпох. Такой взгляд неверен, ибо свидетельствует о изначальности одних и тех же диалектов в языке восточных славян, недаром автор пишет о сохранении диалектов, в то время как речь должна идти об усиленном развитии диалектов, начиная с эпохи феодальной раздробленности.

Для историка языка, в особенности теперь, после разоблачения И. В. Сталиным так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра, несомненно единство происхождения всех восточнославянских языков. История восточнославянских языков безусловно свидетельствует о том, что диалектные различия в этих языках в подавляющей своей части восходят к поздним периодам — к эпохе феодальной раздробленности и к еще более позднему времени образования соответствующих народностей. К эпохе же более древней мы можем возвести лишь очень немногие черты. Это значит, что язык восточных славян в древнейшую эпоху (например, в XI в.) отличался весьма значительным единством, лишь принимая некоторую местную окраску в отдельных частях обширной территории своего распространения, в то время как в XIII в. местные различия уже были довольно значительны. Поэтому диалекты отдельных земель и княжеств, таких, как Новгородская земля, Ростово-Суздальская, Смоленская и др., представляют собой не сохранение старых племенных диалектов, не успевших еще «перемолоться», как думает автор, но развитие диалектов в новых условиях феодальной раздробленности. Не только языковые факты — новообразования, характерные для диалектов этой эпохи, нельзя возвести к эпохе племенной, но и самые их границы или вовсе не связаны с племенными границами, или имеют отдаленную опосредствованную связь.

Следует отметить, что и в статье Б. А. Рыбакова имеется тенденция диалекты позднего времени, а именно того, когда формируются национальные языки (русский и украинский), хотя бы косвенно связать с языковой общностью Русской земли VI—VII вв. Об этом свидетельствует такое положение статьи Б. А. Рыбакова: «Очень важно отметить, что указанные И. В. Сталиным главные диалекты русского и украинского языков (курско-орловский и полтавско-киевский) территориально совпадают с древней Русью VI—VII вв., с русским племенным союзом, предшествовавшим образованию древнерусского государства IX в. Это совпадение представляет большой интерес и потребует дальнейших исследований, так как между временем существования русского племенного союза и временем обособления диалектов лежит несколько веков»[10].

---

[9] Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 42.
[10] Там же, стр. 62.

Мне кажется, что это место работы Б. А. Рыбакова толкает исследователей на неправильный путь. В самом деле: И. В. Сталин говорит о курско-орловском и полтавско-киевском диалектах как основе русского и украинского национальных языков, которые образовались в позднейшую эпоху, в то время как у Б. А. Рыбакова речь идет о племенном союзе древнейшей эпохи. Далее: Б. А. Рыбаков включает в состав Русской земли VI—VII вв. Курск, оставляя в стороне вопрос о том, что курская земля и тем более верхнее Поочье (в будущем Орловский край) — обширная территория вятичей — остаются за пределами Русской земли, в связи с чем объем понятия «Курско-Орловский край» получает весьма суженное и произвольное освещение. Наконец, и самое главное: если общность Русской земли относится к VI—VII вв. и на ее территории образовались основные диалекты разных восточнославянских языков — русского и украинского, то это верный признак того, что их образование исторически не связано с культурной и исторической общностью VI—VII вв., ибо последняя содействовала бы развитию языковой общности, а не языковых различий. Между тем для каждого ясно, что когда мы говорим о развитии русского национального языка на основе курско-орловского диалекта и о развитии украинского национального языка на основе полтавско-киевского диалекта, мы имеем в виду специфические процессы в развитии каждого из этих языков, а не то общее, что лежит в основе их обоих как ближайшим образом родственных восточнославянских языков.

И. М. Ионенко очень далеко в глубь веков отодвигает образование языка великорусской народности. С XII в., пишет он, «старая тенденция образования единой древнерусской народности сменилась тенденцией образования трех народностей: русской, украинской и белорусской» (стр. 89). С этим положением нельзя согласиться, ибо с XII в. начинается не тенденция к образованию трех восточнославянских народностей, а лишь переход к феодальной раздробленности, тенденция к усилению и обособлению отдельных земель и княжеств, к ослаблению общерусских связей при сохранении, тем не менее, традиционного представления о древнерусском единстве; об этом правильно высказывается Б. А. Рыбаков: «В пору феодального дробления Руси, в XII—XIII вв., несмотря на существование нескольких десятков княжеств, единство русской народности очень хорошо осознавалось и находило отражение в терминологии — вся Русская земля противопоставлялась обособленным вотчинам враждовавших князей»[11].

В XII в. и в первой половине XIII в. Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, Ростово-Суздальская земля, Волынь, Чернигов, Рязань и другие области вырабатывают определенные, характерные для соответствующих диалектов признаки. Некоторые из них впоследствии окажутся свойственными отдельным восточнославянским языкам, но это не дает еще оснований, чтобы видеть за ними соответствующие языки, а следовательно, не дает еще оснований для утверждения о наличии в это время соответствующих восточнославянских народностей, если только мы не будем исходить из данных ретроспективных, если не будем переносить категорий позднейшей эпохи на эпоху более древнюю. Эти земли и их диалекты заключали в себе различные потенции: они могли объединиться и продолжить существование одной народности и одного языка, они могли также в зависимости от экономических и политических условий развиться в несколько народностей и языков (и притом не обязательно в три). Однако позднейшего членения восточных славян и их языков на три части — великорусскую, украинскую и белорусскую — в XII в. и в первой половине XIII в. еще

[11] Там же, стр. 44—45.

не было. Не касаясь вопроса об образовании украинского и белорусского языков, отметим, что положение об отсутствии уже сформировавшихся языков восточнославянских народностей в XII в. и в 1-й половине XIII в. отнюдь не противоречит тому, что на северо-востоке, в Ростово-Суздальской Руси, в соответствии с ее экономической, политической и культурной историей в это время накапливались элементы нового качества, на базе которых впоследствии стал формироваться язык великорусской народности.

Едва ли точно положение автора о с м е н е одной тенденции другой: одна тенденция перестает действовать, другая начинает; однако результаты действия этой первой, более старой тенденции, которая была актуальной в течение длительного периода, продолжают еще долгое время сохраняться, лишь постепенно тускнея и перекрываясь результатом действия новой тенденции. Поэтому не только в XII в., но и значительно позднее, когда уже безусловно начали формироваться отдельные восточнославянские народности и их языки, языковое, этническое, культурно-историческое единство восточных славян-руси — продолжало в той или иной степени сохраняться, так и не стершись из памяти народной окончательно до наших дней. В борьбе с польскими и литовскими феодалами украинцы и белоруссы — русские, русь. Не даром борьба за присоединение западных и юго-западных земель идеологически обосновывается борьбой за исконно русские земли. Но эти же «русские» — не русские, а украинцы и белоруссы в борьбе за свое национальное развитие в составе восточных славян.

В этой связи также можно привести высказывание Б. А. Рыбакова, с которым, в основном, можно согласиться. Он пишет: «Появление в конце XIV в. точного обозначения всей Русской земли (речь идет о списке русских городов, составленном около 1396 г.— *Р. А.*) может свидетельствовать о том, что в эпоху Куликовской битвы единство древнерусской народности еще существовало в тех же самых границах, что и во времена древнерусского государства»[12].

Итак, по И. М. Ионенко, с XII в. начинается процесс складывания языка великорусской народности. Где же, на какой диалектной базе он сложился? Вот что говорит по этому поводу И. М. Ионенко: «Казалось бы, что исходя из исторических условий, основой великорусского языка должны были послужить диалекты населения Владимиро-Суздальской земли, где после упадка Киева находились важнейшие центры экономической и политической жизни Руси. Этого, однако, не случилось» (стр. 91). Мы позволим себе несколько ниже разобрать мотивы, по которым автор отвергает возможность формирования языка великорусской народности на северо-востоке — во Владимиро-Суздальской земле. Здесь разберем те положительные взгляды, которые развивает автор. С самого начала, т. е. с XII в., в основу языка развивающейся великорусской народности, по мнению И. М. Ионенко, легли говоры Черниговщины и верховьев Оки, восходящие к племенным диалектам вятичей, радимичей и северян. «В XI—XII вв.,—пишет автор,— население Черниговщины и Северщины находилось в таких условиях экономического, социального и политического развития, которые способствовали интенсивному языковому творчеству, а сравнительно однородная этническая среда представляла для этого творчества прочную основу» (стр. 92). И далее: «В основу языка великорусской народности легла речь крестьянского населения (кстати: почему крестьянского населения, если язык — явление общенародное? — *Р. А.*) Северщины и верхнего течения Оки; эта речь определила московский говор, подчинивший себе другие местные диалекты (Новгорода Великого, Владимиро-Суздальского края и др.)» (стр. 95).

[12] Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 47.

Это положение, по моему мнению, не может быть принято ни историком, ни лингвистом. Почему начальные процессы образования великорусской народности и ее языка отодвигаются так далеко в глубь веков, когда в сущности не было еще исторических предпосылок для этого? Каким образом говоры Северщины могли лечь в основу языка формирующейся на далеком северо-востоке, в районе Клязьмы и верхней Волги, великорусской народности? Очевидно, отодвинуть в глубь веков начальные процессы образования великорусской народности и ее языка потому и понадобилось автору, чтобы оторвать вопрос образования языка великорусской народности от вопроса об образовании самой этой народности в северо-восточной Руси. Но ведь роль Ростово-Суздальской земли, а затем Москвы как территориального ядра великорусской народности, вокруг которого сплачивались и другие земли, становящиеся великорусскими в XIV и XV вв., не может быть оспорена. Как могли говоры Северщины и верховьев Оки лечь в основу языка великорусской народности, если эти территории не только не входили в состав Ростово-Суздальской земли, но в течение довольно долгого времени были также за пределами постепенно укрепляющегося вокруг Москвы Русского государства?

Приведем полностью аргументацию автора: диалекты земель, расположенных по верхнему течению Оки, по Сейму и по Десне, «возникли на основе племенных диалектов коренного славянского населения — вятичей, радимичей и северян, повидимому, очень близких между собой. Здесь не было неславянских элементов, нарушавших устойчивость языка. Несомненно также, что эти диалекты были значительно ближе к древнерусскому (полянскому в основе) языку, чем диалекты северных областей, что являлось дополнительным источником их силы и устойчивости. Все это и привело к тому, что именно эти диалекты, а не северные легли в основу языка великорусской народности» (стр. 91).

Первый из аргументов заключается в том, что диалекты Северщины и верхней Оки возникли на основе племенных диалектов коренного славянского населения и что на данной территории «не было неславянских элементов, нарушавших устойчивость языка». Но разве обязательно, чтобы ведущий диалект был диалектом коренного в этническом отношении населения, к которому восходит данная народность? Нельзя принять в свете сталинского указания о значительной устойчивости языка, в особенности его грамматического строя и основного словарного фонда, мысль автора о том, что наличие иноязычных элементов в предшествующую эпоху нарушает устойчивость языка. Ведь «...скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития»[13].

Другой аргумент автора заключается в том, что предполагаемые им в качестве основы языка великорусской народности диалекты «были значительно ближе к древнерусскому (полянскому в основе) языку, чем диалекты северных областей». Не будем говорить о том, откуда известна автору полянская основа древнерусского языка. Но почему язык вновь формирующейся народности должен развиваться при ведущем значении того же диалекта, что и язык более древней эпохи? Почему в новых исторических условиях это должно явиться «дополнительным источником их силы и устойчивости»? Далее, если этот аргумент принять, то не означало ли бы это, что и в основе языков украинской и белорусской народностей, формировавшихся более или менее одновременно с языком великорусской народности, должны быть диалекты, наиболее близкие к «древнерусскому

[13] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

(полянскому в основе) языку», т. е. что языки великорусской, украинской и белорусской народностей развились на почве одних и тех же диалектов? В таком случае вопрос о диалектной основе теряет всякое содержание.

В обоснование своей точки зрения автор ссылается на исключительную роль Черниговских и Северских земель в борьбе со степью в XI и XII вв., а также на «особенно ответственное положение» Курска, «обращенного в Придонские половецкие вежи» (стр. 92), и далее пишет, что «в этой связи следует обратить внимание на гениальное произведение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в котором воспеты подвиги и несчастья интересующего нас края» (стр. 92). Действительно, «Слово» имело огромный общерусский резонанс, в нем нашла наиболее полное выражение идея единства древнерусской народности, а следовательно, и свидетельство о ее реальности как исторической категории в XII в. Однако непонятно, какое отношение может иметь «Слово» к проблеме возникновения великорусской народности и ее языка. «Слово о полку Игореве» возникло в эпоху древнерусской (восточнославянской) народности и отражает тот период ее истории, когда Русь была охвачена раздорами, связанными с феодальной раздробленностью, и была особенно уязвима для внешнего врага. Эта великая народная поэма отражает патриотические стремления передовой части тогдашнего общества к единству Руси. Отсюда следует, что «Слово о полку Игореве» является общим достоянием всех восточных славян — русских, украинцев, белоруссов — и не может свидетельствовать в какой бы то ни было мере об образовании или хотя бы начальных этапах образования великорусской народности и ее языка.

В этой связи по меньшей мере бессодержательными оказываются следующие слова автора: «Вряд ли можно сомневаться в том, что патриотические, объединительные общерусские идеи «Слова» находили благоприятную почву у населения этого края, в основной своей массе поставленного в такие исторические условия, которые создавали в народе сознание ответственности за судьбы всей Руси» (стр. 92). Но ведь идеи «Слова», как об этом говорит и сам автор несколько выше, ссылаясь на акад. А. С. Орлова, «находили благоприятную почву» во всех частях восточного славянства, далее, они были направлены на сохранение общевосточнославянского единства, т. е. на сохранение древнерусской народности, и, следовательно, не имеют отношения к великорусской народности (которой тогда, кстати сказать, еще не существовало).

Для обоснования своей точки зрения И.М. Ионенко пытается привлечь и данные лингвистические. «Здесь, на юге от Москвы, складывались основы великорусского языка, основы говоров, которые диалектологи относят к среднерусским» (стр. 93). Но если под словом «здесь» имеется в виду часть Северщины и верхнее течение Оки (т. е. Курско-Орловский край), то на этой территории распространены не среднерусские, а южнорусские говоры курско-орловского типа. Ссылка на мнение Е. Ф. Будде о том, что говоры Рязанской, Тульской и Орловской губерний «восходят к языку вятичей» (стр. 93), «однако в них отмечается и влияние северян» (стр. 93), в наше время никого ни в чем не может убедить, ибо работы Е. Ф. Будде отражают давно пройденный этап истории русского языка, и этот автор известен своими попытками некритического антиисторического прямого возведения современных русских говоров к племенным диалектам восточных славян. Это видно даже из примеров Е. Ф. Будде, приводимых автором. На долю северян Е. Ф. Будде относил «умеренное аканье, твердое *к*, звук *с* вместо *ц*» (стр. 93). Здесь все в корне неверно. Чтобы говорить о типе аканья[14] у северян, надо раньше доказать наличие вообще аканья в эпоху существова-

[14] При этом неясно, что имел в виду Е. Ф. Будде под умеренным аканьем.

ния древних восточнославянских племен. Далее: твердое *к* (*чайку*, а не *чайкю*) в древности произносили везде, это — черта, общая всем восточным славянам, а диалектным является мягкое *к*, которое появилось в южных областях, примерно, в XV в.[15] Как же в этих условиях твердое *к* может свидетельствовать о характерных особенностях диалекта северян? Наконец, *с* вместо *ц* (*улиса*, *яйсо*) также черта сравнительно поздняя[16] и потому не имеющая никакого отношения к племенным диалектам. Поэтому ссылки на слова Е. Ф. Будде о том, что «более всего в Брянском уезде мы встречаемся с элементами северского говора» (стр. 93), если под северским говором имеется в виду племенной диалект северян, с точки зрения современной науки о русском языке не имеет никакой цены.

Ничего не разъясняет и ссылка на Е. Ф. Карского, который «отмечал, что умеренно акающие говоры есть южновеликорусские говоры, главным представителем которых является московский говор» (стр. 93). Отнесение московского говора к южновеликорусским не принято в науке, а под умеренным аканьем Е. Ф. Будде и Е. Ф. Карский едва ли имели в виду одно и то же явление, поэтому едва ли можно подкреплять мнение одного из этих ученых ссылкой на другого по вопросам аканья. Но самым удивительным является то, что в аргументации И. М. Ионенко ссылки на Е. Ф. Будде сосуществуют со ссылками на меня, на мою статью[17], где я пишу, что аканье появилось в эпоху феодальной раздробленности, причем в XIII в. в «Верховских княжествах» уже существовало (стр. 93). Ведь мои взгляды на время образования аканья резко отличаются от взглядов Е. Ф. Будде, который не только относит его к племенной эпохе, но находит также возможным связывать различные его типы с разными племенами.

Современные диалекты являются результатом всего предшествующего исторического развития, одни диалектные особенности появились в более раннюю эпоху, другие — в более позднюю. Но прежде чем связывать ту или иную диалектную особенность с определенной исторической эпохой, надо доказать, что эта особенность по характеру своего внутреннего развития, по времени своего возникновения на основе данных относительной и абсолютной хронологии может быть возведена к этой эпохе. Работы Е. Ф. Будде и Е. Ф. Карского, на которые ссылается автор, не удовлетворяют этому методологическому требованию.

Таким образом, положение И. М. Ионенко о том, что язык великорусской народности стал формироваться с XII в. и что в основу его легли говоры Северщины и верхней Оки, ни с исторической, ни с историко-лингвистической точки зрения принято быть не может. Автор напрасно, вопреки прямым данным истории и истории русского языка, отбросил вопрос о роли северо-восточной Руси — Ростово-Суздальской земли, а позднее Москвы — в образовании великорусской народности и ее языка. Именно здесь, в связи с развитием и укреплением Ростово-Суздальской земли после окончательной утраты Киевом своего значения как общерусского (общевосточнославянского) центра, а затем в связи с возвышением Москвы, развитием централизованного государства, происходило формирование великорусской народности и ее языка. К тому же указанный процесс начался не с XII в., как это кажется И. М. Ионенко, который исходит из

---

[15] См. Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации, СПб., 1913, стр. 22 и сл. (приводятся примеры из письменных памятников для начала XVI в.).

[16] См. С. И. Котков, Говоры Орловской области. Фонетика и морфология. Автореферат докт. дисс., Орел, «Орловская правда», 1952, стр. 13.

[17] См. Р. И. Аванесов, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 138.

предвзятой идеи о ведущей роли в этом процессе населения Черниговщины и верховьев Оки и их диалекта, а в XIV в., завершившись, видимо, к XVI в.

Рассмотрим аргументы, при помощи которых И. М. Ионенко отвергает возможность ростово-суздальской диалектной основы языка великорусской народности. Вот что пишет автор по этому вопросу: «Казалось бы, что исходя из исторических условий, основой великорусского языка должны были послужить диалекты населения Владимиро-Суздальской земли, где после упадка Киева находились важнейшие центры экономической и политической жизни Руси. Этого, однако, не случилось, и понятно, почему: Владимиро-Суздальская область не являлась коренной восточнославянской территорией. До IX—X вв. ее заселяли мерянские и муромские племена, принадлежавшие к угрофинской группе. В результате славянской колонизации местное население отнюдь не исчезло. Оно продолжало здесь жить и еще в течение ряда столетий сохраняло свой древний язык. Славянская колонизация направлялась во Владимиро-Суздальскую землю из разных мест — из Новгородской земли,из Смоленщины, и верховьев Волги, и верховьев Оки, и с юга, из области среднего Поднепровья. В результате всего этого население Владимиро-Суздальской земли в языковом отношении было чрезвычайно пестрым. Там не было преобладавшего над другими прочного и устойчивого диалекта, на основе которого мог бы развернуться процесс складывания языка народности» (стр. 91).

Итак, автор пишет, что «Владимиро-Суздальская земля не являлась коренной восточнославянской территорией». Но она не была таковой лишь в самую древнейшую эпоху. Иноязычные племена здесь в большей своей части довольно быстро были ассимилированы восточными славянами, язык которых в результате скрещивания вышел победителем и полностью сохранился. Автор правильно отмечает, что Владимиро-Суздальская Русь была колонизована разными восточнославянскими элементами. Однако было бы неверно преувеличивать пестроту колонизации, говорить о появлении здесь населения из многих и разных мест: основных направлений колонизации Владимиро-Суздальской земли было два — частью с территории новгородских словен и в значительной степени с первоначальной территории кривичей (если не считать, что юго-западный угол земли по р. Москве был заселен вятичами). Мы не знаем о крупных колонизационных движениях, направлявшихся сюда со среднего Поднепровья.

В связи с характером колонизации, продолжает автор, «население Владимиро-Суздальской земли в языковом отношении было чрезвычайно пестрым». Диалектную пестроту северо-восточной Руси также не следует преувеличивать по двум причинам. Во-первых, в древнейшую эпоху колонизации этого края восточнославянские диалекты были чрезвычайно близки друг к другу, успев выработать лишь минимальные диалектные отличия, которые в условиях совместного пребывания населения на новой территории легко могли нивелироваться. Во-вторых, если и имелась в какой-то мере диалектная пестрота в начальную пору колонизации края, то ее могло не оказаться через несколько столетий, когда начала формироваться великорусская народность и ее язык. И действительно, как данные современной диалектологии в их исторической интерпретации, так и показания письменных памятников свидетельствуют об отсутствии здесь диалектной пестроты в эпоху образования великорусской народности. Поэтому нельзя согласиться со взглядом, будто бы в северо-восточной Руси «не было преобладавшего над другими прочного и устойчивого диалекта, на основе которого мог бы развернуться процесс складывания языка народности».

Московские и ростово-суздальские памятники XIV—XV вв. свидетельствуют о наличии в Ростово-Суздальской земле значительного языкового единства и монолитности (я имею в виду договорные и духовные грамоты

великих и удельных князей, Суздальскую летопись[18], Переславльское евангелие 1354 г.[19], Галичское евангелие 1357 г.[20], Московское евангелие 1358 г.[21] и др. памятники). Данные языка этих памятников в сопоставлении с данными диалектологии свидетельствуют о том, что различия между северновеликорусскими говорами вологодско-вятского и владимиро-поволжского типов, граница которых проходит по территории Ростово-Суздальской земли, образовались в более позднюю эпоху. В частности, многие из особенностей владимиро-поволжской группы говоров (которыми она отличается от всех остальных северных говоров, сходясь, напротив, с говорами южными) появились, видимо, в те эпохи, когда в процессе дальнейшего развития языка великорусской народности стала усиливаться роль южновеликорусских диалектов, когда наметилась смена диалектной базы русского (великорусского) языка, т. е. приблизительно с XVI в.

Наконец, если бы в северо-восточной Руси XIV в. и не было прочного и устойчивого диалекта, на основе которого мог сложиться язык народности, то все же едва ли пришлось бы «экспортировать» этот диалект издалека — из области, находившейся за пределами той территории, на которой складывалась великорусская народность: самые потребности общения вызвали бы к жизни появление такого «прочного и устойчивого диалекта», создали бы единство языка, необходимое для развития общества.

Уже при закате Киева владимиро-суздальский северо-восток был крупнейшим центром, продолжавшим киевские традиции, имевшим богатую культурную традицию, развивавшим письменность. В XIV—XV вв. он крепнет и развивается вместе с развитием великорусской народности. Богатая письменность северо-восточной Руси не оставляет сомнений в том, что язык развивающейся народности первоначально имел достаточно выраженный «северный» характер, что диалект Черниговщины и верховьев Оки не участвовал сколько-нибудь заметно в развитии языка великорусской народности ранней поры.

Характеризуя последующие процессы в образовании языка великорусской народности (т. е., видимо, после XII в.), автор правильно пишет о передвижении населения с юга на север, к Москве, в годы татаро-монгольского нашествия и в последующее время (стр. 93—94). Он говорит, что «лучшей иллюстрацией этого процесса является складывание московского говора в XIII—XV вв.» (стр. 94). Однако характеристика московского говора этого времени, как и всего ростово-суздальского севера (о чем мы уже сказали выше), дается неверная.

Прежде всего, что надо понимать под термином «московский говор»? Если это — говоры Подмосковья, то они не были одинаковы в это время: говоры южного и юго-восточного Подмосковья отличались от говоров северного Подмосковья, равно как и от говоров западного Подмосковья, что объясняется тем, что по Подмосковью проходили границы Смоленской, Чернигово-Рязанской (позднее Черниговской и Рязанской) и Ростово-Суздальской земель. Если это московское просторечье, то надо сказать, что в XIII—XV вв. оно еще не сложилось: в Москве, вероятно, говорили

[18] См. В. И. Борковский, О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, «Труды Комиссии по русскому языку», т. I, Л., Изд-во АН СССР, 1931, стр. 1—91.

[19] См. П. С. Кузнецов, К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, «Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. 2, М.— Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 130—158.

[20] См. Л. П. Жуковская, Из истории языка северо-восточной Руси середины XIV века. (Палеогр. и фонет. исследование рукописи Гос. ист. музея Патр. 68.) Автореферат канд. дисс., М., 1953.

[21] См. О. А. Князевская, К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV века. (О языке Московского евангелия 1358 г.) Автореферат канд. дисс., М., 1952.

и на северном, и на южном диалекте, причем в более древние эпохи безусловно доминировал северный диалект (окающий), а южный (акающий) постепенно расширялся в своем употреблении, уже в XVI в. заметно укрепив свои позиции и лишь к началу XVII в. завоевав господствующее положение. Таким образом, если под московским говором иметь в виду московское просторечие, то о нем можно говорить лишь применительно к XVII в. и последующим эпохам.

Возможно, автор под московским говором имеет в виду говор Московского княжества в его первоначальных пределах, т. е. до первых крупных присоединений, имевших место в 1301—1302 гг. (Коломна, Можайск)? Однако и в этом случае характеристика московского говора, данная автором, неприемлема для историка русского языка.

Автор правильно пишет, что Московский край (точнее: Московское княжество в его первоначальных пределах) «с древности был заселен в основном вятичами» (стр. 94). Далее автор пишет, что «в годы борьбы с половцами и татаро-монголами на территорию, расположенную вокруг Москвы, и особенно на юго-запад от Москвы переселилось значительное однородное и близкое к вятичам население Новгород-Северщины и других южных областей. Особенно интенсивно приливало в Московский край население с юга во второй половине XIII и в XIV в.» (стр. 94).

Здесь много неточного: нельзя объединять «годы борьбы с половцами» и XIV в. ни с точки зрения исторической, ни с точки зрения истории русского языка; нельзя говорить о «близости к вятичам населения Новгород-Северщины» для этих относительно поздних эпох, когда уже давно не существовало племен; нам неизвестны переселения «значительного однородного и близкого к вятичам населения Новгород-Северщины в Подмосковье — было бы интересно знать источники, на основе которых автор строит это утверждение. Наконец, неправилен и общий вывод: «Все это и объясняет нам, почему „акало“ население Москвы и прилегавших к ней территорий» (стр. 94). Историк русского языка не располагает данными об акающем, вообще южновеликорусском, характере древнего говора первоначальной территории Московского княжества. На это не указывают древнейшие письменные памятники. Что же касается данных диалектологии, то говорам этой территории (если оставить в стороне иканье, характерное для московского просторечия) свойственно умеренное яканье, появившееся на почве северного окающего диалекта[22].

Весьма любопытно, что как территория Московского княжества в указанных выше пределах, так и прилегавший к ней с юго-востока и востока Коломенский уезд, входивший в XII и XIII вв. в Рязанское княжество, были заселены первоначально в основном вятичами. Однако к XIV в., когда уже появились древнейшие различия южновеликорусских и северновеликорусских диалектов, говоры Московского княжества, как и вообще Ростово-Суздальской земли в целом, в состав которой оно входило, носили определенно выраженный северный характер, а говоры Коломенского уезда, как и вообще основных территорий Рязанского княжества, были южными (им было свойственно аканье и другие древнейшие южновеликорусские особенности)[23].

---

[22] Это можно считать доказанным после опубликования работ В. Н. Сидорова: «О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах», «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 2, стр. 172—183 и «Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах», «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», II, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 57—71.

[23] Южновеликорусское происхождение коломенских говоров обосновано в кандидатской диссертации Л. Э. Калнынь. См. Л. Э. Калнынь, Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Автореферат канд. дисс., М., 1952.

Таким образом, первоначальная территория аканья не совпадает с территорией вятичей на интересующем нас участке, но зато весьма близко сходится с границами Ростово-Суздальской и Рязанской земель эпохи феодальной раздробленности. В этом можно видеть свидетельство того, что аканье восходит не к эпохе, когда существовали восточнославянские племена, а к более поздней эпохе феодальной раздробленности[24]. После образования аканья в течение довольно длительного времени (во всяком случае в XIV в., а возможно и в XV в.) говор старой территории Московского княжества был северновеликорусским, не отличаясь в этом отношении от других говоров Ростово-Суздальской земли, которые сохранили свой северновеликорусский характер до наших дней.

Следует отметить, что если неверен вывод автора об акающем говоре «населения древней Москвы и прилегающих к ней территорий» (стр. 94), то тем более неверно и следующее чисто лингвистическое положение: «Однако это „аканье" в отличие от „южного" диалектологи выражают понятием „умеренное аканье". „Умеренность" явилась следствием влияния на говор Москвы „окающих" северо-восточных и северо-западных говоров» (стр. 94). Какие диалектологи противопоставляют московское «умеренное аканье» «южному»? Что такое «умеренное аканье»? Автор опирается на устаревшие работы Е. Ф. Будде и Е. Ф. Карского, которые и при своем выходе не отвечали современному состоянию разработки типологии аканья.

Недоумение вызывает и следующее место в статье И. М. Ионенко: «В свое время лингвисты спорили о том, какой из типов говоров — южновеликорусский или северновеликорусский — явился основанием, а какой „наслоением" в русском национальном языке. Сейчас этот спор решен в пользу южных диалектов, которые в конечном счете определили и московскую „речь" и легли через говор народных масс Москвы в основу развития языка русской народности» (стр. 94). О каких спорах здесь идет речь? Если и шли споры, то не об основе русского национального языка, а об основе так называемых «переходных», средневеликорусских говоров. Вопрос этот сейчас разрешается в том плане, что одни из них имеют в своей основе северные говоры, другие — южные. Далее: в приведенной выдержке смещена историческая перспектива — не различается язык народности и национальный язык: то, что являлось вторичным в языке великорусской народности (южновеликорусские элементы, постепенно усиливавшиеся), стало основным, определяющим развитие языка, впоследствии, когда язык великорусской народности стал развиваться в русский национальный язык.

Это смещение исторической перспективы привело автора к неправильному определению времени образования курско-орловского диалекта: «Мы имеем достаточно оснований для предположения, что курско-орловский диалект возник в XVII в., когда Курско-Орловский край уже имел густое и устойчивое население» (стр. 98). Курско-орловская группа говоров обнаруживает теснейшую связь с группами говоров тульской и рязанской, вместе с которыми она образует сплошную территорию. Между этими группами говоров имеются отличия (главным образом, фонетические). Однако изучение южновеликорусских говоров в их развитии свидетельствует о вторичности этих различий и о единстве этих групп говоров в их исторической основе. В ряде отношений курско-орловские говоры сохранили в большей степени старую систему, в то время как тульские и рязанские

[24] Подробнее о времени образования аканья см. в моей работе: «Вопросы образования русского языка в его говорах», «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 138—139.

говоры в силу особых исторических условий развития этих краев утратили некоторые свои старые особенности, развив на их месте новые черты. Можно думать, что эти новообразования появились в XV—XVII вв., после того как Тула, а затем и Рязань были присоединены к Москве, в то время как общая основа этих групп южновеликорусских диалектов, т. е. наиболее важные древнейшие черты южновеликорусского наречия, относится к предшествующей эпохе — к XIII—XIV вв. Таким образом, не будет неосторожным утверждение о том, что в Курско-Орловском крае в это время был распространен типичный южновеликорусский диалект (с фрикативным *г*, с диссимилятивным яканьем, не знающий северновеликорусских новообразований, например формы *меня*, известной с конца XIV в.[25]). Поэтому утверждение автора о возникновении курско-орловского диалекта лишь в XVII в., нужное ему, возможно, для объяснения того, почему отличительные черты курско-орловского диалекта оказались за пределами норм национального языка, не может быть принято историком русского языка. Не может быть принята последним, равно как и историком, ссылка на то, что лишь с этого времени (с XVII в.) курско-орловский край «имел густое и устойчивое население» (стр. 98). Теория «запустения» края явно преувеличивала дело: значительная однородность говоров края не могла образоваться в XVII в. и в позднейшее время. Эта однородность, равно как и данные исторические, свидетельствует о глубокой языковой традиции, о том, что полного запустения края никогда не было[26].

Наконец, совсем непонятным для диалектолога оказывается положение, согласно которому курско-орловский диалект этого времени «сложился на основе разговорной речи местного населения и населения, переселившегося из соседних, расположенных к северу и северо-западу от него районов, т. е. того населения, говоры которого наши диалектологи определяют как среднерусские или умеренно акающие. Одним из таких говоров и стал курско-орловский» (стр. 98). Курско-орловский диалект, наиболее цельный и «чистый» в составе южновеликорусского наречия, объявляется автором образовавшимся в результате смешения с другим, видимо не южновеликорусским, диалектом. Но что это за «соседние, расположенные к северу и северо-западу районы»? Каков был их диалект? Как понимать положение о том, что курско-орловский диалект среднерусский? Одновременно говорится, что он умеренно акающий (но мы не знаем, что автор понимает под умеренным аканьем), хотя на стр. 99 говорится, что в нем было сильное аканье (впрочем, содержание этого термина также неясно).

Автор говорит, что в дальнейшем (видимо, с XVII в.) курско-орловская «речь» «приобретала некоторые новые черты, ...на ее характере сказалось более тесное и постоянное взаимодействие с украинским и белорусским языками (известно, что Черниговщина оказалась районом развития украинской народности, а за Десной господствующее положение занял белорусский язык)» (стр. 100). Элементы украинского языка на юге территории курско-орловского диалекта, действительно, являются поздними, однако черты, объединяющие говоры брянские и западных районов Курской и Орловской областей с белорусскими, имеют гораздо более сложную историю, появились в разное время, при этом частью восходят к глубокой древности.

Таким образом, общая концепция И. М. Ионенко принята быть не может. Она ярче всего выражена автором в следующих словах: «Если

---

[25] См. М. А. Прево, История форм личных и возвратного местоимений в русском языке. Автореферат канд. дисс., М., 1952, стр. 9.

[26] См. С. И. Котков, К изучению орловских говоров, «Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та», т. VII. Кафедра русского языка, вып. 3, Орел, «Орловская правда», 1952, стр. 165.

Русь собиралась и объединялась вокруг Москвы, то лабораторией ее языка из столетия в столетие являлись районы, лежавшие к югу от Москвы. Их языковое творчество питало и определяло московскую „речь" как в период возникновения русской народности, так и в период формирования русской нации» (стр. 99). Эта концепция не согласуется с данными истории и истории русского языка. Она антиисторична. Остается непонятным, как это «Русь собиралась вокруг Москвы», а «лабораторией ее языка из столетия в столетие» были южные районы, в течение длительного времени образования великорусской народности даже не входившие в состав ее государственной территории. Поэтому можно с полным основанием присоединиться к оценке взглядов И. М. Ионенко, данной в редакционной статье журнала «Вопросы языкознания»: «...мнение И. М. Ионенко о том, что юго-восточные диалекты сыграли решающую роль в формировании и языка великорусской народности и языка русской нации, должно быть признано в высшей степени сомнительным и односторонним»[27].

Образование русского национального языка на почве языка русской (великорусской) народности представляет собою гораздо более сложный процесс, чем это представляется И. М. Ионенко. Этот процесс был обусловлен не только многовековой историей самого языка народности, который затем разовьется в национальный язык, не только приобретением одним из диалектов ведущего значения (какого он ранее не имел) при развитии языка народности в национальный язык, не только изменениями соотношения между диалектами и общенародным языком, но также и ролью письменной традиции, разными стилями письменного, литературного языка в их отношении к общенародному языку в разные эпохи развития языка народности и национального языка. Вне всякого сомнения «...развитие национального языка было связано с накоплением новых элементов качества языка»[28].

2

Проблема образования национального языка может быть разрешена только в том случае, если привлекаются данные всех доступных для исследования эпох его развития. Особенно необходимо тщательное изучение языка народности, который в известных условиях развивается в язык национальный в связи с развитием самой народности в нацию. При одних исторических условиях ведущий диалект языка народности может сохранить свое значение при образовании национального языка. В таких случаях этот диалект, ложась в основу национального языка, проявляется в этом последнем наиболее полно и последовательно. В других исторических условиях диалектная база при развитии языка народности в национальный язык меняется: диалект, являвшийся ведущим в языке народности, постепенно перестает быть таковым в процессе развития языка народности в язык национальный; в качестве опорного диалекта-основы, определяющего дальнейшее развитие языка, выдвигается другой диалект, ранее не имевший такого значения. В этих случаях диалект-основа в структуре национального языка проявляется более ограниченно. Это объясняется тем, что «язык есть продукт ряда эпох», что национальный язык не является новым по отношению к соответствующему языку народности, а тем же языком в его дальнейшем развитии. В связи с устойчивостью языка, его преемственностью от эпохи к эпохе, в систему формирующихся норм национального языка входили не все черты нового

[27] «К вопросу о развитии от языка народности к национальному языку», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6, стр. 128.

[28] Там же, стр. 129.

диалекта-основы, а лишь те, которые не ломали резко существующей, обычно уже многовековой традиции, которые постепенно развивались в самом диалекте-основе в эпоху образования национального языка.

Далее следует иметь в виду, что проблема образования национального языка не есть проблема только диалектологическая (проблема диалекта-основы и его роли в процессе формирования национального языка), но включает в себя также в качестве одного из важнейших компонентов вопрос о письменном, литературном языке: нация, возникающая в связи с развитием капиталистических отношений, никогда не обходится без письменности. Поэтому национальный язык всегда имеет и свою письменную, в большей или в меньшей степени литературно обработанную форму. В одних случаях письменность и письменный литературный язык создается вместе с образованием нации, в других он возникал значительно раньше и имел уже более или менее длительную, а иногда и многовековую традицию. В одних случаях эта письменная традиция имела чуждую языковую основу, в других — свою, общенародную. Если письменный язык имел чуждую основу, то при образовании национального языка обычно письменность развивалась на новой, общенародной основе. Однако элементы старого письменного языка (на чуждой основе) могли сохраняться в новом литературном языке, обогащая его. В докапиталистическую эпоху нередко создавалась двоякая письменная традиция: на чуждой основе для одних жанров (культовых, чисто литературных) и на общенародной основе для других (юридических, деловых). Сама эта «чуждая основа» также может быть весьма различной: в полной мере чуждой или, напротив, близкородственной (например, церковнославянский язык на Руси). В последнем случае складываются весьма специфические отношения между этим письменным языком и общенародным языком, во многом определяющие дальнейшее развитие соответствующего литературного языка.

Все это определяет своеобразие отношений между языком письменным и общенародным, представленным как в литературно обработанном виде, так и в виде диалектов. Все это накладывает свою печать на характер формирующихся норм языка, в особенности, если на данном языке имелась богатая и длительная письменная традиция. Последняя, кроме того, также ограничивает проявление диалекта-основы в системе национального языка.

В этой части статьи мы попытаемся кратко наметить основные этапы образования русского национального языка, предполагая в дальнейшем этот вопрос изложить более полно с приведением фактического материала. Сравнительно-историческое изучение русских диалектов и ближайшим образом родственных восточнославянских языков свидетельствует об их исконном языковом единстве. Восточные славяне в древности в языковом отношении характеризовались общностью грамматического строя и основного словарного фонда.

Диалектные различия у восточных славян в значительной своей части относятся уже к относительно поздней эпохе, которая в структурно-лингвистическом отношении характеризуется как время после падения редуцированных, а исторически соответствует эпохе феодальной раздробленности и последующему времени. Лишь некоторые немногие диалектные различия из числа известных могут быть отнесены к более раннему периоду (например, качество фонемы *г*).

Поздний характер диалектных различий русского языка ни в коей мере не исключает того, что в диалекте могут сохраняться явления, восходящие к глубокой древности. Следует иметь в виду, что диалектное различие обычно двучленно или многочленно, причем один из его членов представляет собой сохранение старины, другие — новообразования. Утверждение о позднем характере диалектных различий русского языка

означает лишь, что поздними являются те их члены, которые представляют собою новообразования. Произношение *вода* (оканье), форма *свекры*, конструкция типа *косить трава*, слово *конь* относятся к глубочайшей древности. Однако диалектные различия *вода* — *вада* (оканье-аканье), *свекры* — *свекровь* — *свекрова*, *косить трава* — *косить траву*, *конь* — *лошадь* восходят лишь к тому времени, когда появились те члены этих диалектных различий, которые являются новообразованиями.

К эпохе разложения первобытно-общинного строя и перехода к классовому обществу не была еще нарушена языковая общность восточных славян, явившаяся одним из характерных признаков развивающейся древнерусской (восточнославянской) народности. Последняя нашла свое политическое оформление в древнерусском (Киевском) государстве.

Язык древнерусской народности характеризуется значительным единством, хотя в нем имеются известные диалектные различия, главным образом фонетического характера. Специфика взаимоотношений общенародных и местных элементов языка в эпоху образования и расцвета древнерусского государства заключается в известной стойкости диалектных различий, обусловленной отсутствием централизации. Специфика взаимоотношений письменного и общенародного устного языка этой эпохи определяется наличием двух разных типов письменного языка: одного—общенародного в своей основе для жанров юридических, деловых и другого — церковнославянского (т. е. развивающегося в восточнославянской языковой среде старославянского — русифицированного и продолжающего русифицироваться) для жанров культовых, литературно-книжных, которые находятся в разных отношениях к общенародному устному языку [29].

Ослабление древнерусского государства, наметившееся к концу XI в. и ставшее весьма значительным к середине XII в., как известно, сопровождалось ростом отдельных земель и княжеств, их экономическим и политическим укреплением при относительном их обособлении друг от друга. Переход к феодальной раздробленности усиливает развитие местных диалектных различий в пределах отдельных земель и княжеств или их групп. Уже для домонгольского периода по письменным памятникам выделяются диалекты новгородский, галицко-волынский, смоленско-полоцкий, менее четко киевский, ростово-суздальский. К этому времени существовали и древнейшие особенности псковского диалекта, который нам известен по памятникам более позднего времени. Можно думать, что и на территории Черниговского, Новгород-Северского и Рязанского княжеств в XIII в. также к этому времени выработались свои местные языковые особенности, которые, однако, мы не можем документировать ввиду отсутствия ранних письменных памятников из этих местностей. В диалектах этого времени, как это было указано выше, еще не обозначились языки будущих трех восточнославянских народностей, хотя отдельные языковые черты впоследствии стали характерными для того или другого из этих языков.

Дальнейшее обособление северо-восточной Руси от Руси западной и южной и специфические процессы развития западной и южной Руси в составе Великого княжества Литовского и Польши способствуют оформлению великорусской народности в отличие от украинской и белорусской, формирующихся более или менее одновременно на западе и юго-западе.

Вместе с оформлением на северо-востоке великорусской народности там же развивается и ее язык. Владимир, Ростов, Суздаль, а затем Москва — вот центры, где формировалась великорусская народность в XIV—XV вв. И. В. Сталин в своем приветствии по случаю 800-летия Москвы сказал:

[29] Лишь в отдельных наиболее выдающихся произведениях этого периода наблюдаются попытки синтеза обоих типов литературного языка (например, в «Слове о полку Игореве»).

«Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси»[30]. Письменные памятники этого периода свидетельствуют о наличии единого языка великорусской народности, северновеликорусского по своему характеру. Об этом же свидетельствуют данные диалектологии, в том числе историческое изучение акающих говоров на территории Ростово-Суздальской земли (например, на первоначальной территории Московского княжества).

В это время возникает или расширяется в своем употреблении и укрепляется ряд специфически великорусских явлений в области фонетической системы, грамматического строя, словарного состава. Эти явления постепенно охватывают все основные части великорусской народности, лишь в отдельных случаях не доходя до некоторых периферийных районов. Из явлений фонетических отметим изменение *-ый* в *-ой* и *-ий* в *-ей*, отразившееся в памятниках в единичных случаях со 2-й половины XIII в. и известное по более многочисленным примерам со 2-й половины XIV в.; изменение слабых ъ, ь после плавных между гласными в *о*, *е* (ср. в русском *кровав*, *слеза*), известное по памятникам со второй половины XIII в. Эти черты, как известно, отличают русский язык от украинского и белорусского.

Из явлений морфологических можно отметить такие, как утрата звательной формы, хронологию которой по письменным памятникам трудно установить ввиду ее длительного сохранения во многих жанрах письменного языка, хотя и можно утверждать, что процесс этот в части диалектов начался очень рано; замена свистящих задненебными в формах склонения (*рукѣ* вместо *руцѣ* и др.)—черта, возможно, свойственная новгородским говорам в отдельных словах с давнего времени, но более широко прослеживаемая по памятникам лишь с XIV в.; развитие формы именительного падежа множественного числа на *-á* от имен существительных (типа *берегá*, *рогá*), известной в отдельных случаях с XIV в.; образование 2-го лица повелительного наклонения от глаголов I спряжения на *-ите* вместо *-ѣте* (*несите*, *идите*), известное в отдельных случаях в древнейших памятниках, но частое в Лаврентьевской летописи (1377) и абсолютно преобладающее в деловой письменности XIV—XV вв.[31]; употребление в значении повелительного наклонения личных форм 1-го лица множественного числа (*пойдем*, *возьмем*) вместо старых форм с *ѣ*; появление форм повелительного наклонения с *к*, *г* от глаголов с основой на задненебные (*пеки*, *стереги*) и др. Эти грамматические особенности постепенно распространяются по всей или почти по всей территории русского языка, отличая его от украинского и белорусского языков[32].

Наблюдения над языком договорных и духовных грамот великих и удельных князей показывают, что в XIV—XV вв. появляется ряд слов, которые первоначально не употребляются в памятниках немосковского происхождения, но с XVI в. становятся общими для языка всей великорусской народности[33]. Таково, например, слово *крестьянин* (ср. новгородск. *смерд*), *деньги* (ср. новгородск. *векша*, *куна*) и др. Такие слова, как *крестьянин*, *деньги*, *лавка* (в значении торгового заведения), *мельник*,

---

[30] «Правда» от 7 сентября 1947 г.

[31] См. И. Б. Кузьмина, Употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения в русском языке XI—XVII веков. Автореферат канд. дисс., М., 1951, стр. 14—15.

[32] Здесь мы не затрагиваем особенно сложных русско-белорусских языковых отношений, в результате которых некоторые явления объединяют русский язык с белорусским языком (или с частью белорусских говоров) и отличают их от украинского.

[33] См. О. В. Горшкова, Язык московских грамот XIV—XV веков (лексика и фразеология). Автореферат канд. дисс., Изд-во Моск. ун-та, 1951. Приводимые нами ниже примеры заимствованы из этой работы (стр. 15).

пашня, *пуговица*, *деревня*, *кружево* и др., появившиеся в языке московских памятников XIV—XV вв., не только становятся в XVI в. общевеликорусскими, но сохраняются и в словарном составе современного русского языка, во многих случаях относясь к его основному словарному фонду. Характерно, что, как правило, эти слова неизвестны украинскому и белорусскому языкам или известны им из русского. Ср. украинские: *селянин*, *гроші*, *крамниця*, *мірошник*, *нива* (или *рілля*), *гудзик*, *село*, *мереживо*.

Все это ярко свидетельствует об интенсивном процессе оформления общенародного языка великорусской народности. Однако местные диалекты в этот период характеризуются значительной устойчивостью, а в периферийных областях как на севере, так и на юге развиваются новые диалектные различия. Например, в части северных говоров в XIV—XV вв. и позднее развивается изменение ударенного *ѣ* в *и* перед мягкими согласными (а в некоторых говорах и перед твердыми); в южных говорах продолжается формирование разных типов яканья. Появляются и многие другие фонетические и грамматические особенности в отдельных говорах, которые, однако, мало отражаются, а в ряде случаев и вовсе не отражаются в языке памятников, существуя лишь как чисто диалектные особенности.

Раздвоение письменного языка, уже имевшееся в более раннюю эпоху, сохранилось и усилилось в Русском государстве XV и XVI вв.: продолжает существовать книжный, церковно-славянский язык, далекий от общенародного языка (хотя и русифицированный), однако рядом с ним крепнет и развивается на широкой общенародной основе деловой письменный язык, который в XVI в. стал едва ли не общим для всего государства.

Уже в раннюю пору формирования великорусской народности южновеликорусское начало играло в ее составе известную роль. *Практически можно* не принимать во внимание, что первоначальная территория Московского княжества, в отличие от остальной территории Ростово-Суздальской земли, заселенной по преимуществу кривичами, была заселена вятичами, так как в эту отдаленную эпоху еще не определились основные различия между южными и северными говорами. Однако уже с самого начала XIV в., когда эти различия определились, южновеликорусские элементы заметно увеличиваются. В 1301 г. были присоединены к Москве Коломна и Лопасня, что, по мнению авторитетного исследователя, увеличило «... и территорию, и количество населения Московского княжества, если не вдвое, то, по крайней мере, на две трети»[34] как раз за счет южновеликорусских элементов[35]. На протяжении XIV и далее XV и XVI вв. при образовании централизованного государства к Москве постепенно присоединяются и многие другие южновеликорусские территории. Роль этих территорий и их населения в экономической, политической жизни страны все возрастает, а к XVIII в. становится решающей[36]. Происходит постепенная утрата ростово-суздальским диалектом своего ведущего значения в развитии русского языка.

Одним из существенных моментов в истории развития языка великорусской народности в русский национальный язык, свидетельствующим о постепенном усилении роли южного наречия в развитии русского языка, является образование в центральных областях Русского государства (Ростов, Суздаль, Переславль-Залесский, Владимир) особого диалекта,

---

[34] М. К. Любавский, Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра, Л., Изд-во АН СССР, 1929, стр. 40.

[35] См. Л. Э. Калнынь, указ. соч.

[36] В данной статье мы не имеем возможности вдаваться в подробности. Многие интересные и правильные соображения по этому вопросу приведены в статье И. М. Ионенко.

отличного по ряду своих черт от всех остальных северновеликорусских говоров и сближающегося по этим чертам с южными говорами, т. е. приобретшего свои характерные особенности при ведущем значении южновеликорусского наречия. Продолжением этого диалекта являются так называемые владимиро-поволжские говоры, непосредственно примыкающие к акающим средне- и южновеликорусским. В этих говорах, в особенности на указанной территории, развивается ряд новообразований, общих с южновеликорусскими [например, перенос ударения в форме 2-го лица множ. числа с последнего слога на предпоследний в случаях типа *несёте*, *везёте*, образование формы *дашь*, *ешь* вм. старых *дасú*, *есú*; отвердение *с* в суффиксах *-ск-*, *-ств-*; ср. сохранившиеся более или менее широко в северновеликорусских говорах формы *неситé* или *неситё*; *дасú*, *есú*; *-с'к-*, *-с'тв-* (*-с'в-*) и др. черты]. Любопытно также, что на говоры данной территории часто не распространяются новообразования типичных северновеликорусских говоров, ввиду чего владимиро-поволжские говоры сходятся с южновеликорусскими сохранением старых особенностей (ср., например, сохранение в них ударенного *а* между мягкими согласными, как и в южновеликорусских, при его изменении в *е* в других северновеликорусских говорах).

Говоры этой территории и в лексическом отношении значительно отличаются от остальных северновеликорусских. В них, например, отсутствуют многие типичные для последних слова, такие, как *баско*, *баской* («хороший», «красивый»), *лонись* («в прошлом году»), *порато* («очень»), *обилье* («хлеб на полях»), *лопоть* («одежда»), *оболочка*, *оболокаться*, *разоболокаться* («одежда», «одеться», «раздеться») и др. В этих говорах употребляются не слова *конь*, *орать*, *попел*, типичные для значительной части остальных северных говоров, а *лошадь*, *пахать*, *зола*.

Начальные этапы развития русской народности в нацию, когда стала намечаться новая диалектная основа русского национального языка, были тесно связаны с развитием в XVI в. предпосылок образования всероссийского рынка, с территориальным разделением труда, с тем, что, по утверждению авторитетного исследователя, «...разбросанные по всей территории Русского государства городские и сельские рынки в XVI в. уже были связаны между собой непрерывным товарообменом»[37]. Это привело к тому, что «во второй половине XVI в. складываются те явления в области рынка, которые затем в XVII в., когда происходил процесс сложения всероссийского рынка, нашли себе более отчетливое и более полное выражение»[38].

В это время, по мере усиления южновеликорусских элементов в развитии русского языка, ростово-суздальский диалект, одним из представителей которого был и московский говор, постепенно терял свое значение. Как было только что показано, он сам начинал изменяться под воздействием южновеликорусского наречия. Что же касается московского говора, то его развитие в сторону южновеликорусского наречия идет значительно дальше: он, хотя и медленно, но неуклонно проникается южными элементами, постепенно противопоставляясь (как «средневеликорусский») другим ростово-суздальским северным диалектам, в прошлом однотипным с московским. Определяющим дальнейшее развитие русского языка становится южновеликорусское наречие, курско-орловский диалект которого, наиболее цельный и влиятельный, ложится в основу русского языка в эпоху его становления как национального языка формирующейся русской нации. Этим определяется дальнейшее развитие русского языка, которое

[37] С. В. Бахрушин, Научные труды, I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в., М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 41—42.

[38] Там же, стр. 54.

протекает, однако, без ломки веками создававшегося и унаследованного от прошлого языкового строя, в котором уже давно успели укрепиться как многие характерные особенности ведущего диалекта русского языка предшествующей эпохи (*г* взрывное, *т* твердое в 3-м лице глаголов, формы типа *меня* и др.), так и элементы церковно-книжного языка. В этом сказывается ограниченность проявления новой диалектной основы при описанных выше условиях.

Однако определяющее значение в формировании норм русского национального языка имеет именно южновеликорусское наречие и прежде всего его курско-орловский диалект. В эпоху образования национального языка и непосредственно предшествующую ей развивается и укрепляется в московском просторечии и подмосковных говорах южновеликорусское по происхождению аканье, которое входит в нормы формирующегося национального языка; утрачиваются вслед за утратой в южновеликорусских говорах многие древние общенародные элементы в грамматике и лексике, сохранившиеся теперь лишь в части архаических северновеликорусских говоров; постепенно расширяется употребление таких форм, как формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на *-á*, также, видимо, южновеликорусского происхождения, судя по тому, что в них оно распространилось дальше—на слова женского рода (формы типа *лошадя́*, *деревня́*) и т. д. Именно в это время (точнее, видимо, в 1-й половине XVII в.) московское просторечие — эта лаборатория общенародной основы русского национального языка — приобретает тот свой «средневеликорусский» облик, который нам известен по последующему времени.

Следует иметь в виду, что эти черты приобретают характер нормы формирующегося национального языка не сразу, а в результате длительной борьбы с соответствующими старыми особенностями. Например, аканье, господствуя в Москве с XVII в. и постепенно становясь нормой национального языка, документируется, хотя и в отдельных случаях, памятниками, писанными в Москве уже в первой половине XIV в. Ср. в Московском евангелии 1339 г.: *въ апустѣвшии земли*, в Московском евангелии 1398 г.: *даящимъ, обязонъ* и др. Ср. широкое отражение аканья в сборнике XVI в. (Синод. библиотека, Чудовское собр., № 264), писанном, видимо, в Москве: *паносно, совакупи, саборъ, паповъ, арла, сатвори, непокалебимо, авца, авцахъ, градъ Растовъ, растовския, покравенъ, сакровищу, сакровенну, помащь*, а также *яго, яму* и др.

Характерно, что даже в московских грамотах с их высоким уровнем культуры письменного языка и нормированным правописанием рано проступают сначала в отдельных написаниях, а затем и более широко отражения аканья. Отметим соответствующие написания в топонимических названиях, в особенности таких, которые не освящены письменной традицией (названия мелких населенных пунктов, озер, речек и др.): *Растовец*[39] — деревня Переславского уезда (ок. 1339, 1374—1375, 1390, ок. 1401—1402 и др.); *Растовское* — село Дмитровского уезда (1504), *Растовец* — река (1504). При этом следует отметить, что название крупного культурного центра северо-восточной Руси— *Ростов* — всегда пишется с буквой *о*. В ряде названий находим колебания в написании *о* и *а* для гласных безударных слогов: *Нагатинское* и *Ногатинское* (1401—1402); *Брошевая* и *Брашевая* (с *о* только в грамоте ок. 1339); *Молаховское* и *Малаховское* (с *а* только в грамоте 1461); *Колуга* и *Калуга* (с *а* в грамоте 1572); *Кошира* и *Кашира* (с *а* в грамоте 1572); *Домонтовское* (ок. 1339) и *Домантовское* (1389, 1433); *Радонеж* и *Раданеж* (1401—1402) и др. Написание топоними-

[39] Ниже примеры даются по изданию: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950. В скобках указывается год написания грамот.

ческих названий иногда может отражать не говор писца или того места, где написан памятник, но говор места, к которому данное название относится, что требует особенно осторожного подхода к подобным написаниям. Однако в этой связи интересно наличие среди приведенных примеров случаев «акающих» написаний названий, которые относятся к окающей территории: в этих написаниях можно видеть указание на более или менее широкое бытование акающего произношения данных названий в Москве.

Отметим написания с *о* и *а* в заимствованных словах: *архимандриту* и *орхимандрит* (1486); *архангил* и *орханилу* (1481); *татарская* (ок. 1396) и *тотарские* (1402); *колпак* (1506, 1521) и *калпаки*, *на том калпакѣ* (ок. 1503); *монисто* (ок. 1339) и *манисто* (1472, ок. 1503, 1521), *на манистѣ* (ок. 1486), с *манисты*, с *манистом* (ок. 1506); *достокан* и *достакан* (1503). Наконец, в качестве наиболее ярких случаев отметим: *абидному* (ок. 1396, ок. 1439), *отаимал*, *изнава* (видимо, *изновá*), *натцѣхъ* (вместо *на отцѣхъ*; последние три примера в грамоте 1402). Любопытно написание *сожени* (1486) с ударенным *о* вместо *а*, которое могло появиться, как известно, на почве аканья. Место ударения выясняется из встретившегося там же написания *сожана* с буквой *а* для гласного в заударном слоге.

Интересна недавно найденная во время раскопок в Зарядье личная печать московского боярина XV в. с надписью *печать Ивана Карови*[40], указывающая на наличие в Москве (если не в речи боярина, то в речи мастера-гравера) аканья, а также формы родительного падежа единственного числа *карови*. Отметим (не приводя примеров), что аканье довольно широко отражается в таком памятнике XVI в., как «Домострой» (по Коншинскому списку), для начала XVII в.— в письмах царя Михаила Федоровича, а для более позднего времени — в письмах царя Алексея Михайловича и особенно Петра Великого — отражается так широко и ярко, что не оставляет сомнения в наличии последовательно проведенной акающей системы вокализма. Приведенный материал выразительно характеризует высказанное положение о том, что нормы национального языка развивались и укреплялись постепенно, на протяжении нескольких столетий.

Процессы формирования норм русского национального языка особенно интенсивно протекают с XVII в., когда, как указывает В. И. Ленин, начинается новый период русской истории, связанный с усилением обмена между областями, ростом товарного обращения, концентрированием местных рынков в один всероссийский рынок, постепенной ликвидацией экономической разобщенности и раздробленности[41], иначе говоря, связанный с процессом формирования русской нации.

Эта эпоха характеризуется тем, что образование новых диалектных различий постепенно прекращается, а вновь возникающие (в отдельных случаях) не получают широкого распространения. Однако существующие диалектные различия в течение длительного периода сохраняют свою устойчивость, лишь постепенно в эпоху капитализма подвергаясь воздействию норм национального языка, начиная терять свою самобытность и вливаться в него. Эта эпоха характеризуется также тем, что постепенно ликвидируется разрыв между типом литературного языка, далеким от общенародной основы, имевшим место в прошлом, и нормами национального языка: постепенно развивается и укрепляется единый литературный язык на живой общенародной основе, который становится литературно обработанной формой национального языка. Этот процесс в развитии русского языка завершился лишь в первой половине XIX в.

[40] См. М. Рабинович, Археологические исследования Московского посада, «Вопросы истории», М., 1951, № 5, стр. 65—71; печать воспроизведена в его же статье «Археологические раскопки в Москве», «Огонек», М., 1951, № 24, стр. 21.

[41] См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137—138.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1953

С. И. ОЖЕГОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Словарный состав языка, отражая сразу и непосредственно изменения в производственной и во всякой иной деятельности человека, находится в состоянии непрерывного развития. Однако известно, что непрерывность изменений словарного состава не означает разовой замены в какой-то промежуток времени подавляющего числа старых слов новыми словами. Изменение словарного состава, даже в революционные эпохи жизни народа, в период ломки государственной машины и смены старых общественных отношений новыми, не создает разрыва, пропасти между предшествующим и новым состоянием языка. Это изменение совершается путем постепенного накопления новых лексических групп и появления новых семантических нюансов, в процессе постепенного отмирания ненужных слов, а также путем постепенного складывания новых семантико-стилистических взаимоотношений и связей в пределах существующей лексической системы.

Степень интенсивности изменений словарного состава в разные исторические эпохи и качество этих изменений различны и тесно связаны с характером изменений в жизни народа. Так, эпохи смены общественных формаций и эпохи революционные всегда сопровождались ускоренным темпом развития словарного состава языка. Великая Октябрьская социалистическая революция создала исключительные условия для изменений словарного состава русского языка и темпов его развития. И это понятно. В жизни русского народа и других народов дореволюционной России произошел крутой перелом. Великая Октябрьская социалистическая революция — первая революция, отменившая вовсе эксплуатацию человека, в отличие от всех прежних революций, только заменявших одну форму эксплуатации другой. Свержение капитализма, построение социализма, переход к коммунизму — вот вехи жизни народа, этапы формирования из буржуазной нации нации социалистической. Ясно, что как переход от языка народности к языку национальному создавал свои закономерности в развитии языка, так и факт перерастания буржуазной нации в нацию социалистическую после Великого Октября не мог не внести специфических особенностей в развитие словарного состава языка.

1

Исследователь русского языка советской эпохи поставлен в исключительно благоприятные условия. Марксистско-ленинская наука в целом, труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» дают надежный ключ к правильному пониманию языкового развития. Внутренняя динамика развития словарного состава русского языка современниками и свидетелями этого развития

может быть раскрыта и изучена с такой полнотой, которая исключена для изучения истории словарного состава языка в отдаленные эпохи. Словарный состав языка современности предстает перед нами во всем его общественном контексте, во всей силе его живого употребления. Реально ощутима непосредственная связь многообразных словарных изменений с изменениями, происходящими в жизни народа и государства. Возможность установления совершенно конкретных и несомненных фактов зависимости развития словарного состава от развития общества дает надежные критерии для изучения общего характера и закономерностей тех изменений в лексике и семантике, которые произошли именно в советскую эпоху; пласты новой лексики показывают живые тенденции развития словообразовательной и семантической систем, другими словами,— существенные направления в развитии всей языковой системы в целом.

Однако те новые явления, которые отражают живые тенденции современности, не появились как феникс из пепла; они порождены всем предшествующим ходом развития языка. Зародыши, начатки новых явлений нашей современности возникли задолго до наших дней. И потому, что по характеру своему эти явления чрезвычайно близки к явлениям нашей современности, они сплошь и рядом воспринимаются как новые, только что появившиеся и неоправданно выстраиваются исследователями и лексикографами в один хронологический ряд с действительно новыми явлениями — словами и значениями, порожденными общественной практикой наших дней. Это не может не вести к искажению исторической перспективы и, в отношении некоторых разрядов слов, создает мнимую картину разрыва между языком дореволюционной и послереволюционной эпохи.

Происходит это потому, что мы, так или иначе зная словарный состав современности, имеем лишь самые общие представления о движении словарного состава в тот период, который непосредственно предшествовал революционной эпохе. Работ, посвященных изучению развития словарного состава общенародного русского языка со второй половины XIX в., по сути дела нет[1]. А между тем изучение истории русской лексики второй половины XIX и начала XX в. имеет исключительное значение для понимания развития словарного состава языка в советскую эпоху. Ведь это был не просто период развития капитализма, но и период деятельности революционных демократов, зарождения и роста рабочего движения, период первой революции и распространения марксистской идеологии в рабочем классе. В речи демократической, а особенно революционно-демократической интеллигенции, в речи передовой части рабочего класса, в демократической и рабочей печати, в марксистской литературе возникали слова и черты словоупотребления, отражавшие идеологию и потребности передовой части общества.

Эта лексика и словоупотребление, по существу, не изучены. Словари тоже являются недостаточным, а иногда и мало достоверным источником. Полнота их словника, как известно, часто зависит от идеологических и общественных симпатий составителя. В. И. Даля еще его современники упрекали за то, что он, проводя свои односторонние взгляды на развитие русского языка, игнорировал обширные слои книжно-литературной и терминологической лексики, характерные для его эпохи. И. А. Бодуэн де Куртенэ, работавший над переизданием и пополнением словаря Даля перед первой революцией, в период нарастания

[1] Интересные наблюдения и материалы имеются в различных работах акад. В. В. Виноградова, а также в отдельных статьях и диссертациях, посвященных изучению языка писателей; однако следует отметить, что лексика произведений писателей до сих пор еще обычно изучается без учета ее связей и соотношений с общим развитием словарного состава языка в целом.

революционного рабочего движения, прошел мимо новой лексики, связанной с этим движением, широко известной рабочей и демократической печати и прочно закрепившейся в словарном составе русского языка уже к концу XIX в. Такие слова, как *капитализм*, *социал-демократ*, *классовый*, *эксплуатация* (в общественно-политическом значении), *мелкобуржуазный*, *стачечник*, *легализовать*, *беспартийный*, *кружок* («группа людей») и многие другие не вошли в его дополнения. Далевское *ренегат* в значении «вероотступник» Бодуэн дополняет «новым» значением — «крестившийся магометанин, тайно придерживающийся старой религии»; общественно-политическое значение слова *ренегат*, которое давно уже было известно речи демократических кругов, в дополнение не вошло. Зато Бодуэн вставил слова *террор*, *террорист*, ибо эти слова привлекали к себе беспокойное внимание буржуазной печати.

Словарь русского языка Академии наук тоже стоял в стороне от жизни передового русского общества предреволюционной поры. В его богатой картотеке публицистика была представлена главным образом лишь консервативными органами вроде газеты «Новое время». Слова и метафорические оттенки значений, связанные с демократической и революционной деятельностью предоктябрьского периода, не находили места в этом словаре. Так, переносное значение слова *лакей* рассматривалось здесь только в психологическом плане, а метафорическое употребление в общественно-политическом смысле, широко известное с конца XIX в. [ср., например, у В. И. Ленина (1913): «... лакея денежного мешка...»[2]], — отсутствовало. Таким образом, словари русского языка предреволюционного времени мало могут содействовать изучению пополнения и развития той части словарного состава русского языка конца XIX — начала XX в., которая отражала революционно-демократическую деятельность передовой части общества и с которой многими нитями связаны соответствующие лексические пласты русского языка советской эпохи.

Вышедший в 30-х годах «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, стремившийся отразить с наибольшей полнотой и объективностью словарный состав литературного языка своего времени, одной из своих задач ставил выделение того нового, что появилось в русской лексике после Великой Октябрьской социалистической революции. В разделе «Как пользоваться словарем», в § 15, озаглавленном: «Пометы, устанавливающие историческую перспективу в словах современного языка», сказано: «(нов.), т. е. новое, означает, что слово или значение возникло в русском языке в эпохи мировой войны и революции (т. е. с 1914 г.)» (т. I, стр. XXVII). Однако из-за полной неизученности речевой практики демократической и революционной общественности предшествующего периода в словаре допускалось искажение исторической перспективы: он относил к новому то, что бытовало в революционной среде задолго до первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции. Правда, многие такие слова, распространившись и войдя в широкий речевой обиход народа, приобрели характерность слов революционного времени и стали как бы в один ряд с новообразованиями.

В «Толковом словаре русского языка» слова *самокритика*, *национализация*, *элемент* (в значении «человек», «личность», разг.), *заезжательство*, *заезжательский* отмечены пометой «новое». Без пометы, но как новые толкуются такие слова, как *строительство* (перен.), *авангард* (перен.), *хвостизм*, *электрификация*. Между тем слова эти не новые. Так, слово *самокритика* было в ходу в том же значении еще в самом начале нашего столетия. В 1904 г. В. И. Ленин писал: «Русские социал-демократы уже достаточно

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 398.

обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов...»[3]. Не ново и значение слова *национализация* — «организация чего-нибудь на национальных началах» [например, у В. И. Ленина (1913): «...национализации... школы»][4]. Такие характерные для разных этапов советской эпохи слова и сочетания слов, как *режим* (ср. «старый режим»), *партийное строительство*, *авангард* (в переносном значении), *попутчик* (в переносном значении), *хвостизм* были в то же время характерны для словоупотребления рабочей и партийной общественности, рабочей печати дореволюционных годов. Ср., например, у В. И. Ленина в работах 1894, 1913 гг.: «...подняться на прямую политическую борьбу против современного режима...»[5]; «Те, кто привыкли отрицать и продолжают отрицать принципы партийного строительства, не сдадутся без самого отчаянного сопротивления»[6]; «...металлисты *авангард* (передовой отряд) всего пролетариата России»[7]; «Из подполья бежала прежде всего и в первую очередь буржуазная интеллигенция, поддавшаяся контрреволюционному настроению, те „попутчики" с.-д. рабочего движения, которые и у нас, как и в Европе, увлекались освободительной ролью пролетариата (в Европе: плебса вообще) в буржуазной революции»[8]. Анализируя действия оппортунистов, В. И. Ленин в 1904 г. писал, что эти действия «...неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам»[9]. А ведь по способу словообразования (соединение русской основы с суффиксом *-изм*, иноязычным по происхождению) слово *хвостизм*, как и *отзовизм* и другие подобные, типично по сути дела именно для нашей эпохи. Слово *электрификация*, вошедшее в язык как характерный термин советской эпохи, встречается у В. И. Ленина в 1913 г., и как новое — в кавычках: «„Электрификация" всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории»[10].

Слова *заезжательство*, *заезжательский* «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова квалифицирует как новые, газетные. Между тем эти слова имели длинную предисторию. Они восходят к просторечно-областному глаголу *заезжать* как несовершенному виду глагола *заездить* («измучить ездой»). В демократической и рабочей среде это слово использовалось в метафорическом применении с ироническим оттенком и служило основой для образования серии производных слов. Иронизируя над обидами оппортунистов, В. И. Ленин в 1904 г. писал о них: «Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают, их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей»[11].

Интересна относящаяся еще к дореволюционной поре сложная эволюция слова *элемент*, *элементы* в значении «слой, слои общества», подготовившая современное словоупотребление. Обычно это слово в данном значении употреблялось как нейтральное, по отношению к любым слоям общества. Ср. в работе В. И. Ленина 1894 г.: «...русский **рабочий**,

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 190.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 274.
[5] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 174.
[6] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 23.
[7] Там же, стр. 421.
[8] Там же, стр. 357.
[9] В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 374.
[10] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 42.
[11] В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 375.

поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **победоносной коммунистической революции»** [12]. Постепенно объем содержания этого слова сужается, и оно начинает обозначать только тех людей, те слои, которые не идут вместе с передовой частью рабочего класса. Отсюда слово *элемент* закрепляется в сочетаниях с прилагательными, содержащими отрицательную оценку: *антиискровские, неустойчивые, шаткие, колеблющиеся, около-марксистские* и т. п. *элементы* [13]. После революции это слово начинает обозначать слои контрреволюционные, идущие против Советской власти или не определившие еще своего отношения к ней. Отсюда закрепляются такие сочетания, как *контрреволюционные, чуждые, сочувствующие элементы.* В первые годы революции в просторечном употреблении слово *элемент* вместе с соответствующим определением служит для обозначения отдельного лица, с отрицательной характеристикой, например: *он — вредный элемент.* У А. Н. Толстого: «Сватался Ужевкин, ...но я отказала ему, потому что он ненадежный элемент». И заключительный этап — слово употребляется в просторечии без определения в значении «контрреволюционер»; ср. у М. Шолохова: «Брешешь, как элемент!».

Иногда новизну слова можно назвать относительной — новое слово возникает на базе предшествующего словоупотребления: старое и новое слова при общем совпадении значений различаются лишь словообразовательным оформлением; это чаще всего случается с отглагольными существительными. Такова, например, судьба слов *уклонение* и *уклон* (в значении «отход, отклонение от основной, правильной политической линии»), связывающая предреволюционное и послереволюционное словоупотребление: «...три с половиной года тому назад все марксисты *единогласно*, в лице всех течений без исключения, должны были признать два *уклонения* от марксистской тактики. Оба уклонения были признаны *опасными*»,— писал В. И. Ленин в 1913 г. [14] А в 1921 г. возникает и входит в общее употребление слово *уклон* для обозначения сходного явления.

Так в недрах передовой и прежде всего партийно-коммунистической общественности дореволюционного времени зарождалось то словоупотребление, та терминология, те продуктивные словообразовательные способы, которые послужили одной из основ многочисленных изменений в словарном составе русского языка после революции. Войдя после Великого Октября в общенародное употребление, став достоянием широчайших масс народа, слова эти стали ощущаться как вместе с революцией возникшие новообразования. Однако историк языка, исследователь его словарного состава должен тщательно изучить материал, прежде чем проводить резкую грань между дореволюционным и послереволюционным словоупотреблением. Стоящее на очереди исследование словоупотребления передовой русской общественности дореволюционной поры покажет живые традиции, неразрывно связывающие развитие словарного состава русского языка советской эпохи с предшествующими периодами.

2

И. В. Сталин указал на неразрывную связь между дореволюционным состоянием языка и послереволюционным. Несмотря на смену старого, капиталистического базиса с его надстройками новым, социалистическим

[12] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 282.
[13] См., например, В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 196; т. 19, стр. 235.
[14] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 130.

базисом с его надстройками, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота.

«Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов»[15].

Свыше трех десятилетий прошло со времени Великой Октябрьской социалистической революции. Советское общество и Советское государство прошли за это время сложный путь развития. Основы периодизации развития советского общества и государства определены И. В. Сталиным в его выступлении на XVIII съезде партии. Отражая историю советского общества, будучи неразрывно с ней связанным, русский язык в развитии своего словарного состава прошел несколько этапов. Своеобразными чертами в развитии лексики отличается начальный период — от Октябрьского переворота до ликвидации эксплуататорских классов; отразились в словарном составе языка и характерные стороны последующего периода — от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции в 1936 г. Элементы нового качества в развитии лексики русского языка начинают постепенно сказываться также и в период выявления результатов величайшей культурной революции, в период сформирования монолитной советской интеллигенции, в период перехода от социализма к коммунизму. Так, перемалывание территориальных диалектов в составе общенародного языка пошло в этот период особенно интенсивно, а многие слои устаревавшей или старой национальной лексики, освободившись от оценочно-отрицательной характеристики, вновь вовлекались в общенародный оборот. Изменились вследствие этого и стилистические соотношения внутри словарного состава языка.

Непростительно мало сделано у нас для изучения развития словарного состава русского языка советской эпохи. Между тем мы можем и по документам эпохи, и по личному опыту восстановить величественную картину развития языка нашего времени. Сталинское учение поможет советским языковедам восстановить реальные процессы в языке и выявить закономерности развития словарного состава русского языка лучше и вернее, чем это сделал, например, Поль Лафарг по отношению к французскому языку через сто лет после революции.

Революция, которая не просто отвергла старую эксплуатацию, но отменила вообще всякую эксплуатацию человека человеком, решительно поставила себе на службу язык как орудие развития и борьбы. Общественная функция языка как орудия борьбы выявляется в начальный период советского строя с особенной яркостью. Накануне пролетарской революции, гениально обобщая опыт предшествующих революций, В. И. Ленин писал: «...все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать»[16]. Буржуазная государственная машина играла колоссальную роль в подавлении народа, в подавлении его материальных и духовных сил. «Эксплуататоры,— пишет В. И. Ленин,— естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой „машине“, почти что без „машины“, без особого аппа-

[15] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 6.
[16] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 378.

рата, простой *организацией вооруженных масс...*»[17]. Так оно и было. Но на другой день после Октябрьского переворота пролетариат России стал создавать свою, пролетарскую государственность, свое, социалистическое общество. Все средства борьбы должны были быть использованы.

Таким средством, орудием явился и язык. Ведь старое слово, старый термин очень часто связаны были со всем комплексом представлений о старой жизни, об угнетении, о неравенстве. Новое слово помогало формированию новой, социалистической идеологии, рождению нового отношения к действительности, осознанию народом своей новой функции — творца бесклассового общества. «Октябрьскую революцию,— учит И. В. Сталин,— нельзя считать только революцией в области экономических и общественно-политических отношений. Она есть вместе с тем революция в умах, революция в идеологии рабочего класса»[18].

Старые слова и термины символизировали старую жизнь, старые общественные отношения. Они подлежали изгнанию. Общественные организации требовали их отмены. Так, например, съезд фельдшеров в конце 1917 г. решил переименовать фельдшеров в лекарских помощников потому, что фельдшер был, в глазах буржуазных врачей, человеком полуобразованным. И действительно, слова *фельдшер*, *фельдшерица*, *фельдшерский* на много лет вышли из обихода терминологической речи; появилось сокращенное слово *лекпом*. Деятельность молодого Советского правительства, направленная на слом старого государственного аппарата, разрушала вместе с тем и старую терминологию, связывавшую людей с ушедшими общественными отношениями. Одним из первых декретов Советского правительства, 10 ноября 1917 г., провозглашалось: «1) Все существующие до ныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины, упраздняются; 2) всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и прочие советники) уничтожаются и устанавливается общее для всего населения России наименование граждан Советской республики». Рядом других декретов отменялись старые военные звания, судебные установления, школьная система, старые взаимоотношения школы, государства и церкви. И везде подчеркивалась отмена старых наименований.

Неодинаковая судьба постигла лексику старого общества. Часть слов подверглась прямой замене, другая — отмерла, изжитая великими социальными переменами; иные наполнились новым содержанием, другие приобрели узкое значение.

В короткий сравнительно период слома старой государственной машины, с упразднением всех органов старой власти, старой армии и суда сметается вся административная терминология, символизирующая свергнутую власть. Исчезла из живого употребления и со страниц печати вся терминология, связанная с монархическим устройством государства, накопленная в течение XVIII—XIX вв. Названия придворных чинов и должностей — *камер-юнкер*, *камергер*, *церемониймейстер*, *егермейстер*, *шталмейстер*, *фрейлина*, *статс-дама*, *камер-фрау*, *паж* и им подобные были быстро забыты, как в той же степени мало известные народу наименования *августейший* («августейшая семья», т. е. царская), *цесаревич*, *престолонаследие* и др. Та же судьба постигла и более распространенные в русском языке времен монархии термины *государь*, *государыня*, *наслед-*

[17] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 435.
[18] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1952, стр. 189.

ник (в значении «наследник престола»), *великий князь*, титулы *барон*, *граф*, *князь*. Так вместе с явлениями исчезали слова, их называвшие.

Сохранение государства и его основных функций потребовало не просто отмены старой государственной терминологии, ассоциировавшейся со всей системой помещичье-капиталистического угнетения народа, но и замены значительной части отмененных терминов новыми, свободными от пут старых ассоциаций. Прежде всего была изгнана терминология, связанная с органами непосредственного угнетения трудящихся масс, — с полицией и административным управлением: *полиция*, *стражник*, *урядник*, *городовой*, *околоточный*, *пристав*, *исправник*, *жандарм*, *сыщик*, *филёр*, *охранка*, а также *градоначальник*, *полицмейстер* и им подобные с производными[19]. Все учреждения милиции названы были по-новому. Отменено было название *участок* и введен новый термин *отделение*, а в названиях различных должностей введено прилагательное *участковый* взамен старого прилагательного *околоточный*. Отменены были почти все наименования органов и лиц государственного управления и администрации: *губернатор*, *чиновник*, *столоначальник*, *экзекутор*, *департамент* и др., связанные с наименованием многочисленных, чуждых народу властей.

На месте старой феодально-капиталистической административной терминологии возникает новая, отражающая единую систему пролетарской власти. Новая терминология или совсем не связана с представлениями о старой власти и восходит к политической лексике французской революции и Парижской коммуны (*комиссар*, *комиссариат*, *трибунал*, *декрет*, *секция*), или усваивает нейтральные термины (*управление*, *отдел* и т. п.). Организация единой власти Советов на местах и в центре с их подразделениями по функциям управления привела к отмиранию сразу устаревших наименований вроде *присутствие* (ср., например, *военный комиссариат* вместо «*присутствие по воинским делам*»), *казначейство* (уездное, губернское), *управа* (земская, городская и т. п.), *палата* (казенная, судебная и т. д.), *земство*, *дума* и т. д. Организация единой системы суда на демократических началах, введение единых названий суда по административно-территориальному признаку и названий, ясно обозначающих функции, например: *защитник*, *обвинитель* (государственный, общественный), *заключенный*,— вывели из активного речевого оборота термины *присяжный поверенный*, *адвокат*, *стряпчий*, *арестант* и т. п.

Установление единой системы народного образования привело к тому, что вместе с соответствующими категориями исчезли многообразные названия учащихся, связанные с сословно-классовой системой образования: *универсант*, *гимназист*, *реалист*, *семинарист*, *институтка*, *пепиньерка*, *епархиалка*, *курсистка*, *лицеист*, *правовед*, *пансионер*; сохранились общие названия: *школьник*, *студент*.

Выпали из речевого оборота многообразные названия административных руководителей учреждений или их частей—*правитель* («правитель дел», «правитель канцелярии»), *смотритель* и т. п.; сузилось применение слова *директор*, и в новых учреждениях стало господствовать единое демократическое наименование — *заведующий*.

Изменены были многие сложные термины с устаревшими компонентами: *классный наставник* (заменено «классным руководителем»), *присяжный заседатель* (заменено «народным заседателем»), *податной инспектор* («финансовый инспектор»), *судебный пристав* («судебный исполнитель»), *воинская повинность* («воинская обязанность»), *сестра милосердия* («медицинская сестра»).

[19] Некоторые из этих слов, как, например, *жандарм*, *охранка*, сохранились с эмоциональной оценкой презрения для обозначения соответствующих объектов капиталистической действительности.

С образованием новых учреждений, с установлением новых общественных и государственных порядков в правительственных документах и документах общественных организаций применяется новая терминология. Аналогичная старая отпадает, уходит в пассивный запас, забывается совсем или приобретает другую функцию в языке. Такова, например, судьба терминов *присутственный день*, *казенный*, вытесненных соответственно терминами *рабочий день*, *государственный*.

С первых годов революции Коммунистическая партия и правительство вели решительную борьбу со всякими проявлениями шовинистических настроений и остатков национальной розни. Были отменены все наименования народов, не являющиеся самоназваниями или содержащие в себе следы пренебрежения, порожденного национальной рознью: *черемисы*, *сарты*, *самоеды*, *чухны* и др. Отменено было название *малороссы*, как официальный термин царской России, принижавший национальное достоинство украинцев. Быстро исчезли шутливо-пренебрежительные прозвища *москаль*, *хохол*, *князь* («татарин») и др. Постепенно забыты были презрительные прозвища людей по местностям, такие, например, как *мякинник* и *скобарь* (о псковичах), *козел* (о тверских уроженцах), также тесно связанные с неравноправием людей и феодальными пережитками местной розни. Интересна судьба общего названия для ряда малых народностей Востока и отчасти Северного Кавказа — *инородцы*. В царской России это был официальный термин, который на фоне всей угнетательской национальной политики царизма звучал высокомерно и пренебрежительно. Хотя в широких кругах до революции слово *инородец* могло употребляться и как нейтральный термин, для передовой общественности оно стало символом угнетательской национальной политики. Великая Октябрьская социалистическая революция изгнала этот термин и из официальных документов, и из живой речи. Вместо него вводятся новые слова — *национал*, *нацмен*, свободные от всяких ассоциаций неравноправности. Однако в результате сталинской национальной политики, развития культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, к концу 30-х годов и эти термины, ставшие ненужными, отпали.

Борьба со словами, символизировавшими свергнутый социальный строй, принимала различные формы. Старая терминология государственной жизни отменялась, как мы видели, правительственными постановлениями и деятельностью общественных организаций. Это, в частности, коснулось и всякого рода местных названий, отражавших в себе ненавистные народу стороны жизни при старом режиме. Переименовывались населенные пункты и улицы, чтобы они не напоминали повседневно о былом угнетении. Так, в Ленинграде в первые же годы революции *Дворянская улица* была переименована в *улицу Деревенской бедноты*, а *Мещанская* в *Гражданскую*. Город *Царевококшайск* стал *Краснококшайском*, а *Царское Село* — *Детским Селом*. Изгонялись все названия, связанные с именами царей, цариц, церковных праздников (*Новониколаевск*, *Екатеринодар*, *Иваново-Вознесенск* и др.).

Наконец, самое изменение форм общественной жизни, рост новой, социалистической идеологии, борьба со всеми идеологическими и бытовыми пережитками привела к постепенному, но очень быстрому отмиранию, забвению и вытеснению из речевого обихода целых пластов лексики.

Религиозные предрассудки, в течение ряда веков отравлявшие сознание народа, привели к тому, что в словарном составе языка образовался целый слой церковных терминов, а также слов и выражений, отражавших религиозно-суеверные представления. Опираясь на силу вековых привычек, церковь в первые годы революции активно боролась за свое идеологическое влияние на массы. Ее влияние поддерживали остатки старых, косных, кон-

сервативных форм быта, препятствовавшие строительству новой, социалистической жизни. Поэтому антирелигиозная пропаганда приняла решительные формы борьбы. Распространение естественно-научных и технических знаний, рост социалистического строительства усилили воздействие антирелигиозной пропаганды. Ко времени социалистического преобразования сельского хозяйства, ко времени выявления существенных успехов культурной революции в нашей стране основная масса слов, связанных с церковно-религиозными отношениями, решительно ушла в пассивный запас языка, была забыта или сохранилась только в узком кругу верующих и в профессиональной речи духовенства.

Церковная лексика не вся в равной мере была известна народу. Широко употребительными и понятными были слова, называвшие те явления, предметы церковного обихода и тех лиц, с которыми народу приходилось непосредственно сталкиваться при исполнении обрядов: *молебен*, *обедня*, *исповедь*, *говеть*, *поститься*, *отпевание*, *причастие*, *обручение*, *венчание*, *венчаться* (*идти под венец*), *паперть*, *хоругвь*, *евангелие*, *ряса*, *подрясник*, *приход*, *прихожанин* и т. п. Слова этого разряда давно перешли в пассивный запас языка; сейчас молодежь уже не представляет ясно, какие значения скрываются за этими словами, а люди старшего поколения часто пользуются ими для шутливого обозначения явлений из совсем других областей, например: *поститься* («сидеть на диэте»), *испортить всю обедню* и т. п. Слово *панихида* осталось в активном употреблении лишь в сочетании с прилагательным *гражданский*. В первые годы революции этот способ нейтрализации прилагательным старого слова был широко распространен; ср. *красная присяга*, *красный офицер*.

Отразилось в словаре и исчезновение старых обрядов. Так, церемония дачи имени новорожденному (церковное *крещение*, а в народном обиходе *крестины*) осталась, но без участия церкви, и получила новое название — *октябрины*. Одна из форм борьбы с религиозными предрассудками и утверждения нового выразилась в стремлении отказаться от христианских имен: возникают новые имена, образованные на основе имен революционных деятелей, названий революционных событий: *Нинель*, *Ким*, *Эра*, *Ревдит*, *Владлен* и т. п.

Введенный после декрета об отделении церкви от государства термин *служитель культа* отменил как официальные термины все названия должностей церковной иерархии. В быту же для обозначения служителей культа распространяется старое слово *поп*, но с оттенком пренебрежения. Лишь немногие старые названия должностей церковной иерархии сохранились как термины (*патриарх*, *митрополит*, *архиерей*, *епископ* и т. п.); большинство подобных слов ушло из общего употребления, как и огромное количество слов, связанных с обозначением различных сторон церковного быта (названия принадлежностей одежды, названия лиц, обрядов и многие другие). Вся эта лексика сохранилась только в профессиональном употреблении.

Разгром господствовавших до революции эксплуататорских классов, демократизация средних слоев интеллигенции, развитие новых форм быта и общественных отношений привели к полному исчезновению всех слоев лексики, связанных с буржуазно-дворянским бытом, т. е. в значительной части — с классовыми жаргонами. Уходят из речевого обихода, забываются названия принадлежностей одежды, домашнего обихода, занятий, чуждых демократическим слоям общества (ср. *ротонда*, *палантин*, *блонды*, *сонетка*, *будуар*, *журфикс*, *раут*, *реверанс* и т. п.). Исчезли или изменили значения слова, заключавшие в себе оценку норм общественного поведения с буржуазно-дворянской точки зрения: *церемонный*, *светский*, *галантный*, *благовоспитанный*; *моветон*, *пшют*, *жуир*; *манкировать*, *не-*

глижировать, *амикошонство*, *мезальянс* — со всеми производными. Как уже отмечалось, эта лексика часто непосредственно смыкалась с жаргонной лексикой буржуазно-дворянского обихода, обычно иноязычной по происхождению (например, *рандеву*, *бомонд*, *антураж*), и с буржуазно-дворянскими жаргонными словами, перешедшими в словоупотребление городского мещанства (*амбре*, *аматёр*, *интересан*, *променад*, *фриштык* и т. п.). Исчезли слова, называвшие лиц, обслуживавших людей господствующих классов,— *гувернёр*, *гувернантка*, *бонна*, *камердинер*, *казачок*, *камеристка*, *лектриса*, *компаньонка*.

Равным образом, ушли из языка и формы обращения к людям, обычные в буржуазно-дворянском обществе и отражавшие классовую, сословную, имущественную дифференциацию общества. С первых дней революции перестали употребляться сочетания с местоимением *ваше* («ваше благородие», «ваше сиятельство»), обращения *барин*, *господин*, *сударь*, *мосье*, *мадам*, уничижительно-пренебрежительные *почтенный*, *любезный* и т. п.

Сходной была судьба и многих слов, относящихся к лексике официально-бюрократической и официально-торжественной, создававшей высокий, приподнятый стиль речи; исчезли, перешли в пассивный запас или изменили значения такие слова, как *венценосец* (о царе), *соизволить* («государь император высочайше повелеть соизволил»), *благоусмотрение* («представить на благоусмотрение монарха»), *благоволение* («высочайшее благоволение»), *особа* («особы первых трех классов»), *сановник*, *высокопоставленный* и др. Молодому поколению, выросшему в стране социализма, трудно представить, что вся эта жаргонная и полужаргонная, подчеркнуто-торжественная и вычурная лексика буржуазно-дворянского общества употреблялась всерьез. Молодежь мало ее знает и активно не употребляет, но привыкла видеть в фельетоне, в сатире, в ироническом стиле речи.

Вместе с тем многочисленные слова, связанные со старой общественностью, меняя значения или расширяя круг старых значений, приобретали новые функции в лексической системе языка. До сих пор употребляются ранее нейтральные слова *бюрократ* и *чиновник*, но в новом, неодобрительном значении, *казенный* («бездушно-формальный»), *богадельня* («место, где без особой затраты труда, бездельничая, можно извлекать личные выгоды»). Явления семантического и стилистического переосмысления слов тесно связаны с процессами обогащения словаря, которые должны явиться предметом специальных изучений.

Словарный состав современного русского языка, значительно развившийся в советскую эпоху, не отделен непроницаемой стеной от той лексики, которая была связана с обозначением явлений и понятий старого общества. Многие слова и выражения, став ненужными, исчезли из живого употребления; многие из них стали терминами, называющими явления прошлого; некоторые слова превратились в шутливые, иронические или архаические синонимы активно употребляющихся слов, ибо далеко не всегда с исчезновением явлений и предметов уходит и называвшее их слово. Многие разряды лексики, связанные со старым бытом, сохраняются и до сих пор для обозначения явлений капиталистического мира за рубежами нашей страны. Все эти языковые явления, намеченные в настоящей статье лишь в общих чертах по отношению к начальному периоду советской эпохи, свидетельствуют о том, что изменения в словарном составе русского языка привели не к созданию какого-то «нового языка революционной эпохи», а к постепенному совершенствованию словарного состава в целом для лучшего обслуживания, социалистического общества. При этом словарный состав русского языка в советскую эпоху пополнился гораздо большим количеством слов, чем утратил в связи с их несоответствием новым социальным потребностям.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1953

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

Н. Н. ПРОКОПОВИЧ и Е. А. ИВАНЧИКОВА

О СООТНОШЕНИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания открыли широчайшие перспективы и возможности для перестройки и улучшения постановки преподавания русского языка в школе, для развития его методики на подлинно научной основе. На этом пути немало уже сделано, но, как справедливо отмечается на страницах научной и методической печати,— это «...только первые шаги. Предстоит еще огромная работа»[1].

В кругу задач, стоящих сейчас перед методикой, едва ли не первое место занимает вопрос о соотношении в школьном курсе русского языка теории и практики, т. е. теоретических сведений, сообщаемых учащимся, и практических навыков. Этот вопрос в свою очередь неразрывно связан с более широким вопросом о научности в преподавании русского языка, об устранении все еще имеющих место некоторых расхождений между советской наукой о русском языке и школьным его курсом[2]. Правильное решение проблемы соотношения теории и практики необходимо для всей организации изучения русского языка в школе, для определения круга знаний и навыков учащихся, а следовательно, и для составления программ, учебников, методических пособий. Особое значение этот вопрос приобретает в свете исторических решений XIX съезда партии о переходе ко всеобщему десятилетнему обучению и о политехнизации и вытекающей из этих решений задачи глубокого пересмотра и переработки школьных программ и учебников.

Нельзя забывать о том факте, что на разработке проблемы соотношения теории и практики в школьном курсе русского языка сказался тот вред, который принесло нашей школе проникновение в нее «идей» и «теорий» Н. Я. Марра и его последователей.

1

Вопрос о взаимоотношении теории и практики, как и неразрывно связанный с ним, но более широкий вопрос о научности в школьном преподавании русского языка давно был поставлен перед нашей школой. Уже в первой половине XIX в. в методике преподавания русского языка оформились два основных, резко различных направления, не считая, конечно, ряда течений и взглядов внутри каждого из них.

[1] К новым успехам в преподавании русского языка [передовая], «Русский язык в школе», М., 1952, № 5, стр. 5.

[2] См. Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина...[передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 39.

Одно из них, элементарно-практическое, возглавлял в то время Н. И. Греч. Для этого направления характерно ограничение курса русского языка только грамматикой, которую лишали самостоятельного образовательного значения и рассматривали лишь как средство для выработки навыков орфографии и пунктуации. Главной, если не единственной, целью изучения грамматики и считалось приобретение учениками этих навыков. При этом школьную грамматику намеренно, сознательно отрывали от научной грамматики. Более того, под сомнение ставилась даже самая возможность науки о языке. К. Полевой, один из друзей и единомышленников Н. И. Греча, писал: «Больше всего обещают новые законодатели (имелись в виду Буслаев и Галахов.— *Н. П.* и *Е. И.*) установить у нас *науку о языке*. Надобно ли опровергать странность этой мечты! Язык, по существу своему, предмет изменяющийся беспрерывно, а такой предмет не может быть предметом науки»[3].

Отказавшись от принципа научности, элементарно-практическое направление соответственно строило и методику обучения. Так как, по словам того же К. Полевого, «в первые годы юности первенствуют в умственных способностях человека память и воображение», на них следует и «можно налагать сильнейшие труды»[4]. Стоит обратиться к школьным учебникам того времени (самого Н. И. Греча, а также В. Половцева, А. Иванова и др.), как становится ясным, что действительно на память учеников и налагались «сильнейшие труды». Несмотря на свои названия «практических», «кратких», «сокращенных» и т. д., эти грамматики содержали большое количество парадигм склонений и спряжений, схем и различных правил (часто противоречивых и научно не обоснованных, смешивавших языковые факты с орфографией, звук с буквой и т. д.). Учащиеся должны были заучивать этот огромный материал, мало помогавший усвоению грамматического строя (эта задача, собственно, и не ставилась) и в то же время далеко выходивший за пределы того, что было необходимо для осуществления поставленной узкой задачи — овладеть навыками правописания.

Отвечая «видам» царского правительства в области школьной его политики, элементарно-практическое направление было господствующим в дореволюционной русской школе вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Сменялись школьные учебники, в программы вносились некоторые изменения, но принципы построения учебников оставались неизменными. Узко практические по своей установке, они сохраняли пережитки средневековой схоластической грамматики, были антинаучны, страдали догматизмом в изложении.

В 40-е годы А. И. Герцен и В. Г. Белинский положили начало революционно-демократическому направлению в русской педагогике XIX в., получившему дальнейшее развитие в педагогических трудах Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Борьба против школьной политики царского правительства, против казенной системы воспитания и образования, душившей всякое проявление свободной мысли, препятствовавшей всестороннему развитию подрастающего поколения, нашла отражение и в методике преподавания русского языка. Представители прогрессивного направления в методике русского языка ставили целью преподавания всестороннее развитие учащихся — развитие их мышления и речи. За грамматикой признавалось прежде всего самостоятельное образовательное значение. Изучение грамматики, по мнению сторонников этого направле-

---

[3] К. Полевой, Споры о грамматике и языке, «Северная пчела», 1857, № 50, стр. 243.

[4] Его же, указ. соч., «Северная пчела», 1857, № 116, стр. 548.

ния, не может сводиться к простому заучиванию грамматических фактов и явлений, но должно быть построено на обязательном их объяснении и усвоении на основе сознательного восприятия. Изучение грамматики необходимо связывать с ознакомлением учеников со словарным богатством языка, причем освоение теории должно сочетаться с приобретением навыков орфографии и пунктуации.

Эти требования прогрессивной методической мысли наиболее четкое выражение получили в педагогических трудах В. Г. Белинского. Признавая занятия родным языком, словесностью краеугольным камнем всякого образования и особенно первоначального обучения, В. Г. Белинский считал необходимым знакомить детей с «духом родного языка»; это знакомство приобретается «теорией и еще больше практикой», но «после основательного и строгого изучения грамматики»[5]. Со всей решительностью им было выдвинуто требование научности в преподавании русского языка, понимаемое как соответствие сообщаемых учащимся сведений данным науки о языке своего времени. Выдвигая это положение, В. Г. Белинский писал: «Некоторые, оправдываясь слабостью детского рассудка, представляют науки, назначаемые для преподавания детям, в ложном и искаженном виде... Странные люди! Да неужели ребенку, потому только, что он ребенок, должно говорить, что $2 \times 2 = 5$, а не 4?»[6].

Основные положения прогрессивного направления, выдвинутые В. Г. Белинским, были поддержаны и получили дальнейшее развитие в трудах Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, в методической системе К. Д. Ушинского, в высказываниях виднейших лингвистов Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, а позднее акад. Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы и др. Конечно, все эти деятели по-разному и с различных позиций подходили к решению вопроса, но все они признавали обязательным для школы принцип научности в преподавании, а также сочетание при обучении теории и практики.

По мере развития и успехов отечественного языкознания разрыв между школьным изучением русского языка и наукой о нем все углублялся и к началу XX в. достиг высшей точки. В эти годы, как справедливо отмечает член-корр. АН СССР проф. С. Г. Бархударов, «ни в какой области знания не было такого полного и принципиального разрыва между школьным преподаванием и наукой, как в области языкознания»[7]. Вообще этот период характеризуется общим кризисом дореволюционной русской школы. Вся система образования и воспитания того времени вызывала возмущение не только прогрессивной общественности, но ею были явно не удовлетворены и так называемые «умеренные» круги общества[8]. Все решительнее становились требования реформы средней школы. В критике педагогической системы виднейшее место занимали вопросы преподавания русского языка. Несостоятельность элементарно-практического направления стала очевидной не только для передового учительства, но и для широкой общественности. Школа не давала и не могла в тех условиях дать своим питомцам необходимых им знаний и навыков в области русского языка.

Об этом ярко свидетельствуют выступления виднейших деятелей науки. Так, с трибуны съезда преподавателей русского языка, состоявшегося

---

[5] См. В. Г. Белинский, Педагогические сочинения, СПб., 1912.

[6] Там же, стр. 26.

[7] С. Г. Бархударов, Основы преподавания русского языка в школе. Доклад на Объединенной научной сессии Отд-ния лит-ры и языка АН СССР и АПН РСФСР, «Известия АПН РСФСР», вып. 39, М., 1952, стр. 69.

[8] См. Н. А. Константинов, Очерки по истории средней школы, М., Учпедгиз, 1947, стр. 44, 48, 49 и др.

в 1903 г., акад. Ф. Ф. Фортунатов констатировал: «...изучение грамматики родного языка в средней школе дает в настоящее время очень нежелательные результаты в том отношении, что вносит в умы учащихся путаницу понятий о явлениях, фактах языка вообще и нередко вызывает, поэтому, отвращение к теоретическому изучению языка»[9]. Об этом же, по существу, с трибуны того же съезда говорил и акад. А. А. Шахматов, отмечавший «прискорбное нерасположение» учащихся к занятиям по русскому языку; ряд преподавателей-практиков подтвердил его высказывание. Еще резче отмечал это проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ. «К сожалению,— писал он,— благодаря своеобразному усердию средних школ, головы их признанных „зрелыми" воспитанников засорены по части языковедения таким якобы научным хламом, что прежде, чем вводить в эти головы „здравую научную пищу", приходится первым долгом произвести их основательную очистку и дезинфекцию от всего этого сора, накопившегося в них в течение восьмилетнего школьного обучения»[10]. С различной степенью резкости критиковали постановку преподавания русского языка в средней школе и ее результаты многие педагоги и общественные деятели[11].

Далеко не блестящими были и практические навыки. Это признавали даже сами сторонники элементарно-практического направления. Об этом же свидетельствуют официальные документы. Так, в коллективном ответе одиннадцати московских профессоров на официальный запрос Московского учебного округа о подготовке лиц, окончивших средние учебные заведения, отмечается: «В питомцах школы, построенной на изучении языков, поражает неумение выражать мысли ясно и правильно»[12]. В официальных отчетах, поступавших в Министерство народного просвещения, наряду с другими недостатками отмечалось наличие орфографических и пунктуационных ошибок в письменных работах выпускников. Так, например, в «Отчете о письменных работах по русскому языку на испытании зрелости в Московской 2-й гимназии в 1907 г.» говорится, что «грамматические ошибки встречаются почти во всех работах», а как видно из приложенных к отчету таблиц «ошибок в написании слов», на каждую работу в среднем приходится 3,2 ошибки. Здесь же приводятся и образцы грубых ошибок, допущенных выпускниками. Среди них написания: *Евгеней*, *искустной*, *слогается*, *сумашедшего*, *предстовляют*, *детем* вместо *детям*, *также* вместо *так же* и др.

Преподавание русского языка в школе было коренным образом перестроено лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Уже с первых лет в советской школе был взят курс на внедрение основ науки, на ликвидацию разрыва между школьной и научной грамматикой. При непосредственном участии передового учительства и ученых-языковедов были созданы новые программы и учебники; коренным образом изменилась постановка преподавания. Школьная грамматика была очищена от средневековой схоластики, антинаучной трактовки грамматических и фонетических фактов и связанной с этим путаницы в понятиях,

---

[9] Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе. Лекция, прочит. 27 декабря 1903 г. (Приложение II к «Трудам первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях»), Б. м. и г., стр. 372.

[10] И. А. Бодуэн де Куртенэ, Введение в языковедение, 3-е изд., литограф., [курс лекций], СПб., 1910/11 учебн. г., стр. 5.

[11] См., например: В. Ермилов, В борьбе с рутиной, М., 1898; Е. Будде, Грамматика русского литературного языка, как предмет изучения в университете и в средней школе, «Русская школа», СПб., 1901, № 3, стр. 164—178; А. В. Михайлов, К вопросу о постановке преподавания русского языка в средней школе, «Русский филологический вестник», Варшава, 1908, № 1—2, стр. 12—15 и мн. др.

[12] Н. А. Константинов, указ. соч., стр. 51, а также стр. 225 и 226.

от антинаучных и противоречивых определений и правил. Однако некоторые ошибочные положения лингвистического направления, господствовавшего в то время (в основном школы Фортунатова), переносившиеся и в школу, в сочетании с проникшими тогда же в нее порочными методами, отвергнутыми впоследствии советской педагогикой («комплексный метод», «метод проектов» и др.), не позволили обеспечить надлежащий уровень изучения русского языка в школе. Вместо систематического изучения грамматики проводились так называемые «наблюдения над языком», было ослаблено внимание к практическим навыкам. В результате учащиеся не получали строго очерченного и систематического круга теоретических сведений, не получали и прочных, твердых навыков.

Таким образом, обращение к фактам истории методики показывает, что обучение русскому языку, построенное на сознательном, принципиальном отрыве практики от теории, школьной грамматики от научной, как это имело место в школе дореволюционной, не могло привести и не привело к успеху; напротив, оно болезненно сказывалось на уровне как теоретической, так и практической подготовки учащихся. С другой стороны, характерное для первого периода истории советской школы, само по себе полезное и необходимое, резкое повышение внимания к теоретической части школьного курса с целью сближения школьной грамматики и научной при недооценке практической стороны курса также не обеспечило в полной мере выполнения стоящей перед школой задачи, не давая учащимся прочных знаний и навыков.

Следовательно, разрыв между теорией и практикой в школьном преподавании русского языка, проявляется ли он в чрезмерном увлечении теорией за счет практических навыков или, напротив, в чрезмерном увлечении навыками за счет и в ущерб теории, недопустим, ибо при таких условиях школа не может обеспечить стоящей перед ней задачи подготовки вполне грамотной молодежи, владеющей основами наук. Для осуществления этой задачи в области русского языка в школе необходимо правильное сочетание теории и практики, прочных теоретических знаний и твердых практических навыков.

Именно такое решение вопроса о соотношении науки и учебного предмета, теории и практики находим мы в исторических постановлениях ЦК ВКП(б) о средней школе. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г., отметив большие достижения советской школы, указывает и на коренной ее недостаток, который заключается в том, что «обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)». В Постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. четко определяется задача школы — «обеспечить действительно прочное и систематическое усвоение детьми основ наук, знание фактов и навыки правильной речи, письма, математических упражнений и пр.».

Постановления ЦК ВКП(б), знаменующие собою новый этап в жизни и развитии советской школы и обеспечившие мощный подъем всей ее образовательной и воспитательной работы, сыграли исключительно важную роль и в повышении качества преподавания русского языка, в улучшении его постановки. Руководящее указание на необходимость сочетать прочное усвоение основ науки с выработкой прочных же практических навыков помогло установить правильное соотношение теории и практики в школьном курсе русского языка. Это нашло отражение как в разработке новых программ, так и в школьной практике. В основу преподавания русского языка был положен систематический, точно очерченный курс

грамматики, изучение которого неразрывно связывалось с работой над определенным кругом твердых речевых навыков, предусмотренных программой.

Большую и положительную роль в перестройке школьного преподавания сыграли стабильные учебники русского языка проф. С. Г. Бархударова (ч. I в соавторстве с доц. Е. И. Досычевой), изданные в конце 30-х годов и в дальнейшем переработанные под редакцией акад. Л. В. Щербы. Конечно, в настоящее время эти учебники нуждаются в коренной переработке: они не свободны от ряда существенных недостатков как в научно-теоретическом отношении, так и в методическом. Однако эти учебники в свое время принесли, несомненно, большую пользу советской школе. Они содействовали улучшению всей постановки преподавания русского языка в школе, осуществлению принципа научности, установлению правильного соотношения между теорией и практикой.

В результате большой работы по перестройке преподавания русского языка на основе исторических постановлений ЦК ВКП(б) наша школа в этой области добилась значительных успехов. Однако в 40-е годы на школу оказало вредное влияние идейно и организационно господствовавшее в советском языкознании «учение» Н. Я. Марра и его последователей. Как было отмечено с трибуны состоявшейся в ноябре 1950 г. Объединенной сессии Отделения литературы и языка АН СССР и АПН РСФСР, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию и вопросам преподавания языков в советской школе, «немногочисленная, но тесно спаянная и крикливая группа сторонников и последователей «теории» акад. Н. Я. Марра в течение ряда лет систематически принимала всевозможные меры к тому, чтобы повернуть с правильного, научного пути школьное преподавание языка и распространить в широкой среде советских учителей и школьников антинаучные положения вульгарно-материалистического языкознания»[13]. Непосредственно влияние «теории» Н. Я. Марра и его «учеников» на школу сказалось в том, что в занятиях по русскому языку переоценивалось значение лексики и семантики; в связи с этим снижалась роль грамматики в курсе русского языка, а также ослаблялась работа по созданию у детей прочных орфографических и пунктуационных навыков; в самом изучении грамматики на первый план выдвигался синтаксис; в грамматическом разборе центр тяжести переносился на лексико-семантический разбор в ущерб анализу грамматических форм и конструкций; недооценивались тренировочные упражнения, обеспечивающие прочные знания и навыки. Все это не только мешало надлежащей постановке преподавания, но и дискредитировало в глазах широких кругов учительства и методистов самый принцип научности, вызывало неправильное и вредное противопоставление теории практическим навыкам. Выход в свет гениальных трудов И. В. Сталина положил этому конец и вместе с тем дал теоретическую основу для установления необходимого соотношения между теорией и практикой в школьном курсе.

2

В советской средней школе изучаются основы наук. Соответственно и принцип научности является одним из ведущих, основных принципов советской педагогики, точнее дидактики. Курс русского языка также предусматривает преподавание основ науки о русском языке (а не самой науки во всей ее полноте). Научность в преподавании достигается не безграничным расширением школьного курса, не приближением его по объему

[13] С. Г. Бархударов, указ. соч., стр. 72.

к курсу вузовскому, не перенесением в школу лингвистических «тонкостей», не нагромождением излишних и ненужных для школы терминов (это было характерно для методистов марровского толка), а построением всего школьного преподавания на подлинно научной основе, на основе сталинского учения о языке.

Осуществление принципа научности требует прежде всего установления четко ограниченного круга теоретических сведений о русском языке, которые в сочетании с определенным, также строго очерченным кругом практических умений и навыков составляют, в отличие от науки о русском языке, школьный предмет русского языка.

Указанный отбор определяется в первую очередь содержанием и системой самой науки о русском языке. В школьный курс должны войти те теоретические сведения, которые давали бы ученику ясное представление о системе современного русского языка, о его словарном составе и, главное, о его грамматическом строе, составляющем вместе с основным словарным фондом «основу языка, сущность его специфики», сведения о важнейших грамматических категориях и формах, об основных правилах изменения слов и сочетания слов в предложении, а также некоторые сведения о звуковой системе русского языка. В школьный курс включаются и правила орфографии и пунктуации.

Однако отбор теоретических сведений, включаемых в школьный курс, установление их круга и глубины определяется не только содержанием науки о русском языке, но и требованиями других наук — педагогики, методики как ее части и психологии. Ведь определяя круг необходимых для школьников знаний и навыков по русскому языку (как, конечно, и по другим школьным предметам), нужно исходить из общих положений и данных советской педагогики, считаться с возрастными особенностями учащихся, опираться на научные основы психологии речи в детском возрасте, на закономерности развития речи ребенка и т. д. Все это говорит о том, что определение круга и объема теоретических сведений для школьного курса — задача исключительно трудная и ответственная. Нельзя при составлении программ и учебников вопрос о «нужности» или «ненужности» включения в них того или иного материала решать на основе одного лишь опыта самих составителей. Необходимо тщательное и всестороннее изучение, исследование вопросов, относящихся к отбору и определению объема теоретических сведений и навыков для школы. Между тем, насколько нам известно, такое исследование не проведено и до настоящего времени. Поэтому и в ныне действующих программах и учебниках отсутствуют некоторые сведения, существенно необходимые и для правильного представления о системе языка, и для выработки навыков, а в то же время в программах имеются такие сведения, которые могли бы, на наш взгляд, быть опущены (см. ниже).

Осуществление принципа научности в школьном преподавании русского языка требует также, чтобы самое изложение точно очерченного круга теоретических положений, определяемого программой, проводилось в строгом соответствии с данными науки о русском языке, не противоречило им. Это также весьма трудная задача. Дело в том, что теоретический материал в V—VII классах, где изучается систематический курс русского языка, неизбежно должен несколько упрощаться, точнее, облекаться в форму, доступную для школьников. Еще В. Г. Белинский — убежденный сторонник принципа научности в школьном преподавании — считал, что главное достоинство учебника «должно состоять в простом и ясном изложении предмета и в искусном приноровлении оного к детским понятиям»[14].

[14] В. Г. Белинский, указ. соч., стр. 23.

Однако «упрощение» материала, «приноровление его к детским понятиям» не должно приводить к искажению и вульгаризации этого материала. Детям ни в коем случае нельзя давать сведения неверные, искажающие положения науки. Против этого неоднократно предостерегали учителей и методистов лучшие представители прогрессивной методической мысли дореволюционной России. «Если разбор,— писал К. Д. Ушинский,— ...приводит нас к таким явлениям слова, полное объяснение которых еще невозможно, то мы... даем им объяснения провизуарные — *не ложные, чего ни в коем случае и никогда не должно давать дитяти* (курсив наш. — *Н. П.* и *Е. И.*), но неполные — достаточные на этот случай, но не обнимающие других или не углубляющиеся до самой основы объясняемого явления»[15]. Следовательно, важнейшая наша задача: не снижая научного уровня, излагать учащимся теоретический материал просто и ясно, облекать его в форму, доступную детскому возрасту. Это задача, повторяем, трудная, но безусловно выполнимая. Непревзойденный пример сочетания глубины и научности в освещении сложнейших вопросов теории языка с исключительной ясностью и доступностью изложения дает нам гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Говоря о принципе научности в школьном преподавании, нельзя не остановиться и еще на одном вопросе. Как и советская наука в целом, наука о русском языке не стоит на месте. Она прошла долгий путь развития, она непрерывно обогащается новыми исследованиями. Особенно быстро и плодотворно развивается она в наши дни, получив в трудах И. В. Сталина мощный стимул и прочную теоретическую базу для перестройки и обновления во всех своих отраслях. В процессе развития науки о русском языке возникали и возникают различные точки зрения по отдельным вопросам, разные взгляды на те или другие конкретные факты и явления языка. Это естественно, ибо, как указывает И. В. Сталин, «...никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»[16].

Общеизвестно, что в научной трактовке вопросов грамматики, лексики и фонетики русского языка имеется немало разногласий, немало спорного и неразрешенного. Как быть в связи с этим при осуществлении принципа научности в школе? Нельзя забывать, что школьный курс русского языка— это курс, по существу, нормативный. Совершенно очевидно, что на занятиях по русскому языку в школе нет места для научных дискуссий, как и для освещения различных точек зрения, имеющихся в науке по тем или иным вопросам. В школьный курс поэтому должно включаться то, что уже установилось и является общепринятым в самой науке.

С вопросом о научности в преподавании русского языка в средней школе неразрывно связан и затронутый нами выше вопрос о взаимоотношении в нем теории и практики. Русский язык как предмет обучения в средней школе состоит из двух равноправных, одинаково нужных частей — теоретического курса и определенного круга практических навыков, на нем основанных. Обе эти части выполняют одну общую задачу — обеспечить прочное усвоение основ науки о языке и твердые речевые навыки. В свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания это положение получает прочное научно-теоретическое обоснование; отчетливо осознается большое значение обеих упомянутых частей школьного курса и их теснейшая связь и взаимодействие.

---

[15] К. Д. Ушинский, Избранные педагогические сочинения, М., Учпедгиз, 1945, стр. 436.

[16] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 31.

Теоретическая часть школьного курса русского языка, давая учащимся знание основ этой науки в свете сталинского учения о языке, имеет прежде всего большое образовательное и воспитательное значение. Центральную часть школьного курса, как известно, составляет грамматика, которая, по классическому определению И. В. Сталина, «...является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении»[17], «...придает языку стройный, осмысленный характер»[18] и является наукой абстрактной, отвлеченной, напоминающей геометрию. Кроме грамматики, ученики получают некоторые теоретические сведения о словарном составе, который, являясь «строительным материалом для языка», «...получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики...»[19], и о звуковой системе русского языка. Этот круг теоретических сведений представляет собой самостоятельную образовательную и воспитательную ценность.

В процессе изучения грамматического строя русского языка и его лексики у учащихся постепенно накапливается представление о языке как средстве общения, о важнейших закономерностях, ему присущих. Весь пройденный курс завершается в V—VII или в VIII—X классах изложением основных положений сталинского учения о языке — в соответствии с программами по русскому языку для этих классов. Теоретическая часть школьного курса русского языка раскрывает перед учащимися исключительное богатство и разнообразие грамматических форм и конструкций, словообразовательных средств, словарного состава русского языка как свидетельство его мощи и величия, что содействует воспитанию в детях чувства любви к своему языку, к своей социалистической Родине. В силу абстрагирующего характера грамматики ее изучение играет большую роль и в развитии отвлеченного. абстрактного мышления учащихся.

Сказанным не исчерпывается значение теоретической части школьного курса. Имея самостоятельное значение, она вместе с тем исключительно важна и для второй, практической части курса, являясь базой для развития у учеников практических навыков. Определяя язык как общественное явление, его исключительно важную роль в обществе, И. В. Сталин подчеркивает в качестве основной его функции — функцию коммуникативную. «Язык,— учит И. В. Сталин,— есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания»[20]. Научить подрастающее поколение в совершенстве владеть этим могучим орудием, легко и свободно пользоваться им в практической деятельности, в строительстве коммунизма — важнейшая задача советской школы. Этим определяется место и роль второй неотъемлемой части школьного курса русского языка — части практической.

Усваивая определенный программою круг теоретических сведений о грамматическом строе языка, его словарном составе, звуковой системе, ученик одновременно должен уяснить себе, какую роль играют изученные им грамматические формы и конструкции в языке, как применяются они в языковой практике, как богат наш язык и своим «строительным материалом» (лексикой) и грамматическими средствами, организующими и оформляющими этот материал в связную речь, как используется это богатство и разнообразие языковых средств для наиболее точной и яркой передачи того или иного содержания, того или иного высказывания. На этой основе ученик должен — что особенно важно — и сам научиться

[17] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23—24.
[18] Там же, стр. 23.
[19] Там же.
[20] Там же, стр. 22.

применять на практике полученные сведения, уметь пользоваться всем богатством и разнообразием языковых средств для четкого, ясного и последовательного изложения своих мыслей, уметь оформлять их в соответствии с правилами и нормами русского литературного языка. На осуществление этой важнейшей задачи и направлена практическая часть школьного курса, т. е. определяемый программою круг речевых навыков. Какие же навыки должна предусматривать практическая часть школьного курса? Какое содержание вкладывается в понятие навыков применительно к курсу русского языка? На этом вопросе следует остановиться.

Когда говорят о практических навыках, то обычно имеют в виду прежде всего и главным образом навыки орфографические и пунктуационные, т. е. умение писать, излагать свои мысли с соблюдением правил русской орфографии и пунктуации. И это понятно: соблюдение орфографических и пунктуационных норм, укрепляющих единство общенародного нашего языка в его письменной разновидности, имеет важное значение. Значение это стало особенно очевидным в свете сталинского учения о языке[21].

Общеизвестно, что орфографические навыки лучше усваиваются и закрепляются в детские годы — в начальной и семилетней школе; это требует особенного внимания к ним именно в данный период. Несомненно также, что орфографические и пунктуационные навыки вырабатываются нелегко. Для овладения ими необходима не только опора на грамматику (морфологию, включая состав слова,— для орфографии; синтаксис — для пунктуации) и изучение сравнительно большого числа орфографических и пунктуационных правил, но и систематическая и длительная тренировка, выполнение упражнений, направленных на выработку умения применять соответствующие правила. Навыки эти вырабатываются постепенно и требуют постоянного внимания учителя. К тому же существуют написания, которые не охватываются правилами и усваиваются в процессе работы над словарем. Наконец, известно, что вредное влияние «теории» Н. Я. Марра на школу особенно сказалось в преподавании морфологии, служащей основой для орфографических навыков, и на усвоении этих последних. Всеми этими соображениями определяется то большое место, которое должна занимать работа по созданию у учащихся прочных и твердых орфографических и пунктуационных навыков в занятиях по русскому языку в семилетней школе. Орфографические и пунктуационные навыки должны быть постоянно в поле зрения учителя, внимание к ним не должно ослабляться.

Однако нельзя практические навыки ограничивать только навыками орфографии и пунктуации. Такое сужение их круга следует признать глубоко ошибочным. Речевые навыки в действительности значительно шире, и недооценка этого приводит к снижению общего уровня грамотности учащихся. К числу практических навыков, кроме орфографических и пунктуационных, нужно отнести также навыки, которые следовало бы назвать грамматическими. Это—умение соблюдать правила русской грамматики в письменной или устной речи (в последней отступления от правил не так бросаются в глаза). Изучение опыта работы школ показывает, что ошибки, свидетельствующие о нетвердости этого навыка у учащихся, отнюдь не единичны, встречаются они очень часто, и многие из них не менее стойки, чем некоторые разряды ошибок орфографических.

Всем известны, например, такие широко распространенные в речи наших школьников ошибки, основанные на отсутствии у них умения строить свою речь в соответствии с грамматическими нормами русского

[21] См. А. Н. Гвоздев, Вопросы современной орфографии и методика ее преподавания. Доклад на Объединенной научной сессии Отд-ния лит-ры и языка АН СССР и АПН РСФСР, «Известия АПН РСФСР», вып. 39, М., 1952, стр. 96 и сл.

языка, как: нарушение правила согласования в числе сказуемого с подлежащим, выраженным существительным с собирательным значением, а также употребление местоимений, заменяющих такие существительные или относящихся к ним, в форме множественного числа [*Толпа крестьян просят барина освободить их детей*; *Автор показал загнивание крепостнического дворянства и их неминуемую гибель*; *Толпа стала вторить ее* (Ниловны) *словам, говоря о том, что их сыновей несправедливо забрали*; *Ее* (Ниловны) *рассказы помогают понять интеллигенции жизнь народа, которые знали ее только по книгам*][22]; употребление существительных, имеющих только форму единственного числа, в форме множественного числа (*Изменились сознания и у рабочих, что показывает нам Горький, рисуя образы Павла и Пелагеи Ниловны*; *Много веселий было на елке*); неправильное употребление в предложении деепричастного оборота (*После того как мы прочитали книгу, обсуждая ее, у нас завязался спор*; *Печорин уехал на Кавказ, где он хотел найти себе развлечение. Развлекаясь, ему опять все надоело*; *Работая у помещика шесть дней в неделю, крестьянину не было времени на отдых*); неточное употребление союзов (*Когда стали применять против Коловрата стенобитные орудия, он был убит*; *Примером может служить случай с болотной копейкой, где рабочие увидели в лице Павла своего защитника*); нарушение правил о местоположении придаточного определительного предложения по отношению к главному (*Печь была без трубы, которая каждое утро коптила избу*; *Закончил роман Островский в 1934 году, который был очень тепло встречен*; *Роман «Господа Головлевы» отдельным изданием был напечатан в 1880 году, темой которого является изображение дворянской семьи*; *Особенно ярко подчеркивается тяжелое положение в темном царстве замужней женщины, в котором находилась Катерина*). Классификация и изучение подобного рода ошибок могли бы послужить темой специального исследования.

Одним из наиболее распространенных типов грамматических ошибок в речи учащихся являются, как показывают наблюдения, ошибки, заключающиеся в нарушении правил предложного и беспредложного управления (*Рабочие уверены в свои силы*; *Он не способен для борьбы*; *Арина Петровна стремится подчинить к себе всех*; *Крепостное право тормозило культурному развитию и процветанию страны*; *В этом произведении автор описывает о жизни Киевской Руси*; *Обломов пугается всяким новшествам*; *Митрофан, по примеру матери, грубит с учителями*; *Простакова льстит перед вышестоящими людьми*; *Штольц много уделял внимания на усвоение наук*; *Богатая помещица, владелица четырьмя тысячами душ, Арина Петровна крайне была скупа* и т. п.).

Такого рода ошибки при классификации их затрудняют учителей и методистов. Куда их отнести? Это не орфографические ошибки. А какие же? Их чаще всего называют «речевыми недочетами». Однако этот термин слишком широк: к речевым недочетам по праву можно отнести и неправильное употребление слов (т. е. не в том значении, которое присуще слову) и многие другие. Иногда их называют «стилистическими», с чем никак нельзя согласиться. Между тем рассматриваемая группа ошибок определяется четко. Эти ошибки основаны либо на недостаточном усвоении тех или иных положений грамматики, либо на отсутствии навыка, умения применять последние на практике. Нам думается, в силу этого, что такого рода ошибки и следует называть грамматическими. Из сказанного нужно сделать вывод, что у школьников необходимо вырабатывать навык применять в своей речи изученные грамматические правила; ошибки грамматиче-

[22] Здесь и ниже помещенные примеры взяты из сочинений и изложений учащихся московских школ: № 315, № 609, а также школы рабочей молодежи № 3.

ские столь же недопустимы, как и ошибки орфографические и пунктуационные.

Чтобы свободно владеть русским языком, учащиеся должны расширять свой активный словарь. Известно, что ученики не всегда умеют подобрать подходящее слово, наиболее точно выражающее то или иное понятие, представление, иногда не понимают значения встречающихся им слов и в связи с этим допускают неправильное их употребление, не умеют пользоваться богатейшей синонимикой. Об этом свидетельствует ряд ошибок, которые встречаются в сочинениях учащихся (*Обломов* ***обличается*** *в свой просторный халат*; *Честность и* ***благородие*** *натуры выделяет Катерину среди обитателей темного царства*; ***Прикрываясь*** *богобоязненной, она* (Арина Петровна) *тиранит зависящих от нее детей и взрослых*; *Автор «Слова» показывает нам* ***высокопоставленную*** *идею произведения об объединении Киевской Руси, которая находилась в этот период раздробленной*; *Госпожа Простакова* ***раболепит*** *перед вышестоящим начальством*; *Но даже Ниловна, еще далекая в этот момент от* ***понятия*** *революционной правды,* ***проникает*** *в этот момент идеями Павла*; *Революционный романтизм в романе* ***употреблен*** *в наиболее героических сценах*; *Горький явился выразителем, певцом и* ***знаменателем*** *новой эпохи*; *Детям она* (Арина Петровна) *раздала имение* ***ограниченно***).

Следовательно, в круг практических навыков должно быть включено умение наиболее эффективно пользоваться «строительным материалом»— богатейшим словарным запасом русского языка. А для этого необходима систематическая работа, необходимы практические упражнения, направленные на обогащение словаря учащихся и опирающиеся на небольшой, строго очерченный круг теоретических сведений по русской лексике. Бедность слога учащихся нередко объясняется не только неумением подобрать подходящее слово, но и отсутствием навыка использовать богатство и разнообразие грамматических форм и конструкций в своей речевой практике. В связи с этим необходимо вырабатывать у детей элементарные стилистические навыки (например, синонимические замены одних форм и конструкций другими и т. п.).

Таким образом, практические навыки следует понимать широко: это— навыки, обеспечивающие овладение русским языком как средством общения, умение свободно и легко пользоваться им. Практическая часть школьного курса русского языка ставит задачей развитие речи учащихся в широком смысле; в нее входит и словарная работа, и выработка навыков грамматически правильного построения речи, и развитие элементарных стилистических навыков, и овладение нормами орфографии и пунктуации. Теоретические сведения, получаемые учащимися, служат базой для навыков, которые вырабатываются в процессе практических упражнений.

Однако связь теоретических сведений и практических навыков в школьном преподавании русского языка не односторонняя, а взаимная. Если теоретические сведения служат необходимой базой для практических навыков и умений, то и эти последние (правильно организованная практика) помогают лучше осмыслить сущность изучаемых языковых фактов и явлений, а также закрепить, прочно усвоить теоретические сведения. Поэтому глубоко ошибочными следует признать встречающиеся иногда попытки противопоставлять теорию практике и наоборот, т. е. противопоставлять, с одной стороны, задачу обеспечить строгую научность теоретических сведений, сообщаемых учащимся, а с другой — необходимость систематической работы над развитием у учащихся прочных и твердых навыков. Теория и практика должны не противопоставляться, а гармонически сочетаться, объединяясь в выполнении одной общей задачи, стоящей

перед русским языком как предметом обучения в советской школе. В связи с этим и задача обеспечить подлинно научный уровень в преподавании русского языка, обеспечить изложение основ науки о русском языке в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания должна рассматриваться одновременно и как задача обеспечить умение свободно владеть русским языком.

3

В школьном преподавании русского языка и в наше время продолжают наблюдаться случаи неправомерного противопоставления теории и практики. Правильное стремление усилить работу по развитию у детей прочных речевых навыков сочетается часто с недостаточным вниманием к теоретической стороне преподавания русского языка. Не ликвидировано расхождение между школьной и научной грамматикой, причем некоторые считают, видимо, такое положение вещей нормальным. Это расхождение заключается, во-первых, в том, что в школе изучается не весь тот материал, который имеет существенное значение как в образовательных, так и в практических целях; напротив, многое из того, что проходится в средней школе, не имеет серьезного теоретического и практического значения и ложится лишним грузом на память учащихся. Во-вторых, при изложении некоторых теоретических сведений, включенных в школьный курс русского языка, допускаются отступления от соответствующих положений современной науки о русском языке. Правда, иногда наличие недостатков теоретического характера в известной мере объясняется неразработанностью соответствующих положений в самой науке о русском языке или отсутствием единства в трактовке тех или иных вопросов. Понятно, что некоторые из таких вопросов или совсем не находят своего отражения в школьном курсе, или излагаются в соответствии со сложившейся, иногда значительно устаревшей традицией.

В то же время в школьную практику еще не проникли многие из тех положений науки о русском языке, которые при настоящем ее состоянии можно считать бесспорными или по отношению к которым наметилась ведущая точка зрения. Мы говорим, разумеется, только о самых основах науки о русском языке, усвоение которых в школе представляется необходимым как в теоретическом, так и в практическом отношении. Возникает вопрос, изучается ли в школе все то, что имеет существенное значение как для освоения основ науки о русском языке, так и для выработки у учащихся прочных навыков? Вопрос этот не может быть решен без специального углубленного его исследования. Здесь приходится ограничиться лишь отдельными замечаниями. Известно, например, что некоторые разделы курса русского языка, которые предусмотрены программой, не обеспечены соответствующим материалом учебника, по ним нет и специальных пособий, предназначенных для учителя. Так, в учебнике грамматики русского языка под редакцией акад. Л. В. Щербы отсутствует раздел о словарном составе русского языка, являющемся, по определению И. В. Сталина, строительным материалом для языка, в то время как сведения по лексике — необходимая база для словарной работы в школе; исключительное значение, которое имеет эта работа в обучении детей нормам русского литературного языка, не приходится доказывать. К тому же, изучение в школе основ лексикологии предусмотрено и программой.

Большие затруднения не только для учащихся, но и для учителей представляет определение производных и непроизводных основ (что имеет существенное значение для орфографии). Но материалом, который помог бы учителю ориентироваться в этом вопросе, школа не располагает. Ни в школьном учебнике, ни в сборниках упражнений не содержится

в достаточном объеме теоретического и практического материала (в виде заданий, упражнений), необходимого для того, чтобы школьники усвоили хотя бы основные правила сочетаний слов, в частности, закономерности глагольного и именного управления. Отсутствие элементарных знаний и навыков в этой области имеет прямое отношение к наблюдающемуся в речи наших школьников большому количеству соответствующих «речевых недочетов» (см. выше). В программе по русскому языку для VIII—X классов (издание АПН РСФСР, М., 1951) специально рекомендуется при изучении темы «Простое предложение» обратить особое внимание на вопрос о связях слов в предложении, причем в ней справедливо указано, что «именно нарушением правил связи слов в предложении (согласования, управления) обусловливается большое количество стилистических ошибок как в устной, так и письменной речи учащихся» (стр. 13).

С вопросом о связи слов в предложении тесно соприкасается вопрос об устойчивых сочетаниях слов. Известно, какое широкое распространение в нашем языке получили несвободные, связанные сочетания слов. Между тем учащиеся не всегда умеют ими пользоваться. В их речи особенно часты случаи контаминации разных типов устойчивых словосочетаний (например: *Павлом охватило желание...*; *Книга Радищева произвела большое влияние на широкие круги читателей*; *Часть рабочих впала в мрачное положение*). Этому вопросу в школе также не уделяется должного внимания. Серьезным недостатком программы, учебника и учебных пособий по русскому языку является отсутствие в них необходимого минимума сведений о порядке слов в предложении, об основных закономерностях словорасположения в русском языке, о тех смысловых возможностях, которые заключают в себе эти закономерности. Практика показывает, что усвоение правил словорасположения в русском языке не дается чисто практическим путем даже тем детям, для которых русский язык является родным. Вот несколько примеров: *Оставшиеся в городе продолжали начатое Олегом дело и его товарищами*; *Творчество Радищева высоко ценили Ленин и Сталин, как первого русского революционера*; *Таковы ее были грубые отношения к мужу*; *То же самое и происходит с Анной*; *Роман «Мать» Горький создал по материалам революции, явившийся первым произведением социалистического реализма*. (С нарушениями правил размещения в предложении причастных оборотов и обособленных определений, как известно, бывают связаны ошибки в согласовании причастий и прилагательных с определяемым словом). Описание основных правил размещения слов могло бы быть дано в специальном разделе учебника, помещенном после глав, излагающих материал о главных и второстепенных членах предложения.

Недостаточным по своему объему является изучаемый в школе материал по грамматической синонимии. Школьников знакомят со случаями возможной взаимозамены действительного оборота речи страдательным, определенных типов придаточных предложений причастным оборотом, обособленным прилагательным, обособленным приложением, деепричастным оборотом, а также замены прямой речи косвенною. Однако до сих пор в школах полностью не используется материал, предусмотренный программой и содержащийся в учебнике; он позволяет раскрыть перед учащимися в большей степени, чем это делается сейчас, богатство имеющихся в русском языке синонимических конструкций. Так, в целях обогащения речи учащихся и развития у них умения пользоваться приобретаемыми ими теоретическими знаниями, целесообразно ознакомить школьников с синонимикой некоторых суффиксов, приставок, падежных конструкций (предложных и беспредложных), определений, выраженных прилагательными и формой родительного падежа без предлога, возвратных глаголов со страдательным значением и страдательных причастий, раз-

ных форм сказуемого, модальных частиц и вводных слов, личных и безличных предложений, сложных предложений с союзами, бессоюзных сложных предложений и др.

При отборе теоретического материала, подлежащего включению в школьный курс русского языка, не всегда учитывается то значение, которое может иметь данное положение, правило для последующих разделов грамматики, поэтому некоторые важные в этом отношении факты языка оказываются освещенными с недостаточной полнотой. Приведем отдельные примеры из учебника. В параграфе учебника морфологии, посвященном безличным глаголам, не выделены возвратные безличные глаголы, образованные от соответствующих личных невозвратных глаголов. Между тем школьникам нелегко дается распознавание безличных глаголов в тексте: эти глаголы с трудом входят в активный словарь детей. Сопоставление форм типа *хочу — хочется, сплю — спится, работаю — работается* и т. п. способствовало бы лучшему усвоению учащимися категории безличности и обогащению их словарного запаса. При синтаксической характеристике частей речи в разделе морфологии говорится о том, какую, преимущественно, роль в предложении выполняет та или иная часть речи, но, как правило, не указывается на то, с какими другими частями речи может вступать в синтаксическую связь данная часть речи. Такого рода сведения, закрепленные выполнением соответствующих упражнений, могли бы способствовать формированию у учащихся более четкого понятия о частях речи и их взаимоотношениях.

Попутно отметим, что к числу упущений школьного учебника (упущений скорее методического, чем собственно теоретического характера) относится то, что в нем почти полностью отсутствуют главы или параграфы, подытоживающие, сводящие воедино, сопоставляющие между собой сведения, сообщенные порознь, что, естественно, мешает созданию у детей четкого представления о тех или иных фактах языка, образованию у них навыков быстро ориентироваться в этих фактах. Этот недостаток можно было бы устранить путем помещения в конце каждого раздела, посвященного той или иной части речи, заключительной главы, содержащей полный перечень всех грамматических признаков данной части речи; в частности, после изложения материала о глаголе и его формах — причастии и деепричастии — следует назвать те грамматические категории, которые объединяют спрягаемые формы глагола, инфинитив, причастие и деепричастие в более широкую категорию глагольного слова.

Не во всех разделах учебника можно отметить равномерное распределение материала теоретического и практического, состоящего из заданий и упражнений. В учебнике есть разделы, представленные слишком теоретично, так как их усвоение в недостаточной степени обеспечено соответствующими упражнениями. Например, к § 42 «Несклоняемые существительные» (ч. I учебника) имеется всего два упражнения; в одном из них (№ 140) требуется подчеркнуть несклоняемые имена существительные (их четыре: *пони, какаду колибри, кенгуру*), а в другом (№ 141) — вставить в данный текст одно из трех слов: *депо, пальто, кофе*. Совсем нет упражнений на употребление относительных прилагательных в значении качественных, на употребление прилагательных, перешедших в существительные. К § 100 «Наклонения» дано лишь одно упражнение, требующее подчеркнуть включенные в текст глаголы сослагательного, повелительного и изъявительного наклонения; при этом лишь одно предложение содержит глаголы в форме сослагательного наклонения. Правда, образованию и правописанию форм повелительного наклонения посвящены два следующих параграфа, сопровождаемых достаточным количеством упражнений. Материал же, предназначенный для освоения правил образования и

употребления в речи формы сослагательного наклонения, исчерпывается одним указанным предложением. Таким образом, если учащиеся ограничатся только этим материалом учебника, категория сослагательного наклонения будет, в лучшем случае, усвоена ими лишь пассивно, догматически. В значительной степени односторонне-теоретический характер носят также разделы учебника, посвященные суффиксам имен существительных, разрядам местоимений, и некоторые другие.

Мы привели лишь отдельные примеры, говорящие о том, что школьный курс русского языка включает в себя не весь материал, который представляется нам необходимым в учебнике этого типа как в теоретическом, так и в практическом отношении. Отсюда не следует, однако, делать вывода о необходимости увеличения объема теоретического курса грамматики в средней школе. Напротив, этот объем должен строго соответствовать тому количеству времени, которое отводится в школе на изучение русского языка. Нарушение этого соответствия лишило бы учителя возможности в должной мере закреплять изучаемый материал и проводить работу по развитию у школьников соответствующих практических навыков. В настоящее время назрела необходимость основательного пересмотра программы, а также серьезной переработки учебника по русскому языку для средней школы. Такой пересмотр должен установить, с одной стороны, круг тех сведений по русскому языку, которые могут быть активно усвоены учащимися средней школы и которые необходимы для формирования у них основных грамматических понятий и умения применять полученные знания в своей речевой практике; с другой стороны, он выявит, без каких знаний и навыков по русскому языку может свободно обойтись средняя школа. Так, на наш взгляд, вызвало бы излишнюю перегрузку школьного курса грамматики включение в него определения понятия «слово», определения категорий модальности и предикативности, глагольных категорий залога, вида, наклонения и времени, детального описания системы словообразования разных частей речи, подробных классификаций грамматических значений и форм (например, классификации имен существительных по родам, классификации залоговых значений, классификации способов выражения членов предложения, классификации типов придаточных предложений и т. п.).

Следовательно, включение в программу и в учебник необходимого в образовательных и практических целях материала может быть произведено не путем простого увеличения объема программы и учебника, а путем одновременного исключения из школьного курса грамматики излишнего материала. Совершенно очевидно также, что не весь необходимый для практического овладения нормами русского литературного языка материал должен получить в учебнике свое теоретическое освещение: часть этого материала (в теоретическом отношении мало доступная детям школьного возраста или требующая затраты большого количества времени на его изучение и запоминание) может быть введена в учебник в виде соответствующих заданий, упражнений, задач и т. п.

Отступления от принципа научности преподавания русского языка в школе находят свое отражение, как было сказано выше, также в том, что излагаемые теоретические положения не всегда соответствуют данным науки о русском языке. Ограничимся некоторыми примерами. Местоимение определяется в школе как «часть речи, которая употребляется вместо имени существительного, прилагательного и числительного» (см. ч. I учебника, § 75). Общеизвестно, что такое определение не соответствует действительному значению этой грамматической категории, не подтвер-

ждается конкретным материалом языка: какую часть речи заменяет, например, местоимение *что* в предложении «*Что день грядущий мне готовит?*» или местоимения *я* и *к тебе* в предложении «*Я пришел к тебе с приветом...*». Между тем наукой давно установлено, что основная функция местоимений — не заместительная, а указательная: при помощи местоимений говорящий указывает на предметы и на их признаки, не называя их и не определяя их содержания[23]. В определении глагола обычно указывается на два основных значения, выражаемых глаголами: действие и состояние. Такое определение является, с одной стороны, неполным, так как в нем не упомянуто о таком значении глагола, как выражение изменения состояния (*краснеть*, *стареть*), проявления каких-либо свойств, признаков (*гордиться*), отношения к чему-либо (*любить*, *уважать*) и др. С другой стороны, это определение недостаточно грамматично, в нем не учитывается значение грамматической абстракции. Правильнее было бы определить основное значение глагола как значение действия, отметив при этом, что под действием в грамматике понимается не только действие в бытовом употреблении этого слова, но и всякий вообще процесс.

Серьезные возражения вызывает распространенная в школьной практике (очевидно, под влиянием учебника) трактовка категорий несовершенного и совершенного видов глагола, уже неоднократно подвергавшаяся критике. Положенный в основу определения видов глагола принцип незаконченности или законченности выраженного глаголом действия не охватывает самого существа грамматической категории вида, характеризующей глагольное действие «...в его пределе, результате и... в его течении, не ограниченном идеей внутреннего предела»[24]. Не секрет, что из всего теоретического курса школьной грамматики, может быть, наименее усвоенной учащимися оказывается именно категория вида глагола: при грамматическом разборе учащиеся относят глаголы к несовершенному или совершенному виду обычно чисто механически, пользуясь вопросами: «что делать?» и «что сделать?»; характерной ошибкой при этом является смешение видовых значений с временными: глаголы прошедшего времени несовершенного вида признаются глаголами совершенного вида (так как они выражают действие, которое уже не производится, следовательно, действие законченное), а глаголы будущего времени совершенного вида признаются глаголами несовершенного вида (так как ими обозначено действие, еще не производившееся, следовательно, незаконченное). Здесь особенно наглядно проявляется отрицательное влияние, которое оказывают на знания и навыки учащихся отступающие от науки определения. Живая языковая действительность воспринимается детьми в искаженном виде, когда в основу определения так называемых неполных предложений кладется принцип «опущения», «подразумевания» тех или иных членов предложения. Разбирая такие широко распространенные в разговорной речи типы предложений, как *отец на дворе*, *я домой* или предложения-реплики диалога: «*Что, грибы собирала? — Да, грибы*»,— ученики (мысленно или вслух) «восстанавливают» якобы пропущенные члены предложения, и эта операция сама по себе дает им повод считать такие предложения своего рода аномалиями по отношению к противопоставляемым им «полным» предложениям.

Также расходится с фактами языка обычно внушаемая учащимся идея о тождестве, параллелизме тех отношений, которые устанавливаются между частями сложного предложения, и отношений слов внутри простого

[23] См., например: Грамматика русского языка, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 387, § 627.

[24] В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, М., Изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 44.

предложения: придаточные предложения рассматриваются как развернутые члены простого предложения. Такое определение, безусловно, обедняет, искусственно схематизирует то разнообразие значений и оттенков значений, которое выражается придаточными предложениями. Со случаями отступлений от этого «правила» учащиеся постоянно сталкиваются при грамматическом разборе. При изложении в школе учения о сложном предложении обычно не проводится никакого различия между самостоятельными, простыми предложениями и предложениями, входящими в состав сложного предложения. Между тем части не только сложноподчиненного, но и сложносочиненного предложения не образуют простой суммы двух или нескольких предложений, а составляют смысловое, грамматическое и интонационное единство взаимосвязанных частей. Без достаточных оснований части бессоюзного сложного предложения подводятся под категории придаточных предложений; при этом, очевидно, смешивается вопрос об изучении структуры определенных типов предложений с вопросом о возможности синонимической замены одних конструкций предложений другими. Правда, вопросы, относящиеся к изучению типов сложного предложения, не получили еще в нашей науке вполне удовлетворительного разрешения, хотя все большего признания получает тенденция направить это изучение в сторону конкретного анализа разных структурных типов сложного предложения с учетом взаимоотношения его частей.

Требуют уточнения некоторые содержащиеся в школьном учебнике формулировки и правила. Например, в указание о том, что прилагательные изменяются по родам (ч. I, § 57), следует ввести ограничение: «только в единственном числе». (В практике нередко наблюдается, что учащиеся, производя грамматический разбор, пытаются определить род прилагательных, имеющих форму множественного числа.) Слишком категорично звучит утверждение учебника, что «полные прилагательные, как качественные, так и относительные, в предложении обычно служат определениями» (ч. I, § 59): выполнение полными прилагательными функции сказуемого представляет собой живую тенденцию современного русского литературного языка.

Приведенные здесь и подобные им случаи отступления в школьном преподавании русского языка от принципов научности нередко объясняют соображениями методического порядка, обычно — недоступностью подлинно научного изложения определенных фактов языка детям школьного возраста. В этом отношении характерно, например, такое предписание, содержащееся в объяснительной записке к программе по русскому языку для V—VII классов (Учпедгиз, М., 1951): «Так как деление предложений на повествовательные, вопросительные и побудительные очень усложняло грамматический разбор, восстанавливается прежнее деление предложений — на повествовательные, вопросительные и восклицательные» (стр. 9). Итак, в интересах мнимого упрощения грамматического разбора, специально для школьного употребления вводится классификация предложений, построенная на заведомо неправильных принципах. Само собой разумеется, что весь излагаемый в школе материал должен преподноситься школьникам в доступной для них форме; но доступность не должна сопровождаться искажениями данных науки. Всякого рода искажения этих данных в школьном преподавании может привести только к созданию путаницы в понятиях учащихся, к подрыву авторитета самой науки. Конечно, последовательное выполнение требования научности преподавания русского языка в средней школе ставит перед методистами и учителями задачу большой трудности. Однако совершенно очевидно, что именно глубокий и всесторонний анализ самой сущности того или иного явления языка, его правильное научное толкование помогут и методисту, и учителю

найти такой методический подход к изложению этого явления детям, который обеспечит понимание и усвоение его учащимися и будет служить прочной основой для развития у них соответствующих речевых навыков. Так, например, основные значения несовершенного и совершенного видов глагола учащиеся легче усвоят, если объяснение этих значений сопровождать сопоставлением между собой глаголов, отличающихся только видовыми, а не лексическими значениями (т. е. образующих видовые пары). Отдельному явлению языка, если усвоение его в полном объеме трудно или недоступно детям, может быть дана предварительная, общая характеристика, отнюдь не искажающая, однако, сущности этого явления, не расходящаяся с соответствующими данными науки.

В заключение следует остановиться на необходимости выполнения еще одного требования, связанного с соблюдением принципа научности преподавания школьного курса русского языка. Как при отборе теоретического материала по русскому языку для включения его в программу и в учебник, так и в самом его изложении чрезвычайно важно проведение принципа историзма в подходе к фактам языка. Принцип историзма применительно к школьному преподаванию следует понимать, с одной стороны, как сопровождение курса грамматики историческими справками, необходимыми для объяснения некоторых явлений современного русского языка (например, изменения глаголов прошедшего времени по родам, а не по лицам); с другой стороны,— и это особенно нужно подчеркнуть — в понятие историзма входит оценка тех или иных грамматических категорий с точки зрения их продуктивности и непродуктивности, с точки зрения их жизненности в языке. Такого рода оценки должны способствовать пониманию учащимися языка как общественного явления, которое развивается «...путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»[25], а кроме того они помогут учителю правильно ориентировать учащихся на овладение тем в языке, что в нем типично, что соответствует его живым нормам.

Между тем в школьном преподавании грамматики продуктивные и непродуктивные формы и категории языка подчас рассматриваются одноплановo, без перспективы, без указаний на степень их употребительности в современном русском языке. Так, не учитывается степень продуктивности или непродуктивности суффиксов имен существительных, имен прилагательных, наречий, отдельных грамматических категорий глаголов (например, степень продуктивности разных способов образования видовых форм, форм безличных глаголов). Иногда менее продуктивные формы и категории выдвигаются на первое место по сравнению с формами и категориями более продуктивными. Например, при описании способов образования форм степеней сравнения имен прилагательных основное внимание в учебнике уделено образованию простых форм степеней сравнения при помощи суффиксов, в то время как о получивших в современном языке значительно большее распространение сложных формах сравнительной и превосходной степени (*более красивый*, *самый красивый*) сказано очень кратко, в примечании (ч. I, § 61).

Приведенные нами отдельные, далеко не исчерпывающие примеры показывают, что между наукой о русском языке и школьным его курсом имеются известные, подчас серьезные расхождения, скорейшего устранения которых требуют интересы нашей школы.

---

[25] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1953

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

(Автореферат)

В 1952 г. действительным членом Академии наук УССР Л. А. Булаховским написана новая работа — «Вопросы происхождения украинского языка» (ок. 15 печ. л.). В работу входят главы: «О происхождении современного украинского литературного языка на основе полтавско-киевского диалекта»; «О возникновении западноукраинской литературно-языковой разновидности»; «О языке актовой письменности XIV—XV вв.»; «О наличии фонетических, грамматических и лексических черт будущего украинского языка и о времени их отражения в памятниках старорусской письменности»; «О языке древнейшей Киевщины»; «О месте украинского языка среди славянских и, в частности, среди восточнославянских языков»; «О процессах распадения восточнославянского единства и формировании украинской народности» и др.

Основные положения работы автором сформулированы следующим образом.

1. Украинский литературный язык того фонетического, грамматического и лексического типа, который лежит в основе современного украинского языка, сложился на базе полтавско-киевского (юго-восточного) диалекта в конце XVIII и в первых десятилетиях XIX в. Основоположники его — полтавец И. П. Котляревский и уроженец Звенигородщины Т. Г. Шевченко. Государственное значение этот язык приобрел только со времени Великой Октябрьской социалистической революции.

2. Западные особенности украинского языка (в Галиции и Буковине), которые сложились приблизительно в то же время, что и украинский национальный литературный язык, остались по политическим условиям жизни западных украинцев лишь в узком областном употреблении и не имели перспектив развития в общенациональный язык украинского народа. С воссоединением Западной Украины с Восточною (советской) эти особенности быстро растворились в национальном украинском языке, основой которого является полтавско-киевское наречие.

3. В важнейших особенностях белорусско-украинской письменности, деловые (актовые) памятники которой дошли до нас с конца XIV в., обнаруживаются известные черты более ранней связи как с деловой старорусской письменностью, так и с грамотами, относящимися к территории западнорусских(западно-восточнорусских) племен, из которых позже образовалась белорусская народность. Таким образом, зачатки этой письменности следует считать хронологически предшествующими времени памятников, которыми мы располагаем.

4. Одним из условий, благоприятствовавших созданию общей белорусско-украинской письменности, была, надо думать, давняя близость языка некоторых западнорусских (западно-восточнославянских) племен к языку южнорусских (юго-восточнославянских) племен, ставших позже основою украинской народности.

5. Старорусский (древнерусский, древневосточнославянский) письменный язык в его разных жанрах, в большей или меньшей степени зависимых от старославянского (древнеболгарского) языка, сравнительно долгое время (с X до XIII—XIV вв.) являлся общим письменным языком всех восточнославянских племен (народностей). Диалектные черты в этом письменном языке, в том числе такие, которые дают основание усматривать в них признаки близкого родства с теперешним украинским, в своем большинстве спорны, но вместе с тем в своей совокупности достаточны, чтобы утверждать, что в этом старорусском письменном языке имеются некоторые специфические особенности будущего украинского языка.

6. Языки русский, белорусский и украинский со сравнительно-исторической точки зрения представляют общность, которая может быть противопоставлена по признакам, сложившимся, вероятно, в IX—X вв., общностям, сложившимся в пределах других славянских языковых групп. Основные доказательства этого положения

строятся на вполне определенных данных фонетики (полногласие, рефлексация древнейших славянских групп *tъrt, *tьrt, *tъlt, особенно *tьlt и т. д.). Что касается морфологии, то, повидимому, восточнославянские языки в период своей относительно тесной общности еще не успели выработать каких-либо четких отличительных признаков морфологического характера сравнительно с другими славянскими группами, ближайшую связь с которыми они уже порвали.

Можно указать лишь некоторые восточнославянские морфемы: *-ѣ* — как окончание родительного единственного и именительного-винительного множественного числа, соответствующее окончанию *ѧ* в тех же падежах в старославянском языке и определенным рефлексам этого *ѧ* в южнославянских языках; *а* — как окончание именительного падежа единственного числа причастий настоящего времени действительного залога мужского рода от глаголов класса *е/о* и атематического и т. д. Наличие этих морфем не создает достаточно определенной характеристики именно восточнославянского морфологического строя, поскольку и западнославянские языки, например, имеют и имели как соответствующие окончания существительных, являющиеся рефлексом *ѣ*, а не носового *е*, так и окончание *-а* в указанных формах причастий, которое выступает, кроме восточнославянских, также в чешском языке, и т. д. Однако все попытки доказать существование старых говоров, переходных от восточнославянских к другим славянским, неубедительны и не способны опровергнуть значение связи между восточнославянскими языками. Эта связь восточнославянских языков основана на их исходном единстве сравнительно с другими славянскими языками, родство которых с группою «русских» языков более отдаленно и подверглось более раннему разрыву.

7. Процесс распадения былого восточнославянского единства, в результате которого выделились говоры-предки украинского языка, по состоянию имеющихся данных не может быть охарактеризован полно и точно. Ясно, однако, что некоторое время говоры-предки теперешнего белорусского языка образовывали с говорами-предками украинского языка относительную общность, может быть, говоря точнее, находились в тесной связи. Эта относительная связь (независимо от времени, когда именно она установилась) существовала, повидимому, еще в XIII в. Определенное ослабление ее в живом языке произошло в более позднее время и вызвано было, в первую очередь, трагическими, главным образом для украинской народности, событиями (монголо-татарское нашествие и его последствия), которые в большой степени обособили массы южнорусской народности от западнорусского массива. Однако вероятно, что отдельные группы «белорусских» и «украинских» говоров, в зависимости от особых для них условий, продолжали свой контакт и в позднейшее время без заметного отхода от былого единства.

Появление в языке юго-западной «общности» (в условном значении этого понятия) черт будущего украинского языка, равно как и последующее формирование «украинского языка» представляет длительный и сложный процесс, который нельзя приурочить к определенному историческому моменту. Он совершался, проявляясь в отдельных сторонах фонетики, морфологии и т. д., хронологически не параллельно. Время интенсивного формирования языковых особенностей украинского типа в фонетике приходится главным образом на период после падения редуцированных гласных, т. е. на XII в., когда вследствие удлинения перед былым *ь* в закрытых слогах гласного *е* в них возникли специфические рефлексы дифтонгического характера. Совокупность черт, сближающих южнорусские (юго-восточнорусские) говоры старого типа с современными украинскими, как она отражена в некоторых памятниках XIII в. со старославянской книжной основой, не оставляет места сомнениям, что в это время диалектная дифференциация старорусского (старовосточнославянского) языка пошла далеко и будущий украинский язык получил уже достаточно выраженное своеобразие.

Относительно главных, по определению И. В. Сталина, признаков языка — основного словарного фонда и грамматического строя — следует предположить, что специфические украинские особенности этого порядка в письменности обнаружились, вероятно, значительно позднее, чем они возникли в живом речевом употреблении. Здесь приходится учитывать некоторые традиционные моменты канцелярского языка, в который элементы живой речи проникают значительно позднее. По отношению к лексике следует также иметь в виду естественную медленность создания специфического основного словарного фонда отдельных ветвей восточного славянства. Специфические особенности украинской флексии выступают уже в грамотах XIV в., хотя и не очень часто и непоследовательно сравнительно с русскими, но уже довольно заметно (см., например, распространение окончания *-ови* в дательном падеже единственного числа имен существительных мужского рода или *-мо* в 1-м лице множественного числа глаголов настоящего-будущего времени изъявительного наклонения). Таким образом, учитывая различные языковые черты, как они выступают в грамотах, можно и для письменного языка XIV в. говорить о наличии уже в это время украинского языка (независимо от его названия), достаточно определенно засвидетельствованного памятниками.

8. Немногочисленные, но выразительные особенности украинского ударения (ударение на флексии в формах множественного числа типа *жінкú, молитвú, пісні*; ударение имен прилагательных на *-кúй, -кá, -кé* и др.) отражены только в памятниках довольно

позднего времени. Различия, существующие в этом отношении и между современными говорами, показательны для медленности распространения соответствующих тенденций, полностью еще не осуществившихся даже в наше время. При рассмотрении этого вопроса прямые свидетельства памятников о том, когда же можно констатировать обнаружение в литературном языке юго-восточнославянских («украинских») черт ударения, следует привести в соответствие с соображениями, основанными на сравнительно-исторических данных по этому же вопросу. Свидетельства памятников убеждают, что отдельные черты украинской акцентуации отражены уже в церковных источниках XVI в. Весьма определенные черты зависимости некоторых украинских акцентных явлений от древнейших славянских (рефлексация *о*>*і* или *у* во втором закрытом слоге полногласия в соответствии древнейшей новоакутовой интонации) дают право предполагать возникновение этих черт в их специфическом выражении уже в очень давнее время.

9. Народный (нелитературный) украинский синтаксис в своих основах представляет общевосточнославянский тип без каких-либо древних индивидуальных особенностей, которые можно было бы определенно противопоставить, например, русскому типу. Таким образом, нет, собственно, и вопроса о времени возникновения архаических особенностей украинского синтаксиса. То, что касается, например, мнимых остатков древнего оборота «дательный самостоятельный», очень спорно и не дает права строить на этом материале какие-либо серьезные выводы. Некоторые вопросы о возникновении индивидуальных особенностей украинского письменного и разговорного синтаксиса в сравнении со старорусскими должны быть рассмотрены раздельно. По отношению к синтаксису, например, старорусской летописи или древнейших грамот памятники юго-восточнославянского происхождения принципиально не отличаются от северо- и восточно-восточнославянских (новая заметная черта — «именительный с инфинитивом» — представляет особенность как раз последних); в этом отношении характерны, в частности, некоторые особенности порядка слов. Здесь книжный юго-(и западно-) «украинский» язык XIX в., несомненно, имеет такие же права наследника письменного старорусского языка, как и памятники северно-и восточнорусские. Позднее дает о себе знать, далее все усиливаясь, иноязычное (польско-латинское) синтаксическое влияние, но оно легко отслаивается и легко поддается учету именно как позднейшее. Новейший разговорный и книжно-литературный украинский синтаксис представляет уже, несомненно, значительные отклонения от древнерусского и, как можно судить по многим признакам, обязан своими индивидуальными (сравнительно с русским) чертами отчасти довольно интенсивному действию аналогии на украинской почве, отчасти (в меньшей степени) перенесению польских конструкций. Больше всего из таких конструкций обращают на себя внимание различия в предложном управлении имен. Образование всех этих черт почти полностью относится к историческому времени и может быть поставлено в один ряд с вопросом о происхождении определенных фонетических признаков устного украинского языка.

10. Лишь относительное значение при разрешении проблемы происхождения украинского языка имеет вопрос о своеобразии украинской лексики. Эта область языка, сравнительно быстро изменяющаяся «...в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»[1], отразила многочисленные наслоения исторического времени: заимствования (из славянских языков — главным образом из польского), новообразования — преимущественно возникающие в результате развития новых понятий и их оттенков. Процесс новообразований идет на базе интенсивного формирования новых слов из основного словарного фонда при помощи морфологических средств данного языка. Вероятно при этом и большое число словарных образований эмоционально-аффективного происхождения без прямых связей с основным лексическим фондом и исходными словообразовательными приметами.

Условия исторически очень беспокойной национальной жизни привели к тому, что вообще современная украинская лексика значительно отошла от древней славянской, отраженной в памятниках Киевской Руси, отошла несколько более, нежели диалектная русская. Однако на украинской языковой почве сохранено известное количество лексических архаизмов, которые нужно признать прямым наследством Киевской Руси, утраченным в двух других близкородственных языках.

11. Специальный вопрос, в какой степени уже в памятниках, вероятно, списанных со старославянских оригиналов в Киеве домонгольского времени, отражены юго-восточнославянские черты,— пока еще не может быть решен с полной категоричностью по причине ограниченности и отчасти неопределенности (возможности различного толкования) соответствующего материала. Но совокупность данных и наиболее правдоподобное истолкование их ведет, скорее, к выводу, что киевские памятники домонгольского происхождения написаны писцами, родным языком которых был старорусский с южными диалектными чертами, еще немногочисленными и, кроме того, слабо проявляющимися в этих, в общем старославянских, памятниках.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 25.

Гипотезы Погодина — Соболевского о «великорусском» населении древнего Киева и Киевщины языковыми фактами не подтверждаются.

12. Еще даже в XIII в. расхождение между языками восточного славянства не было настолько окончательным, чтобы некоторые особенности (и, подавно, отдельные слова), возникавшие в одних говорах восточного славянства, не проникали в другие. Отделение восточнославянских языков друг от друга было длительным и сложным процессом изменения их живой основы, процессом, время от времени перебивавшимся, в силу разных исторических причин, тенденциями к новому сближению. Из исторических фактов первостепенного в этом отношении значения надо указать прежде всего на воссоединение Украины с Россией в 1654 г., которое соответствовало давним стремлениям украинского народа, на последствия второго и третьего разделов Польши XVIII в. (возвращение Правобережной Украины в 1793 г. и Западной Волыни в 1795 г.), на создание после Великой Октябрьской социалистической революции Советского государства и на воссоединение украинских земель в Советском Союзе в 1939 г. Хотя сближение между собою трех восточнославянских языков никогда не приобретало такого характера, чтобы мог осуществиться решительный поворот к былому исходному единству этих языков, однако потомки восточнославянских племен и позже народностей никогда не забывали того, что они в прошлом братские племена и народности.

Восточнославянские народы, среди них и украинский, создали для передачи своих мыслей и чувств свои письменные языки, которые постепенно (раньше других — русский, наиболее поздно — белорусский) стали национальными языками, достигающими наибольшего расцвета в эпоху социализма.

Структура восточнославянских языков и их состав заключают в себе, конечно, много различного, но те исторические процессы, участниками и свидетелями которых мы являемся, ставят нас перед знаменательным явлением нового сближения этих языков. Различные по форме, эти языки в СССР — стране братского единения народов и языков — действуют как могучее средство создания общей идеологии и единой высокой социалистической культуры.

СЕРЬЕЗНЫЕ ОШИБКИ В ДИССЕРТАЦИЯХ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Лингвистическая дискуссия и исторические выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания ознаменовали новый этап в развитии советской науки о языке. Длительное господство последователей Марра в органах языкознания нанесло огромный вред делу подготовки языковедческих кадров. Молодые языковеды, прошедшие курс аспирантуры, усваивали немарксистские положения «нового учения» о языке; очень часто им прививали порочные методы лингвистического исследования, презрение к языковым фактам, к глубокому изучению конкретного языка; господство режима, не свойственного науке и людям науки, вынуждало иногда молодых специалистов «подгонять» к теории Марра выводы и обобщения, добытые ими при исследовании языкового материала; в среде языковедов насаждались чуждые духу советской науки беспринципность, боязнь критики, привычка к скороспелым вульгарно-социологическим обобщениям[1].

В ходе перестройки теоретических и организационных основ советского языкознания сделано очень много и по улучшению подготовки лингвистических кадров. Пересмотр тематики диссертаций сопровождался серьезной работой аспирантов по овладению сталинской теорией общего языкознания. Основное внимание аспирантов было обращено на изучение актуальных вопросов теории и истории языков народов Советского Союза и зарубежных стран. Среди учащейся молодежи повысился интерес к вопросам языкознания, что позволило улучшить комплектование аспирантского состава.

В последние годы увеличилось число докторских лингвистических диссертаций, написанных на актуальные темы. Среди них следует отметить следующие: С. И. Коткова, «Говоры Орловской области (фонетика и морфология)», В. П. Сухотин, «Синтаксис прозы М. Ю. Лермонтова», И. К. Белодед, «Вопросы развития языка украинской советской художественной прозы (преимущественно послевоенного периода, 1945—1950 гг.)», Г. Б. Муркелинский, «Очерк грамматики лакского языка», А. А. Белецкий, «Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)» и др. Наука о русском литературном языке обогатилась диссертациями В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот», А. И. Ефимова «Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 40—60-х годов»,

---

[1] Уместно отметить, что кандидатская диссертация автора настоящей заметки «Категория личности и неличности в словацком языке» (Моск. ун-т, 1949) также грешит некритическим отношением к отдельным положениям «нового учения» о языке.

К. А. Тимофеева «Инфинитивные предложения в русском языке» и рядом других высококачественных научных исследований, выполненных на основе сталинского учения о языке.

Многие кандидатские диссертации также написаны на высоком научном уровне. Можно указать, например, на обстоятельные исследования В. В. Палагиной «Современный говор старожильческого населения западной части Томского района Томской области» (Томский университет), В. А. Белошапковой «К изучению структурных типов сложного предложения в современном русском языке» (Московский университет), ряд диссертаций, подготовленных аспирантами Института языкознания АН СССР, воспитанниками Московского университета и др.

Однако наряду с несомненным повышением качества диссертационных работ до сих пор в Высшую аттестационную комиссию Министерства высшего образования представляются диссертации, написанные на низком теоретическом уровне, содержащие ошибки марровского толка и не вносящие ничего нового в науку о языке. Отдельные работы построены на ненаучных положениях «теории» Н. Я. Марра и его «учеников». Так, например, кандидатская диссертация В. Е. Ломтевой «Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке» (защищена 12 января 1951 г. в Совете Саратовского университета) является ярким примером недооценки грамматики и злоупотребления семантикой.

В. Е. Ломтева, являющаяся опытным преподавателем, проделала большую работу по подбору огромного количества примеров, на основе которых она дала анализ употребления различных форм причастий и прилагательных в языке советской художественной литературы. Однако этот труд в основном оказался затраченным напрасно: выводы автора остаются недоказанными, а методика анализа материала и его обработки вызывает принципиальные возражения. У В. Е. Ломтевой наблюдается неграмматический подход к грамматической теме. Грамматические категории причастий и прилагательных она изучает только с точки зрения их «значения», которое понято расплывчато и неопределенно; вместо анализа грамматических признаков этих категорий она относит к прилагательным все причастия, имеющие качественное значение. В. Е. Ломтева поставила своей задачей доказать, что причастия «массово» переходят в прилагательные, что этот процесс совершается «бурно» и «соответствует нашей советской эпохе с ее динамикой жизненных фактов, ее стремительными темпами, с ее непрерывным движением вперед» (стр. 355).

Автор цитирует работы И. В. Сталина по вопросам языкознания. Однако это цитирование еще не означает их творческого использования; автор не усвоил и не положил в основу своего исследования положения сталинского учения о языке — о постепенном развитии языка и об устойчивости его грамматического строя и основного словарного фонда. В. Е. Ломтева склонна видеть адъективизацию в любом причастии, в котором содержится значение «постоянного свойства», «качественной характеристики», «постоянного признака» и т. п. Поскольку поиски этих значений в причастиях были основной задачей автора, постольку в диссертации любые причастия без особого труда относятся к перешедшим в прилагательные. Вопрос о грамматических основаниях адъективизации причастий, о характере глагольных основ, о видовых и залоговых значениях глагола, о синтаксических функциях изучаемых форм не интересует В. Е. Ломтеву. Для нее единственным критерием перехода причастий в прилагательные становится лишь их значение. Это свидетельствует о полном невладении автором методами грамматического изучения.

В. Е. Ломтевой не было своевременно оказано должной помощи кафедрой и научным руководителем. Труды русских лингвистов XIX в.— Востокова, Греча, Павского, Аксакова, Потебни и др.— остались ей неизвестными, хотя в них содержится много ценного и важного по исследуемому вопросу. Критика работ акад. В. В. Виноградова, проф. В. И. Чернышева и др. ученых носит у В. Е. Ломтевой поверхностный и неубедительный характер, свидетельствуя лишь о ее недостаточной осведомленности в самых основах изучаемого явления. В итоге такие причастия, как *увядшие* цветы, *затекшие* ноги, *распухший* глаз, *высохшие* листья, *отцветшая* дева, *притихший* голос, *невыспавшийся* человек и т. п., относятся к прилагательным.

Рассуждения В. Е. Ломтевой о «психологических» причастиях, о «причастиях внешнего облика человека» и т. п. носят в ряде случаев ненаучный характер. Автор считает причастие и деепричастие самостоятельными частями речи и упрекает всех русских грамматистов в том, что они этих «частей речи» до сих пор не заметили. Соотношение словаря и грамматики в этой диссертации искажено. Высшая аттестационная комиссия после ознакомления с работой вынуждена была отменить решение Совета Саратовского университета о присуждении В. Е. Ломтевой ученой степени кандидата филологических наук.

Некоторые диссертации отражают вредное влияние антимарксистской схемы стадиального развития языков и идеалистического учения И. И. Мещанинова о «понятийных» категориях, изложенного в его книге «Члены предложения и части речи». Так, диссертация П. М. Криворучко «Категория времени глагольного признака» защищена 2 октября 1950 г. в Совете Львовского университета) опирается на указан-

ные ошибочные методологические положения, главным образом на учение акад. Мещанинова о «понятийных» категориях. В ней ярко сказывается логицизм, стремление подменить факты языка логическими категориями. Основная часть диссертации занята рассуждениями о предикативном признаке без попытки опереться на языковой материал. Такого рода работы были характерны для сторонников марровского учения, игнорировавших языковой материал, и в конечном счете, исходя из категорий сознания, всегда отрывавших мышление от языка. Естественно, что вывод диссертанта: «Грамматическая категория времени русского глагола переживает стадию превращения в чисто формальную категорию» (стр. 96) — никак не может быть обоснован. Важная философско-грамматическая тема — учение о предикативности — осталась не раскрытой, а одни общие рассуждения без элементов исследования конкретного материала (что является самым ценным в кандидатских работах) еще не дают основания на соискание степени кандидата наук. К сожалению, Совет Львовского университета не проявил должной требовательности, присуждая автору эту степень. ВАК же отклонил диссертацию, как не представляющую познавательной ценности и противоречащую сталинскому учению о языке, вследствие чего решение Совета Львовского университета было отменено.

На таких же порочных методологических основаниях построена кандидатская диссертация О. А. Синицкой «Очерк по истории морфологии и синтаксиса английских прилагательных» (защищена 1 июля 1950 г. в Совете Киевского университета). Прежде всего это не исследование одной из лингвистических проблем, а последовательный конспект нескольких грамматик готского, старославянского, древнеанглийского и среднеанглийского языков. Большая по объему работа (259 стр.) заполнена парадигмами склонения прилагательных и местоимений в различных языках, которые обычно приводятся в элементарных пособиях. Работа О. А. Синицкой характеризуется тем пренебрежением к истории языков, которое было свойственно представителям «нового учения» о языке: реальная история языка игнорируется, хронологически несводимые факты смешиваются, диссертант не исследует язык в его действительной истории, а пользуется им как иллюстративным материалом для оправдания и доказательства антинаучных домыслов Н. Я. Марра. Автор постоянно стремится отыскать во всех фактах английского языка «следы и пережитки древнейших стадий». В явлении субстантивации прилагательных автор видит «древнюю двойственность имени» (стр. 18). О. А. Синицкая смело постулирует следующий путь развития английского языка: «С дальнейшим развитием человеческого мышления на базе развития общественных форм совершается как в английском, так и в других языках переход от аморфного строя к флективному» (стр. 14). Доказательства этого, естественно, Синицкая не приводит; это абсурдное утверждение, как и многие другие, остается голословным.

Автор подменяет серьезную научную критику работ буржуазных языковедов, которая вполне уместна в этой диссертации, голословными обвинениями и, очевидно, не подозревает о существовании некоторых специальных исследований об английских прилагательных. Следует отметить, что оформление диссертации крайне неряшливо, ссылки даются без названий работ и авторов и т. п. Вызывает серьезную тревогу работа Совета Киевского университета, который после языковедческой дискуссии счел возможным представить в ВАК подобную диссертацию.

Совет Киевского университета 30 декабря 1950 г. присвоил Ю. П. Костюченко ученую степень кандидата филологических наук за диссертацию «К вопросу анализа синтаксических связей современного английского языка». Официальные оппоненты дали положительные отзывы о диссертации, указывая, что она представляет интерес с теоретической и практической точки зрения, так как восполняет теоретическую недоработку соответствующих разделов существующих грамматик английского языка и может явиться полезным пособием в практике преподавания этого языка. В действительности же указанная работа представляет собой попытку применить к английскому языку стадиальную схему выражения синтаксических отношений, которой оперирует акад. Мещанинов в своей книге «Члены предложения и части речи». Приведенный в диссертации материал не содержит каких-либо новых, неизвестных прежде фактов. По сути дела работа свелась к разнесению по заранее указанным рубрикам уже известных фактов английского языка. Вся диссертация построена на смешении лексики и грамматики. Хотя автор говорит о своем намерении критически использовать труды Мещанинова, однако на деле никакой реальной критики этих немарксистских исследований нет, и автор следует построениям последнего. Цитаты из трудов И. В. Сталина по языкознанию оказываются механически присоединенными к работе.

В своем решении по этой диссертации ВАК обратил внимание Совета Киевского университета на безответственное отношение к делу присуждения ученых степеней и отметил, что официальные оппоненты некритически отнеслись к диссертации и своими положительными отзывами способствовали принятию советом неправильного решения.

Серьезные методологические и фактические недостатки содержит диссертация А. Т. Базиева «Система спряжения в кумыкском и ногайском языках» (защи-

щена 15 декабря 1949 г. в Совете б. Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления АН СССР). Неясна, во-первых, целевая установка работы потому что доказывать близость форм спряжения в названных языках не нужно, это уже сделано. Следовало бы внимательно остановиться на специфике отдельных форм в этих языках, но в таком случае исследование по существу должно было строиться на обширном сравнительно-историческом материале, так как ставило бы себе целью дать картину спряжения в двух родственных языках. Однако моментов исторического исследования в работе нет. «Историзм» понимается в духе марровской «палеонтологии». Языковые факты автор подменяет фантастическими этимологиями: глагол *тона* «ограбь», по мнению диссертанта, происходит от слова *тон* «шуба», поскольку при ограблении снимают обычно шубу (!). Он утверждает, что «инфинитив...может иметь значение и глагола, и имени», примером чего якобы служит слово *бармакъ* — «ходить» и «палец»(стр. 167). Между тем эти два слова являются обычными омонимами. Для обоснования этой парадоксальной этимологии диссертант выдвигает «теоретическую» базу: глаголы будто бы являются «производными от имен... и были связаны с действием частей тела человека» (стр. 254). Таким образом, эти этимологические «разыскания» вполне отвечают духу «микрокосмической» стадии Н. Я. Марра.

Некоторые места диссертации свидетельствуют о том, что автор не вполне ясно представляет себе элементарные вещи. Он утверждает, например, что деепричастие *деп* будто бы соответствует «двоеточию и кавычкам в русском языке» (стр. 85), говорит о том,что различия в личных окончаниях настоящего-будущего времени глагола в кумыкском и ногайском языках выражаются в каких-то пустяках: «здесь просто разные звуковые варианты *б-м*, *а-м*, *н-нь*» (стр. 135). Претенциозные, но совершенно необоснованные декларации автора порою анекдотичны; например, он утверждает, что «языковые факты, взятые из исследуемых нами языков, дают нам право сказать, что кумыки и ногайцы в давние времена не имели понятия о времени вообще и не различали пространство от времени» (?) (стр. 251).

ВАК отменил решение Совета б. Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления о присуждении Базиеву ученой степени кандидата филологических наук, так как его диссертация не отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Ошибки марровского толка обнаружены в кандидатских диссертациях А. Тулеуова «Словообразовательные аффиксы имен в современном казахском языке» (Казахский университет, 1950 г.), А. Е. Ермекова «Семантика слитных слов в казахском языке» (Институт языка и литературы АН Казах. ССР, 1950 г.), Т. Ергалиева «Причастия в казахском языке» (тот же институт, 1950 г.), Т. Р. Кордобаева «Категория времени в современном казахском языке» (тот же институт, 1949 г.), Л. П. Головиной «Русские активные причастия и их семантические эквиваленты в узбекском языке» (Узбекский университет, 1950 г.) и ряде других.

Существенные недостатки содержат диссертации, посвященные стилистическому анализу произведений отдельных писателей. Так, возражения вызывает диссертация С. М. Криворучко «Лингво-стилистические особенности произведений Архипа Тесленко» (Львовский университет, 1951 г.). Диссертант преувеличивает роль А. Тесленко в развитии украинской литературы и ее языка, ставя последнего в один ряд с М. Коцюбинским, Лесей Украинкой, И. Франко. Характеристика основного жанра Тесленко — «росповиди» (сказка) — не содержит языковой характеристики. Анализ различных слоев лексики весьма неодинаков; разработка общественно-политической лексики стоит ниже уровня уже имеющихся работ. В целом в работе нет углубления в лингвистическую специфику исследования. Основным недостатком диссертации следует считать недопустимое смешение языка произведения с его содержанием. Поэтому в ряде случаев анализ языка подменяется толкованием и разбором содержания произведения. Часто это приводит к прямой вульгаризации понятия лингво-стилистического анализа. Автор рассуждает следующим образом: «В диалогическом разговоре Миколки, матери и отца, который (разговор) является основной канвой рассказа, раскрывается прежде всего исключительная нищета жизни крестьянской семьи. Тяжелое материальное положение является главной причиной не только горькой судьбы Миколки, а и поведения отца, речь которого... отличается грубостью, ругательствами, эпитетами, нервничаньем и другим. Однако в дальнейшем движении диалогов виден большой перелом в речи Прокопа, обусловленный частичным устройством безнадежного состояния — Миколке учитель подарил сапоги» (стр. 299); или: «Немало таких существительных (*правда*, *братство*, *низкопоклонство*, *венец жизни* и т. п.) имеются в речи Оленки. Отдельные из них... характерны своей политической невыразительносью и этим показывают политическую незрелость отдельных героев и самого автора (?). Однако они вместе с тем подчеркивают духовную красоту и благородство положительных героев» (стр.138). Таких анекдотических рассуждений, вроде примера с сапогами, влияющими на построение диалога, в работе очень много.

Нельзя не отметить, что автор произвольно приводит цитаты из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»; например, говоря о «экспрессивности внутренней

речи героев», автор приводит высказывание И. В. Сталина о языке жестов, относящееся к совершенно иной области, и т. п. Автор употребляет заумную терминологию: «своеобразная динамика в экспрессивной пульсации», «эллиптические пропуски». О стиле работы дает представление такая фраза: «Этот же волевой аффект, но с противоположной экспрессивной доминантой проявлен во внутренней речи Оленки, когда она, подбодренная либеральным пустословием... студента..., мечтает стать медичкой» (стр. 359). Значение этой фразы непонятно, очевидно, и самому автору.

Отсутствие четких представлений об основных стилистических категориях характерно для многих кандидатских диссертаций, представляемых в последнее время в ВАК. Диссертанты обычно не излагают своего понимания принципов анализа языка художественных произведений, ссылаясь на неразработанность многих теоретических вопросов стилистики в советском языкознании, а непосредственно приступают к стилистическому анализу. В ходе этого анализа часто происходит смешение содержания произведения и языковых средств, выражающих это содержание. Так, например, в одной из диссертаций появляются крайне наивные рассуждения о том, что различные персонажи романа А. Фадеева «Разгром» по-разному понимают значения одних и тех же слов. Автор утверждает, что для Левинсона выполнять свои *обязанности* — это его священный долг, а для Мечика *обязанность* — это нечто обременительное и нежелательное. Левинсон заботится о *спасении* всего отряда, а Мечик — *о спасении* своей собственной жизни. Следовательно, Левинсон и Мечик различно понимают значение указанных слов. Очевидно, что здесь дело не в различии значения, а в различном отношении к самим понятиям, выраженным этими словами. Поэтому более чем неуместно выглядит довод диссертанта, что эти примеры иллюстрируют положение И. В. Сталина о том, что классы влияют на язык, вносят в язык свои специфические слова и выражения и иногда по-разному понимают одни и те же слова и выражения.

Повышение качества работ по языку и стилю отдельных произведений, научное разрешение вопросов стилистики общенародного языка в диссертациях должно привлечь внимание лингвистической общественности.

В некоторых случаях ВАК вынужден отменять решение того или иного Совета вследствие того, что диссертации не являются написанными самостоятельно. Так, было обнаружено, что кандидатская диссертация Э. А. Грабарь «Очерки по языку чешской публицистики „Руде право“» (Киевский университет, 1950 г.) была выполнена несамостоятельно, с помощью другого лица. Этот пример свидетельствует о беспечном отношении руководителей некоторых научных учреждений к делу воспитания молодых специалистов.

К сожалению, встречаются случаи представления в ВАК и недоброкачественных докторских диссертаций. Так, докторская работа А. Г. Руднева «О генезисе обособленных членов предложения как исторической категории в современном русском языке» (Ленинградский пединститут им. Герцена, 1950 г.) содержала попытку подвести языковую базу под антимарксистскую теорию стадиальности. Автор всячески доказывал непричастность его выводов к «теории» Марра и в то же время прислал в ВАК большой список поправок к своей диссертации, о характере которых можно судить по тому, что они, не касаясь существа работы, сводились к простой замене слова «марровский» словом «марксистский».

Весьма сомнительной в своих основных положениях является и докторская диссертация Т. А. Дегтеревой «К вопросу о славянской языковой общности и происхождении древней общеславянской письменности» (защищена в Совете Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), 1951 г.). Методологическая и фактическая стороны работы являются путаными и не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики. Т. А. Дегтерева защищает в своей работе два главных положения: во-первых, что старославянский язык не южнославянский по своей основе (в фонетическом отношении), а восточнославянский, древнерусский, во-вторых, что славянские языки представляют собой позднейшую стадию развития скифской языковой группы, а другие индоевропейские языки развились на славянской базе.

Попыткой лингвистического обоснования тезиса о восточнославянской основе старославянского языка можно считать утверждение автора, что так называемые неполногласные сочетания являются исконной особенностью не только южнославянских языков и чешско-словацкой группы, но и восточнославянских языков и что самые «обиходные» русские слова никогда не употреблялись с полногласием. В качестве примеров указаны слова: *красный*, *хлеб*, *хрен*, *хлев*, *слепой*, *драка* и т. п. Конечно, ни одно из этих слов ничего не доказывает, потому что все они не имеют никакого отношения к полногласию или неполногласию. Например, фонетический облик слова *драка* является позднейшим образованием: первоначально корень этого слова выступал в виде *дър-*. Занимаясь подобным заведомо бесполезным делом, автор приходит к выводу, что полногласные сочетания развились из неполногласных «в более позднее время». «Мне кажется,— пишет Т. А. Дегтерева,— что явление полногласия можно скорее всего объяснить как результат половецко-татарского влияния в домонгольский период, ибо в этом явлении совершенно явно наблюдается строгая гармонизация гласных, т. е. *е — е*, *о — о*, например *град — город*, *брег — берег* и т. д.»

(стр. 212). Но как объяснить тогда явления польского языка, территориально удаленного от источника предполагаемого влияния? Ведь признание языкового родства славянских наций обязывает исследователя учитывать явления всех славянских языков, а не вырывать факты из системы отдельных языков.

Точно такими же приемами пользуется автор и для доказательства того тезиса, что слова с *щ*, «чередующимся с *т*» (?), также являются исконно восточнославянскими, причем в одну кучу сваливаются слова самого различного происхождения: *мощь*, *лещ*, *щи*. Некоторые этимологии этой работы непосредственно связаны с марровскими. Например, на стр. 301 диссертации утверждается, что «славянское слово *конь* также было включено германцами в свой словарь, но со значением *собака*. И русское слово *конь* обнаруживает древние смысловые связи с понятием „собака", которые мы находим, например, в слове *конура*». Уже приведенных фактов достаточно, чтобы убедиться в том, что автор обнаруживает незнание «азбуки» славянского языкознания. Еще меньше утруждает себя автор диссертации доказательствами, развивая второе свое положение — о происхождении всей индоевропейской семьи языков в результате растворения иноязычного материала в славянской или для более раннего периода — в скифо-сарматской языковой среде.

Стремление прикрыться дымовой завесой доистории отчетливо проглядывает в таких «обобщениях»: «Есть все основания предполагать, что до периода общения с картвельскими народами германские племена имели языки гунно-тюркского характера, но в результате своего общения с картвельскими племенами германцы приобрели новые языковые особенности» (стр. 317). Что касается славянских языков, то о них говорится весьма туманно: они якобы являются скифскими языками, но «более позднего» времени. Автор иногда пишет «славянские», в скобках — «скифские» языки. Доказательства отсутствуют.

Известно, что до Т. А. Дегтеревой подобные фантастические мысли высказывал акад. Марр, также никогда не утруждавший себя доказательствами и поражавший своим невежеством в вопросах славянского языкознания. В целом автор диссертации вновь пытается возродить марровский тезис о том, что скрещение языков якобы дает новые по качеству языки и что в результате его возможно появление языковых гибридов. ВАК отменил решение совета о присуждении Т. А. Дегтеревой искомой степени.

Указанные серьезные ошибки, обнаруженные в защищенных диссертациях, свидетельствуют о том, что «в работе ученых советов некоторых научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений до сих пор не изжит поверхностный подход к защите диссертаций. Члены ученых советов нередко не знакомятся с содержанием диссертаций; при защите не создаются условия для деловой критики, не развертываются дискуссии, позволяющие всесторонне выявить и оценить знания диссертанта, его научный кругозор и достигнутые им научные результаты. Заседания ученых советов часто превращаются в формальную процедуру, носят характер парадного „выпускного акта". Ученые советы иногда механически штампуют представленные на их рассмотрение диссертации, полагаясь на благосклонное заключение официальных оппонентов. Это приводит к тому, что ученые советы присваивают ученые степени подчас за явно недоброкачественные, порочные работы»[2].

Зачастую несколько аспирантов работают над одной и той же темой, используя аналогичный материал. Так, в Совете Военного института иностранных языков в декабре 1951 г. тов. Куклина защитила диссертацию на тему: «Отражение в словарном составе немецкого языка демократических преобразований в Германской Демократической Республике за период с мая 1945 г. по октябрь 1949 г.». На эту же примерно тему и по тем же источникам написана диссертация тов. Топуридзе-Сумбатовой «Неологизмы в современном немецком языке (по материалам прессы, публицистических работ и художественной литературы Германской Демократической Республики)», защищенная в июне 1952 г. в Совете 1 Московского пединститута иностранных языков. Подобный параллелизм в тематике приводит к излишней затрате научных сил.

Решения XIX съезда партии предусматривают усиление разработки теоретических проблем во всех областях знания, более полное использование научных сил для решения важнейших вопросов развития народного хозяйства, широкое практическое применение научных открытий. В ближайшее пятилетие расширяется подготовка научных и научно-педагогических кадров через аспирантуру высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов примерно в 2 раза по сравнению с предыдущей пятилеткой.

Для решения этих задач необходимо улучшить подготовку научных кадров и резко повысить требования к защищаемым диссертациям по языкознанию. Диссертации должны содержать обильный фактический материал по изучаемому языку, подвергнутый глубокому теоретическому обобщению с позиций сталинского учения о языке. Дальнейшее развитие нашей науки требует быстрой и более широкой публикации

[2] Повысить уровень подготовки научных кадров [передовая], «Большевик», М., 1952, № 10, стр. 7—8.

защищенных диссертаций. Представленная к защите диссертация, очевидно, без существенной доработки должна быть готова к напечатанию. Каждая диссертация должна стать вкладом молодого исследователя в науку о языке. Ученые советы не должны присуждать ученые степени за узкофактографические исследования и работы, содержащие голое схематизирование без изученного и обработанного языкового материала.

Весьма актуальным вопросом, который наконец должен быть разрешен, является разработка тематики научно-исследовательской работы в области языкознания. Разработка такой тематики окажет существенную помощь кафедрам вузов и нашей молодежи, работающей иногда над случайными и малоактуальными темами. С другой стороны, планирование тематики диссертационных работ, выдвижение конкретных тем для исследования, которые эффективно будут использованы в научно-исследовательской работе кафедр и институтов, явится мощным фактором в деле повышения научной ценности диссертационных работ. Крупные языковедческие проблемы, над которыми работают кафедры и институты, должны расчленяться и предоставляться для исполнения аспирантам и докторантам.

Перед советским языкознанием стоят большие и почетные задачи. В нашей стране созданы все условия для бурного развития науки, для воспитания молодых научных кадров. Тревожные сигналы, связанные с подготовкой диссертаций, свидетельствуют о том, что в этой области еще совершаются большие ошибки, что здесь нередки случаи безответственности в оценке диссертационных работ. Чем скорее и решительнее будут изжиты эти недостатки и ошибки, тем выше поднимется уровень подготовки языковедческих кадров.

Н. А. Кондрашов

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1953

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБ ОШИБКАХ КАЗАХСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ *

Теоретическая и организационная перестройка языковедческой работы, начавшаяся во всех лингвистических учреждениях страны после выхода в свет классических трудов И. В. Сталина по языкознанию, имела место также в соответствующих научных учреждениях Казахской ССР, в которых ошибочная теория Н. Я. Марра насаждалась в продолжение ряда лет и имела своих последователей или поклонников. Языковеды Казахстана провели значительную работу по популяризации сталинского учения о языке, выступая со статьями на страницах республиканской печати, с докладами и лекциями в различных аудиториях г. Алма-Аты и других городов республики. Языковеды центральных лингвистических учреждений Казахстана пересмотрели проблематику и тематику, а также планы научно-исследовательской работы, подвергли критическому пересмотру в свете положений И. В. Сталина законченные или начатые ими труды. Важным мероприятием в деле изживания на практике теоретических заблуждений, порожденных «новым учением» о языке, явилась языковедческая дискуссия в Казахстане, состоявшаяся в марте 1952 г.

Дискуссия значительно прояснила многие спорные или запутанные вопросы казахского языкознания и расчистила путь для дальнейших исследований в области основных проблем казахского языка. К чести языковедов Казахстана следует сказать, что они были первыми среди лингвистов-тюркологов, выдвинувшими на обсуждение ряд важнейших вопросов тюркского языкознания в свете положений марксистского учения о языке, гениально разработанных в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Серьезное значение для дальнейшего развития казахского языкознания имела научная конференция по изучению языков народов Средней Азии и Казахстана, состоявшаяся в феврале 1951 г. в Ташкенте, на которой тюркологи-казаховеды выступили с рядом докладов по важнейшим проблемам грамматики и лексики.

За последние два года в Казахстане вышел ряд монографий, например, Ж. Доскараева и Г. Мусабаева о местных особенностях казахского языка, Г. Мусабаева о степенях сравнения в казахском языке, А. Калыбаевой о категории залога в казахском языке[1], ряд журнальных статей, посвященных разработке актуальных вопросов теоретического и прикладного языкознания в свете сталинского учения о языке[2]; стабильные учебники по языку, построенные по-новому, как, например, «Грамматика казахского языка» для V—VI классов средней и неполной средней школы, составленная А. Искаковым и К. Ахановым[3].

---

* Статья Э. В. Севортяна содержит мотивировку и конкретизацию заключения Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР о работе казахских лингвистов. Она основана на материалах автора, Б. М. Юнусалиева, А. А. Юлдашева и др. и суммирует, таким образом, мнения научных сотрудников сектора.

[1] См. Ж. Доскараев и Г. Мусабаев, Местные особенности казахского языка, ч. I, Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1951 [на казах. яз.]; Г. Мусабаев, Степени сравнения в казахском языке, Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1951 [на казах. яз.]; А. Калыбаева, Категория залога в казахском языке, Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1951 [на казах. яз.].

[2] См. М. Б. Балакаев, Некоторые вопросы словосочетания в казахском языке, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1952, № 6, стр. 38—60 [на казах. яз.] Х. Махмудов, К вопросу о сравнительно-историческом методе и критика четырехэлементного анализа Н. Я. Марра, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 4, стр. 34—63; см. также статьи в «Известиях АН Казахской ССР» за 1951—1952 годы.

[3] См. А. Искаков, К. Аханов, Грамматика казахского языка, ч. I, Алма-Ата, Казах. учпедгиз, 1952 [на казах. яз.].

Внимательный анализ печатной продукции, посвященной казахскому языку, показывает, что языковеды Казахстана начали теоретическую разработку важнейших научных вопросов казахского языкознания с позиций сталинского учения о языке, что уже сделаны первые, пока еще робкие и медленные, шаги в деле внедрения марксизма в практику научно-исследовательской работы, что казахские товарищи стремятся сочетать и объединить вопросы теории и практики казахского языкознания.

Изданные работы вместе с тем показывают, что в казахском языкознании еще не до конца изжиты взгляды и представления, идущие от ошибочной антимарксистской теории Н. Я. Марра и его «продолжателей». Нет сомнения, что казахские товарищи сегодня понимают глубже и яснее размеры и характер вреда, нанесенного господством лженаучной теории Н. Я. Марра казахскому языкознанию, что свои работы, опубликованные в 1951 и даже в 1952 г., они написали бы сегодня лучше, чем написали их вчера. Однако советская общественность не может пройти мимо теоретических ошибок, допущенных казахскими языковедами.

Республиканская печать в лице газет «Казахстанская правда» и «Социалистік Қазақстан» уже выступила с разоблачением теоретических ошибок, имевших место в научных работах по казахскому языку за последние 2—$2^1/_2$ года. Сами казахские лингвисты не остались глухи к этим выступлениям печати, и на широком собрании, организованном Ученым советом Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР в ноябре прошлого года, ряд товарищей выступили с острой критикой марровских ошибок, допущенных языковедами Казахстана. Ошибки и повторения положений «нового учения» о языке в трудах казахских языковедов выражаются: 1) в переоценке семантики в ущерб грамматике; 2) в смешении логического и грамматического; 3) в недооценке морфологии и преувеличении роли синтаксиса.

Переоценка семантики в ущерб грамматике выразилась, например, в навязывании казахскому предложению категории активного и пассивного субъектов, не имеющих в тюркских языках своего специфического грамматического выражения. «В казахском языке,— говорит автор теории об активном и пассивном субъектах,— фактически не существует грамматической дифференциации активного и пассивного типа подлежащего... Категории активности и пассивности субъекта в казахском языке, в основном, носят смысловой, вернее, логический характер и принадлежат к синтаксическим явлениям»[4] (разрядка наша.— *Э. С.*).

Вслед за этим утверждением, в котором реальное значение предложения отождествляется с грамматическим, а синтаксис выводится за пределы грамматики, автор делает вывод: «Следовательно, и активность и пассивность субъекта обусловливаются структурными особенностями предложений»[5]. Здесь все поставлено на голову: причина принимается за следствие и наоборот. Между тем передача активного или пассивного субъекта связана лишь с конкретным составом предложения, но отнюдь не с его грамматической стороной, т. е. структурой. Приводимые автором далее иллюстрации лишь подтверждают впечатление, что в грамматическом явлении (в данном случае в пределах категории предложения) рассматривается его неграмматическая, т. е. логическая или вещественно-смысловая сторона. Теория активного и пассивного субъектов навеяна работами Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова и др. К тюркскому языкознанию данная проблема не имеет отношения, и в нем никогда серьезно не возникал вопрос об активном или пассивном субъекте в его отношении к предложению.

В другом месте своей работы М. Балакаев еще раз обращается к активности-пассивности, настаивая на том, что «все же следует различать подлежащие потенциальные, выражаемые активными существительными и личными местоимениями, и подлежащие, выражаемые именами, по смыслу и по основным функциям являющимися или объектом или каким-нибудь признаком предмета»[6]. Как явствует из слов автора, синтаксическая функция существительного ставится в зависимость от реальной, вещественной функции предмета, выраженного этим существительным.

Уместно вспомнить, что лексико-семантическое значение члена предложения в работах последователей Н. Я. Марра часто заслоняло и растворяло в себе грамматическое значение членов предложения. Наш автор не доходит до такой крайности, но в отдельных местах своего исследования он склонен переоценить семантическую сторону изучаемых явлений. К таким случаям относится, например, положение о том, что «семантика и синтаксическая функция косвенных падежей (за исключением родительного) тесно связаны, главным образом, с лексическими значениями глаголов»[7]. Среди советских языковедов сейчас нет, кажется, разногласий в вопросе о том, что словоизменительные категории, к числу которых относятся, также и падежи, среди всех грамматических категорий языка в наибольшей степени свободны от давления лексического значения и ближайшим образом напоминают геометрические отношения,

---

[4] М. Б. Балакаев, Основные вопросы синтаксиса простого предложения в современном казахском языке. Автореферат докт. дисс., Алма-Ата, 1950, стр. 15.

[5] Там же, стр. 15—16.

[6] Там же, стр. 18—19.

[7] Там же, стр. 9.

лишенные всякой конкретности. Поэтому с вышеприведенным положением автора согласиться трудно. Иной вопрос, что реализация (употребление) многообразных значений и функций косвенных падежей требует определенных условий, в числе их также и лексических.

Следует сказать, что обостренное внимание автора к конкретной смысловой стороне синтаксических фактов казахского языка сказалось и на трактовке проблемы управления, в которой остается неясной сама надобность семасиологических разысканий в вопросе о том, что́ чему подчиняется при управлении глаголов и при управлении служебных слов[8].

Гипертрофия семасиологической стороны грамматического явления, выдвижение на передний план его реально-вещественного значения и подмена им значения грамматического сказались также на трактовке степеней сравнения, в недооценке грамматического критерия при определении частей речи в работах некоторых казахских языковедов, например Г. Мусабаева[9]. Основное внимание при анализе степеней сравнения он уделяет семантической стороне изучаемых фактов, между тем как грамматическое значение явления раскрывается им не до конца. В сущности, остается не вполне ясной позиция автора и в тех случаях, когда он высказывается о степенях сравнения как явлении грамматическом. Надо ли считать степени сравнения (Г. Мусабаев имеет в виду, между прочим, аффиксальные или редуплицированные формы выражения неполноты или избытка качества в прилагательном) словообразовательной или словоизменительной категорией, пополняют ли они словарь или служат развитию грамматического строя казахского языка — все это не удается выяснить из рассуждений автора.

Недостаточность грамматического критерия при анализе явлений, относящихся к грамматике, проявляется также и в определении автором имени прилагательного, среди признаков которого лишь один, а именно семасиологический, можно считать более или менее доказанным, в то время как грамматические признаки, т. е. наиболее существенные в учении о частях речи, далеко не всегда специфичны для прилагательного, так как приведенные автором грамматические характеристики могут относиться и к другим частям речи. К сказанному уместно добавить, что из исследования Г. Мусабаева еще полностью не изгнаны элементы вульгарного социологизирования, столь характерные для «нового учения» о языке.

Как М. Балакаев, так и Г. Мусабаев основательным образом переработали свои диссертации после опубликования замечательных трудов И. В. Сталина по языкознанию. Автореферат докторской диссертации М. Балакаева публиковался в нескольких редакциях, так как автор каждый раз обнаруживал в очередной редакции какие-либо недосмотры теоретического характера. Это говорит о добросовестности названных товарищей, об их искреннем стремлении избавиться от заблуждений, порожденных вульгаризаторской теорией Н. Я. Марра. Однако, как показывают приведенные факты, работу по ликвидации всех последствий влияния теории Н. Я. Марра нельзя еще в Казахстане считать законченной.

В сущности тем же преувеличением роли семантики, распространением ее значения чуть ли не на весь строй языка объясняются и ошибки А. Калыбаевой, в частности «обнаружение» ею залогов или залоговых значений в незалоговых формах отглагольных имен и даже отименных прилагательных на основании известного семантического сходства между такими именами и залоговыми значениями. Ослепление семантической стороной обследуемых фактов приводит молодого автора нередко к курьезам, каковыми являются, в частности, ее примеры *жаралы* «раненый» — этимологически «имеющий (аффикс *-лы*) рану (существительное *жара*)»; или *аттас* «тезка» — этимологически состоящий из существительного *ат* «имя» и аффикса со значением соучастия *-тас*; или *ашулы* «открытый» — этимологически состоящий из отглагольного имени *ашу* «открывание, открытие» и аффикса *-лы* с вышеуказанным значением, и многие другие. Присвоение залоговых значений незалоговым формам отглагольных имен и именам существительным вообще касается не отдельных случаев, но проходит через все исследование А. Калыбаевой.

Переоценку семантики, подмену ею морфологии можно, наконец, видеть и в своеобразной интерпретации явлений словообразования, как мы это наблюдаем, например, в статье Н. Сауранбаева. Целый ряд казахских словообразовательных именных форм, таких как *-қыш*, *-лық*, *-ақ* // *-қ*, обозначающих орудие или предмет с известным назначением, т. е. имеющих семантику функции, объявляется автором конкретным выражением действия «закона функции», более известного лингвистам под названием закона «функциональной семантики»[10], роль которого так непомерно была раздута в работах Н. Я. Марра и его последователей.

---

[8] См. там же, стр. 4.

[9] См. Г. Мусабаев, указ. соч.

[10] См. Н. Сауранбаев, Об исследовании словарного состава казахского языка в свете гениальных трудов И. В. Сталина, сб. «Вопросы казахского языкознания в свете трудов товарища И. В. Сталина», Алма-Ата, 1951, стр. 46 [на казах. яз.].

Мы привели выше наиболее характерные и ясные случаи переоценки семантической стороны грамматических явлений и недооценки их грамматической стороны, распространения сферы действия семантики на грамматику и подмену ею последней. Однако, помимо этих ясных случаев, семасиологическую интерпретацию можно найти и в других местах названных выше работ. Можно, пожалуй, сказать, что наиболее распространенным заблуждением в цитированных нами работах казахских товарищей является именно преувеличенное представление о роли семантики в явлениях грамматического порядка, корни чего, конечно, следует искать в «новом учении» о языке.

С этим заблуждением тесно связано и смешение логических и грамматических категорий, которое нашло отражение в диссертации М. Балакаева. Как известно, Н. Я. Марр и его последователи не проводили строгих границ между синтаксическими категориями подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, с одной стороны, и логическими категориями субъекта, предиката, объекта и атрибута — с другой, смешивая на практике первые со вторыми. Подобной путаницы не избежал и М. Балакаев. Названные нами грамматические и логические категории он употребляет параллельно, нигде не разъясняя читателю свои мотивы столь свободного обращения с разнородными величинами. Смешение логического и грамматического выразилось прежде всего в приведенной выше проблеме активности-пассивности субъекта. С ней теснейшим образом связана характерная трактовка автором важного и интересного вопроса о выделении подлежащего из определительного сочетания существительных (типа *мен алғаным* из *менім алғаным* в предложениях с *бар*, *жоқ*, *керек* и т. д.) и изменения предложений со сказуемыми *бар* «имеется», *жоқ* «нет», *керек* «нужно» и другими, что наблюдается не только в казахском, но также и в узбекском и других языках тюркской группы и имеет принципиальное значение для истории развития предложения в тюркских языках. Вопреки мнению автора, процесс синтаксического преобразования определительных отношений в предикативные не имеет отношения к «активизации» «пассивно воспринимаемых» субъектов в родительном падеже, ибо выделение подлежащего из «изафетной» связи (так именуется в тюркологии определительное сочетание существительных) в предложениях с *бар*, *жоқ* и т. д. связано с тем, что в последних устанавливается иная предикативная связь, более соответствующая преобладающему типу предложения в тюркских языках. Место подлежащего — действия, соотнесенного с лицом в форме показателя принадлежности (т. е. сочетания типа *менім алғаным*, дословно «мое взятие»), заступает подлежащее — лицо, исполнитель действия (т. е. *мен* «я» — подлежащее, *алғаным бар* «брал» — сказуемое). И только в этом смысле можно говорить о разрешении противоречия между старой формой и новым содержанием.

Преувеличение роли синтаксиса за счет преуменьшения роли морфологии сказалось в трактовке А. Калыбаевой залогов в качестве синтаксической категории в ее работе о залогах в казахском языке. Автор прямо заявляет о синтаксической сущности залога, говорит о том, что смысл и значение залога, равно как и функция его определяются предикативным употреблением и т. д. Не трудно догадаться, что ближайшим источником рассуждений автора явились работы И. И. Мещанинова («Члены предложения и части речи» и «Глагол»), на которые А. Калыбаева ссылается в нескольких местах своего исследования, не подозревая, видимо, того, что И. И. Мещанинов являлся наиболее авторитетным и влиятельным учеником Н. Я. Марра.

Переоценка синтаксиса заметна и в диссертации М. Балакаева, о которой шла речь выше. Она выразилась у автора в сбивчивой и путаной трактовке отношений главных членов предложения. Положение М. Балакаева о том, что сказуемое является главной опорой предложения, имеет вообще достаточное распространение среди тюркологов. И это, конечно, верно, но только для сказуемых в личной форме или с предикативным аффиксом. В таком сказуемом заключена, если можно так выразиться, сердцевина предложения, т. е. предикативная связь. Вот почему основной формой предикативной связи являются не синтаксическая категория порядка слов в предложении, как это утверждает автор, а морфологические способы выражения предикативности. Недооценка этих способов выражения сказуемого в тюркском предложении приводит автора к утверждениям, подобным тому, что морфологические предикативные формы «...служат не столько для выражения предикативности, сколько для установления синтаксической связи (! — *Э. С.*) сказуемого с подлежащим»[11]. Бессодержательность и противоречивость приведенной формулировки очевидна, поскольку «установление синтаксической связи сказуемого с подлежащим» и есть предикативность.

Зато непомерно поднята автором роль словорасположения. «В казахском языке,— пишет он,— порядок слов является основой грамматического строя»[12] (разрядка наша.—*Э. С.*). Помимо того, что подобное определение игнорирует морфологию как важнейшую часть грамматического строя казахского языка, оно просто не считается с общеизвестными фактами тюркских языков. В последних существует два типа порядка слов: письменно-литературный и устный. Следуя автору, отсюда можно

[11] М. Б. Балакаев, указ. соч., стр. 22—23.
[12] Там же, стр. 35.

было бы придти к нелепому заключению, что у грамматического строя казахского языка две основы. Самый факт того, что «могут отдаляться от своего компонента,— как пишет автор,— не только слова, связанные между собой приемом управления, согласования и соподчинения, т. е. путем аффиксации, но и слова, связанные приемом примыкания»,[13] никак не вяжется со взглядом М. Балакаева на основополагающую роль порядка слов во всем грамматическом строе казахского языка и свидетельствует, наоборот, о силе и значении других грамматических факторов, в том числе в огромной степени и факторов морфологических.

Некоторые казахские языковеды еще полностью не освободились от легкого и бездумного отношения к основанному на проверенных фактах научному доказательству. Нельзя не признать, что беспечность в отношении фактической стороны трактуемых вопросов, перенесение бремени доказательств в сферу беспочвенных рассуждений и отрывочных, случайно вырванных из цепи фактов, как известно, были характерны для научной «методики» представителей «нового учения» о языке. Казахские языковеды не доходят до этих крайностей, но в их не всегда серьезном отношении к научному аргументу, без которого невозможна даже простая постановка проблемы, сказываются отголоски приемов научной работы «учеников» и последователей Н. Я. Марра. Бездоказательные утверждения можно встретить у некоторых авторов — Г. Мусабаева и др., например, при освещении вопросов истории казахского языка, которому приписывается письменность еще в V в., а кроме того, ряд памятников, принадлежащих другим языкам, и который возводится к «общему кыпчакскому древнетюркскому языку», неизвестному пока в науке, и даже к языку древнейшего племени уйсуней, о которых история и лингвистика не знают в сущности ничего[14].

Повторяя вслед за Н. Сауранбаевым версию об «общем кыпчакском древнетюркском языке», Г. Мусабаев был обязан прежде всего сослаться на факты, памятники названного языка или же, опираясь на косвенные и сравнительно-исторические данные, сделать попытку теоретической реконструкции этого языка. Автор не делает ни того, ни другого, да и не может сделать, так как сегодня еще трудно говорить о древнекыпчакском языке как о «едином языке народности». «Кыпчакская языковая общность», выдвигаемая автором, на данном этапе наших знаний об истории тюркских языков может быть пока лишь классификационной рубрикой применительно к современным языкам. В тюркском языкознании известны памятники нескольких древних кыпчакских языков, иногда удаленных друг от друга на многие тысячи километров. Каковы исторические связи этих разных языков, можно ли возвести их к одному языку-основе— все эти и многие другие важные вопросы еще ждут своей постановки, и потому совершенно очевидно, что нельзя начинать с конца, как поступает Г. Мусабаев, т. е. исходить из существования единого языка древнекыпчакской народности, в то время как неизвестно еще само начало, т. е. пока не найдены реальные данные для постановки самого вопроса.

Незаконно говорить о диалектах применительно к «языковой общности», как это делает автор, ибо языковая общность не есть общенародный язык, «единый язык народности». Тем самым отпадает вопрос о диалекте кыпчакского языка, как предке казахского языка. И совершенно уже гипотетический характер носит предположение о сложении казахского языка «на базе уйсунского племенного диалекта»,[15] на чем настаивает также С. Аманжолов. Доказательства автора, как и сторонников этой точки зрения вообще, наивны, поскольку эти доказательства с равным успехом можно было бы применить к языкам, весьма далеким от казахского.

Г. Мусабаев силится доказать, что язык так называемого Таласского памятника по своему грамматическому строю и основному словарному фонду (?) идентичен именно казахскому языку. Однако он вынужден тут же признать, что язык названного памятника является общим для всех языков кыпчакской группы. Почему только кыпчакской?— спросим мы автора, да и как можно вообще на основании нескольких отрывочных фраз памятника делать заключения о грамматическом строе его языка и даже об основном словарном фонде, когда во всем памятнике всего 14 различных слов, не считая нескольких повторений! Какие научные доказательства, далее, можно представить в пользу того, что «Таласский памятник есть памятник языка племен, уйсунов и канглы»[16]? Подобные доказательства в науке неизвестны. В дальнейшем Г. Мусабаев уже прямо приписывает казахскому языку в качестве его памятников Таласский памятник, енисейско-орхонские надписи и Диван Махмуда Кашгарского. Как же иначе

[13] Там же.

[14] См. С. Аманжолов, Советское языкознание на новом этапе и некоторые вопросы казахского языка, сб. «Вопросы казахского языкознания...», стр. 12; Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка и вопросы казахской диалектологии, Алма-Ата, 1952, стр. 12 и 15 (эту же статью см. в вышеуказанном сборнике и в «Вестнике АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 9).

[15] Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка..., стр. 12.

[16] Там же, стр. 15.

можно понять его слова о том, что элементы современного казахского языка «...зафиксированы в древнетюркских памятниках, например: таласские записи (V—VI вв.), орхоно-енисейские записи (VIII в.), Дивани Лугати ат тюрк Махмуда Кашгари (XI в.) и др.»[17]. Двумя страницами дальше автор спешит заявить, что «хотя эти памятники нельзя отнести к собственно казахским памятникам, тем не менее мы констатируем, что язык этих памятников ближе всего в основе той подгруппе тюркских языков, которые условно принято в тюркологии... именовать кыпчакскими, куда и входит казахский язык». Читатель в затруднении. Где же верить Г. Мусабаеву, в первом или во втором случае?

В другом месте автор пишет: «Если мы обратимся к документам из истории племен, вошедших в состав казахской народности, то нельзя утверждать, что после V века существовали у них свои отдельные языки. Они уже были объединением племен с единым общенародным языком, понятным для всех членов указанного союза племен»[18]. Откуда все это взято? Откуда Г. Мусабаеву известно, что после V в.— если эта произвольная историческая веха вообще может иметь какое-либо значение для истории казахского языка — племена, вошедшие в состав казахского народа, не имели своих языков, а говорили на едином общенародном, т. е. общекыпчакском языке? Все эти и многие другие вопросы, которые можно было бы поставить автору, останутся без ответа, так как состояние тюркского языкознания и исторической науки пока не позволяют их разрешить.

Отмеченные выше ошибки и недостатки в работах казахских языковедов имеют своим источником теорию Н. Я. Марра и практику научной работы у сторонников этой теории.

Наряду с этими ошибками необходимо указать и на другие, проистекающие от внеисторического толкования некоторых положений И. В. Сталина. Работы казахских языковедов не свободны, кроме того, от спорных или неверных утверждений, не имеющих, однако, методологического характера.

К числу ошибок первого рода можно отнести, например, статическое изображение казахского языка, якобы одинакового на всех этапах своего развития (у Г. Мусабаева)[19], принципиальный отказ от включения в основной словарный фонд казахского языка слов иноязычного происхождения (у Н. Сауранбаева, С. Аманжолова)[20].

Г. Мусабаев много говорит об истории казахского языка. Но в сущности у него нет исторического взгляда на язык, хотя в то же время он как будто понимает необходимость связывать язык с историей его носителей. Г. Мусабаев не делает различия между языком нации, народности и племени, забывая сталинское учение об историческом движении языка. В изображении автора казахский язык таким, каким он является сегодня, предстает уже в древнейшее время, чуть ли не на заре нашей эры. Качественных изменений в казахском языке за время его длительной исторической жизни автор не видит. Казахский язык у Г. Мусабаева в сущности не имеет своей истории. Именно с этих антиисторических позиций и открывает автор свой критический огонь по М. Ауэзову и С. Аманжолову — одному из наиболее последовательных в недалеком прошлом сторонников теории Н. Я. Марра в Казахстане. Необходимо всецело поддержать готовность и желание Г. Мусабаева бороться за очищение казахского языкознания от всех и всяческих остатков и рецидивов марризма, за критику ошибочных положений в работах казахских языковедов, в частности в работах С. Аманжолова. Но нам представляется, что борьба против проявлений и повторений «нового учения» о языке на казахской почве не всегда ведется автором с надлежащих позиций.

Внеисторическим отношением к языку объясняются также положение С. Аманжолова о том, например, что «заимствованные слова не могут входить в основной словарный фонд казахского языка»[21], или положение Н. Сауранбаева о том, что в основной словарный фонд казахского языка входят древнейшие корни и производные основы[22]. Таким образом, и при этом определении для заимствований в основном словарном фонде места не остается. Оба языковеда, к сожалению, ограничиваются простым утверждением, не обременяя себя доказательствами. При этом С. Аманжолов, скажем мягко, не совсем точно цитирует высказывание И. В. Сталина. На самом деле в казахском языке имеются десятки и сотни новых и старых слов основного словарного фонда, имеющих иноязычное происхождение, вошедших в казахский язык из русского. Едва ли, например, можно сомневаться в принадлежности к основному словарному фонду казахского языка таких слов, как *дос* «друг», *жан* «душа», *баға* «цена», *әдет* «обычай», *мәселе* «проблема», «вопрос» и производных от них, таких заимствований из русского,

[17] Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка..., стр. 58.

[18] Там же, стр. 15.

[19] См. там же.

[20] См. Н. Сауранбаев, указ. соч., стр. 42; С. Аманжолов, указ. соч., стр. 22.

[21] С. Аманжолов, указ. соч., стр. 22.

[22] См. Н. Сауранбаев, указ. соч., стр. 42.

как *революция*, *совет*, *колхоз*, *план*, *машина* и многих других. Еще больше заимствованных слов в составе основного словарного фонда можно обнаружить в старописьменных языках, таких, как азербайджанский, узбекский, татарский. В основной словарный фонд, например, узбекского языка входят не только заимствованные имена типа *лаб* «губа», *гўшт* «мясо», *мўй* «волос» и др., но также производные от заимствованных имен глаголы типа *гапирмоқ* «говорить» от *гап* «слово», «слова», «разговор»; *гумонсирамоқ* «подозревать (слегка)» от *гумон* «подозрение», «предположение», «сомнение»; *айбламоқ* «винить», «обвинять» от *айб* «вина», «провинность», «проступок» и некоторые другие.

С внеисторическим подходом к проблемам языка связаны также спорные, на наш взгляд, представления Г. Мусабаева о литературном языке в его отношении к общенародному языку. Автор пишет: «Литературный язык является высшей формой единого языка данного народа. В большинстве случаев сейчас мы вкладываем в этот термин понятие национального языка, но плюс к этому указанный термин содержит в себе и понятие общего письменного языка того или иного народа»[23]. Здесь спорно или неверно все: 1) спорно само скрытое противопоставление литературного языка, как высшей формы, нелитературному языку, каковым может быть лишь общенародный разговорный язык; 2) спорна попытка предложить универсальную формулу, которая подошла бы для литературного языка вообще; 3) неверно ограничение понятия литературного языка рамками лишь национального языка.

Исторически отношение литературного языка к общенародному разговорному языку менялось, обильный материал для подтверждения этого может доставить любой из тюркских языков, имевших письменность до Великой Октябрьской социалистической революции. Даже во времена, близкие к нашей эпохе, отделенные от нас промежутком не более чем в 50 лет, мы видим иное соотношение между литературным и общенародным разговорным языком, чем это наблюдается сегодня. На процессе формирования литературного языка сказывается то обстоятельство, что «люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку»[24]. Прекрасные и весьма поучительные иллюстрации к этому дает история азербайджанского, узбекского, татарского языков. История формирования литературного казахского языка содержит не менее яркие примеры борьбы отдельных социальных групп, классов за литературный язык, стремление их поставить литературный язык на службу своим потребностям, навязав ему свой особый лексикон, свои особые термины и выражения.

В чем источник спорных или неверных рассуждений Г. Мусабаева? Его ошибка заключается в отождествлении литературного языка с общенародным разговорным языком на всех этапах развития первого. В соответствии с этим начало литературного языка автор относит к глубочайшей древности[25]. Но с подобным предположением никак не вяжется то, что было сказано автором раньше: «Термин „литературный язык" всегда связывали с письменностью так же, как и само название „литературный"... С точки зрения современности это, конечно, верно, потому что на определенной стадии общественного развития, в связи с возникновением государства, появляется и приобретает особое значение письменность, и в это же время возвышается значение литературного языка»[26].

Впрочем автор, как видно, и сам не очень верит в существование бесписьменного казахского литературного языка задолго до нашествия Чингис-хана. Отсюда его стремление во что бы то ни стало разыскать следы древней письменности у казахов. И он их «находит» простым логическим путем: древний памятник тюркской (уйгурской) письменности «Кутадгу билиг» Юсуфа хас-хаджиба Баласагунского написан на территории южного Казахстана; следовательно, «...наши предки,— заключает Г. Мусабаев,— имели свою письменность»[27]. Пользуясь тем же приемом доказательства, мы могли бы возразить автору следующим образом: так как точное местонахождение древнего города Баласагуна, откуда происходит автор названного памятника, пока не установлено и этот пункт мог находиться также в северном Узбекистане близ современной границы Казахстана, то вопрос о древней письменности у казахов сам собой отпадает. Но могут ли считаться научными и вообще серьезными подобного рода приемы? Нам кажется, что нет. Мы уже не говорим о том, что аргументировать свою мысль ссылкой на «территорию современного Казахстана» наивно.

Что касается неверных или спорных утверждений, не имеющих, однако, методологического характера, которые мы находим в работах казахских лингвистов, то уместно указать, например, на довольно распространенное заблуждение, разделяемое не только казахскими языковедами, относительно того, что вместе с заимствованиями из

[23] Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка..., стр. 21.

[24] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 13.

[25] См. Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка..., стр. 28—29.

[26] Там же, стр. 22.

[27] Там же, стр. 34.

русского в казахский язык (и другие тюркские языки) вошли и закрепились интернациональные суффиксы *-изм*, *ист* и т. д. Это ходячее мнение повторяет А. Калыбаева в своей неудачной статье, помещенной в цитированном уже сборнике. На самом деле словопроизводными формами в тюркских языках могут считаться лишь такие, которые свободно создают или исторически создавали новые слова из корней и основ, в числе их и тюркского происхождения. Подобными возможностями суффиксы *-изм*, *-ист* и др. на тюркской почве пока не обладают. Они входят в тюркские языки в качестве нерасчленимой части заимствованных слов. Самое большее, что им можно пока присвоить, это значение приметы существительных и прилагательных. Самый отбор таких примет в научном отношении должен быть достаточно надежным, чтобы не было досадных приключений, как это случилось с А. Калыбаевой, которая обнаружила новый аффикс *-ат* в словах *демократ*, *аристократ* и т. п. и даже аффикс *-ея* в словах *идея*, *батарея* и т. п.[28]

Неверным также следует признать у того же автора утверждение, что единственной отличительной чертой глагольного сказуемого от именного является наличие в нем залоговой категории[29]. Неверно смешение некоторых специально словообразовательных форм с залоговыми и др.

Существенным пробелом в работах казахских языковедов является все еще недостаточное пользование сравнительным и сравнительно-историческим методами, значение которых казахские языковеды как будто хорошо понимают и признают. Было бы, разумеется, неверно закрывать глаза на некоторые трудности объективного порядка, проистекающие от того, что за годы господства «нового учения» о языке сравнительно-исторический метод был предан забвению и число специалистов, пользующихся названным методом, сузилось до предела. За последнее десятилетие на местах выросло и сложилось целое поколение тюркологов, не знакомых со сравнительно-историческим методом и слабо знающих сравнительный метод. Все это, конечно, должно быть принято во внимание при анализе языковедческой продукции по тюркским языкам, появившейся за последние два года.

Недостаточным овладением названным методом за время, истекшее после исторических выступлений И. В. Сталина по вопросам языкознания, следует объяснить в значительной мере ошибки или промахи, которые обнаруживаются в исследованиях, прямо или косвенно затрагивающих вопросы истории казахского языка.

Перечисленные нами ошибки или неверные утверждения казахских языковедов, имеющие своим источником теорию и практику языковедческой работы у сторонников «нового учения» о языке, или неправильное понимание некоторых положений языковедческого учения И. В. Сталина говорит о том, что в лингвистических учреждениях Казахской ССР еще не преодолено влияние марровских идей, в должной мере еще не внедрено в практику научно-исследовательской работы марксистское учение о языке, гениально обоснованное и разработанное И. В. Сталиным.

Среди основных причин, затянувших процесс изживания идей «нового учения» о языке или приведших некоторых казахских языковедов к повторению старых ошибок, в первую очередь следует указать на слабый пока уровень научной критики и самокритики в лингвистических учреждениях Казахстана. Не случайно, конечно, отсутствие критических и самокритических высказываний в неоднократно цитированном выше сборнике, посвященном вопросам казахского языкознания в свете трудов И. В. Сталина. Участники сборника должны были бы рассказать читателю о своих ошибках в недавнем прошлом. Вместо этого они стали на путь взаимного замалчивания марровских ошибок.

Успехи дальнейшей языковедческой работы в Казахстане будут тем больше, чем шире и глубже внедрится метод свободных творческих дискуссий по важнейшим вопросам казахского языкознания, чем шире будут открыты двери товарищеской критике, как основному принципу борьбы с ошибками и промахами в научной работе.

Перед Казахскими языковедами стоит ряд спорных вопросов, в числе которых в первую очередь должны быть названы: вопрос о казахских диалектах, о сложении казахского языка, об отношении между литературным и общенародным разговорным языком. Опыт прошедших лет показал, что решения названных вопросов нельзя добиться ни путем поспешных теоретических построений, лишенных серьезного фактического обоснования, ни путем бесплодных споров, бессильных заменить кропотливое научное исследование. Решение спорных и вместе с тем кардинальных для теории и практики казахского языкознания проблем может быть найдено лишь на путях всемерного внедрения марксизма в научно-исследовательскую работу решительного разоблачения и устранения остатков и повторений марризма, терпеливого и упорного изучения фактов, их систематизации и обобщения в свете классического труда творческого марксизма, принадлежащего перу великого корифея науки И. В. Сталина.

Э. В. Севортян

---

[28] См. А. Калыбаева, Создание терминологии казахского языка, сб. «Вопросы казахского языкознания...», стр. 123.

[29] См. ее же, Категория залога в казахском языке, стр. 56.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СЕКТОРА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР О НАУЧНЫХ ТРУДАХ ПО КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПОСЛЕ ВЫХОДА В СВЕТ ТРУДА И. В. СТАЛИНА «МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

1. Сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР отмечает, что перестройка языковедческой работы, начавшаяся после выхода в свет классических трудов И. В. Сталина по языкознанию, имела место также в лингвистических учреждениях Казахской ССР, в которых антимарксистская теория Н. Я. Марра насаждалась в продолжение ряда лет и имела своих последователей или поклонников. Казахские языковеды провели работу по популяризации сталинского учения о языке, пересмотрели проблематику и планы научно-исследовательской работы, подвергли критическому пересмотру в свете положений И. В. Сталина законченные или начатые научные работы. Серьезным мероприятием в деле изживания на практике теоретических заблуждений, порожденных «новым учением» о языке, явилась языковедческая дискуссия в Казахстане, состоявшаяся в марте 1952 г.; большую роль сыграло также участие казахских ученых в научной конференции по изучению языков народов Средней Азии и Казахстана в феврале 1951 г. в Ташкенте, где тюркологи-казаховеды выступили с рядом докладов по проблемам грамматики и лексики.

За последние два года в Казахстане вышел ряд монографий, например: Ж. Доскараев и Г. Мусабаев, Местные особенности казахского языка, ч. I (Алма-Ата, 1951), Г. Мусабаев, Степени сравнения в казахском языке (Алма-Ата, 1951), А. Калыбаева, «Категория залога в казахском языке (Алма-Ата, 1951), ряд журнальных статей, посвященных разработке актуальных вопросов теоретического и прикладного языкознания в свете сталинского учения о языке (см. «Известия АН Казахской ССР» за 1951 и 1952 гг.), появились стабильные учебники по языку, построенные по-новому (например, составленная А. Искаковым и К. Ахановым «Грамматика казахского языка, ч. I. Фонетика, лексика и морфология», для V—VI классов средней и неполной средней школы, Алма-Ата, Казах. учпедгиз, 1952).

2. Внимательный анализ лингвистической печатной продукции показывает, что языковеды Казахстана начали теоретическую разработку важнейших научных вопросов казахского языкознания с позиций сталинского учения о языке, что уже сделаны первые, пока еще робкие и медленные, шаги в деле внедрения марксизма в практику научно-исследовательской работы.

3. Анализ изданных работ вместе с тем показывает, что в казахском языкознании еще не изжиты взгляды и представления, порожденные ошибочной антимарксистской теорией Н. Я. Марра.

4. Ошибки и повторение положений «нового учения» о языке выражаются: а) в переоценке семантики в ущерб грамматике; б) в смешении логического и грамматического, в) в недооценке морфологии и преувеличении роли синтаксиса.

а) Переоценка семантики в ущерб грамматике выразилась в навязывании казахскому предложению категории активного и пассивного субъектов, не имеющих в тюркских языках своего специфического грамматического выражения, в установлении зависимости функций косвенных падежей от лексического значения глагола (М. Балакаев, Основные вопросы синтаксиса простого предложения в современном казахском языке, Автореферат докторской диссертации, Алма-Ата, 1950), в семасиологической трактовке вопросов управления (М. Балакаев, указ. соч.), в упоре на семантическую сторону в учении о степенях сравнения, в недооценке грамматического критерия при определении частей речи (Г. Мусабаев, Степени сравнения в казахском языке, Алма-Ата, 1951), в присвоении именам, даже не глагольного происхождения, залоговых значений на основании семантической близости некоторых имен к значениям отдельных залогов (А. Калыбаева, Категория залога в казахском языке, Алма-Ата, 1951), в подмене морфологии семасиологией при объяснении словообразовательных форм (Н. Сауранбаев, Об исследовании словарного состава казахского языка в свете гениальных трудов И. В. Сталина, сб. «Вопросы казахского языкознания в свете трудов товарища И. В. Сталина», Алма-Ата, 1951).

б) Смешение логических и грамматических категорий нашло свое выражение в докторской диссертации М. Балакаева (написанной до лингвистической дискуссии и переработанной после выхода в свет труда И. В. Сталина), где логические категории субъекта, предиката и т. д. отождествляются с грамматическими категориями подлежащего, сказуемого и т. д.; установление новых предикативных отношений в предложениях с *бар*, *жоқ*, *керек* и т. д. объясняется надуманной «активизацией субъекта».

в) Недооценка морфологии и преувеличение роли синтаксиса проявились в трактовке залогов как синтаксической категории (А. Калыбаева, указ. соч.), в преувеличении роли синтаксической формы выражения предикативности (порядка слов) и недооценке морфологической (показатели сказуемости и личные формы глагола) (М. Балакаев, указ. соч.).

5. Некоторые казахские языковеды еще не освободились от легкого отношения к основанному на фактах научному доказательству, что имело широкое распространение у последователей Н. Я. Марра. Бездоказательные утверждения можно встретить у некоторых авторов, например, при освещении вопросов истории казахского языка (Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка и вопросы казахской диалектологии, Алма-Ата, 1952), которому приписывается письменность еще в V в., а, кроме того, ряд памятников, принадлежащих другим языкам, и который возводится к «общему кыпчакскому древнетюркскому языку», неизвестному пока в науке, и даже к языку древнейшего племени уйсуней, о которых история и лингвистика не знают в сущности ничего (С. Аманжолов, Советское языкознание на новом этапе и некоторые вопросы казахского языка, указ. выше сборник; Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка...).

6. Отмеченные выше ошибки имеют своим источником «новое учение» о языке и практику научной работы у сторонников названного «учения». Наряду с ними необходимо указать на другие ошибки казахских языковедов, проистекающие от внеисторического толкования некоторых положений И. В. Сталина. Работы казахских языковедов не свободны, кроме того, от спорных или неверных утверждений, не имеющих, однако, методологического характера.

а) К числу ошибок первого рода можно отнести статическое изображение казахского языка, якобы одинакового на всех этапах своего исторического развития (Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка...), принципиальный отказ от включения в основной словарный фонд казахского языка слов иноязычного происхождения (Н. Сауранбаев, С. Аманжолов, статьи в указ. сборнике).

б) К ошибкам второго рода относится прежде всего отрицание диалектов в казахском языке (ненаучная квалификация диалектальных явлений как «искажений») (Г. Мусабаев, статья в указ. сборнике); далее, двойная классификация частей речи у А. Искакова (статья в указ. сборнике), включение в число живых продуктивных показателей именного словопроизводства заимствованных примет на *-изм*, а также несуществующего *-ат* у А. Калыбаевой (там же); утверждение, что единственной чертой, отличающей глагольное сказуемое от именного, является категория залога у глагольного сказуемого (А. Калыбаева, указ. соч.), смешение чисто словообразовательных форм с залоговыми (А. Калыбаева, указ. соч.).

в) Существенным пробелом в работах казахских языковедов является все еще недостаточное пользование сравнительно-историческим методом, что в некоторых случаях приводит авторов к спорным или неверным утверждениям (Н. Сауранбаев, статья в указ. сборнике).

7. Перечисленные ошибки или спорные утверждения казахских языковедов, имеющие своим источником теорию и практику языковедческой работы у сторонников «нового учения» о языке или неправильное понимание некоторых положений сталинского учения о языке, говорят о том, что в лингвистических учреждениях Казахской ССР еще не преодолено влияние марровских идей, в должной мере еще не внедрено в практику научно-исследовательской работы марксистское учение о языке, гениально разработанное И. В. Сталиным.

Среди основных причин, затянувших процесс изживания идей «нового учения» о языке или приведших некоторых казахских языковедов к повторению старых ошибок, в первую очередь следует указать на слабый пока уровень научной критики и самокритики в лингвистических учреждениях Казахстана. Не случайно, конечно, отсутствие критики и самокритики в указанном выше сборнике. Его участники должны были бы рассказать читателю о своих ошибках в недавнем прошлом. Вместо этого они стали на путь взаимного замалчивания марровских ошибок.

Успехи дальнейшей языковедческой работы в Казахстане будут тем больше, чем шире и глубже внедрится метод свободных творческих дискуссий по важнейшим вопросам казахского языкознания.

А. С. Чикобава. **Введение в языкознание.** Ч. I. — М., Учпедгиз, 1952. 244 стр.

Появление работ И. В. Сталина по вопросам языкознания поставило на очередь вопрос о срочной перестройке программы по курсу «Введение в языкознание» и о создании соответствующего новой программе учебника. Для осуществления этой задачи было запланировано составление учебного пособия по «Введению в языкознание», состоящего из трех частей: первая часть, касающаяся вопросов теории языка и фонетики (автор — действ. член АН Грузинской ССР проф. А. С. Чикобава), вторая часть, включающая лексикологию, семасиологию, этимологию и лексикографию (автор — действ. член АН Украинской ССР проф. Л. А. Булаховский) и третья часть, включающая морфологию, синтаксис и стилистику (автор — акад. В. В. Виноградов).

Вышедшая в свет книга А. С. Чикобава представляет собой первую попытку создания учебного пособия по курсу «Введение в языкознание», соответствующего требованиям новой программы. Создание такого учебника — дело весьма трудное и от-

ветственное, что признает и сам автор (стр. 9)[1]. Трудность его составления в значительной мере усугубляется тем, что многие общетеоретические вопросы советского языкознания еще не получили детальной и всесторонней разработки, например, вопрос о взаимоотношениях языка и мышления, об особенностях исторического развития структуры языка, проблема взаимоотношений основного словарного фонда и словарного состава языка, вопрос о внутренних законах развития языка (на материалах конкретных языков) и многие другие вопросы. Тем не менее, несмотря на наличие целого ряда трудностей, А. С. Чикобава в основном все же удалось решить задачу составления нового учебника. В нем поставлены и, на наш взгляд, правильно решены многие важные вопросы, касающиеся общественной сущности языка, его развития и происхождения.

В полном соответствии с руководящими указаниями И. В. Сталина по вопросам языкознания автор особо подчеркивает роль языка как средства общения, правильно характеризует основу языка — его основной словарный фонд и грамматический строй — как сущность его специфики, дает подробную характеристику особенностей языка, *отличающих его от надстройки, подробно останавливается на критике марровской теории классовости языка*. В специальных разделах учебника рассматриваются такие вопросы, как вопрос о характере и основных процессах развития языка, о развитии языков от родовых к национальным; в главе «Фонетика» дается характеристика фонетических явлений, возникающих в различных языках в процессе их исторического развития.

Неоспоримым достоинством книги является ее простой и доходчивый язык. Автор обладает способностью выразить просто и понятно сущность иногда довольно сложных вопросов, сказать о них достаточно смело и прямолинейно без трусливой обтекаемости формулировок.

Не в пример некоторым нашим фонологам, отстаивающим теорию фонемы как смыслоразличителя и стремящимся сохранить монопольное положение существующих фонологических направлений, А. С. Чикобава утверждает, что «в обоснование теоретического значения фонетики нельзя выставлять положение, будто звук является значащим элементом слова. Это положение нельзя считать правильным: наименьшей значащей единицей речи служит слово, а не звук» (стр. 141).

«Часто указывают,— замечает А. С. Чикобава,— что функция звука — различать значения: *стол — стал — стул — о, а, у* выполняют будто бы функцию различения слов. Следствие здесь путают с причиной: в этих словах различие обнаружилось лишь в гласных (*о, а, у*), но отсюда нельзя сделать вывода, что эти гласные в этих словах участвуют для того, чтобы сохранить различие, участвуют для того, чтобы не получилось омонимии (если *стол, стул, стал* различаются лишь по гласному элементу, то это объясняется исторически—различным происхождением данных слов). Если бы звуки (фонемы) имели функцию различения, в языке были бы невозможны омонимы (*мой*: ***мой стакан*** и ***мой стакан***!; *мир*: ***Мир*** *всему* ***миру!***» (стр. 142).

Некоторые из языковедов, напуганные в свое время «учениками» и последователями Н. Я. Марра, создавшими жупел «праязыка», и сейчас еще смотрят с какой-то боязнью и опасением на выдвинутый в последнее время, после опубликования работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, термин «язык-основа». Они стараются обойти вопрос о происхождении групп родственных языков, отвести ему второстепенное место, пытаются не говорить о языке-основе. А. С. Чикобава решает этот вопрос прямо и недвусмысленно: «Родственные языки ведут начало от диалектов одного и того же языка: родственные языки — это диалекты одного и того же языка, развившиеся в самостоятельные языки. Процесс превращения диалектов одного языка в самостоятельные родственные языки и есть процесс образования семьи языков. Язык, образующий материальную основу исторической общности родственных языков, иными словами, язык, от диалектов которого ведут начало родственные языки, называется я з ы к о м - о с н о в о й» (стр. 193).

Возможность так называемой внутренней речи, т. е. представлений слов — акустических, моторных, оптических или их сочетаний,— и существование мышления на базе языковых терминов и фраз нередко ставят в тупик некоторых наших языковедов. А. С. Чикобава и здесь находит правильный выход из положения: «С мышлением непосредственно связана... внутренняя речь: внутренняя речь как бы „прорастает" в мышление» (стр. 29).

Отметив ряд несомненных достоинств книги А. С. Чикобава, подчеркнем, что она в простой и сжатой форме раскрывает содержание соответствующих разделов новой программы. Появление первой части учебника по «Введению в языкознание» безусловно окажет помощь как читающим этот курс на филологических факультетах нашей страны, так и студентам при усвоении ими основ лингвистических знаний.

Вместе с тем хотелось бы указать на некоторые спорные и недостаточно раскрытые положения и отдельные досадные промахи и ошибки, которые, к сожалению, имеются в учебнике. Так, например, во «Введении» (§ 2) автор совершенно правильно указывает

[1] Здесь и в дальнейшем в скобках даются ссылки на страницы рецензируемого учебника.

на то, что исторический подход к фактам языка есть единственно научный подход. Но без развертывания этого в сущности правильного положения может возникнуть вопрос, как же в таком случае расценивать лингвистические работы описательного характера, например, новую академическую «Грамматику русского языка»? Приходится допустить возможность аспектов изучения явлений языка в их относительной статике, не отнимая у них права на научность, если описание фактов синхронной системы языка будет соответствовать действительности. Следовало бы при этом также добавить, что до появления сравнительно-исторического метода языковые явления вообще изучались без исторического аспекта, что вело к убеждению о неизменности языковых фактов. Именно в этом основной порок так называемого «донаучного» периода развития языкознания.

Совершенно правильно указывая (гл. II, § 7), что «отдельное лицо не в состоянии ни создать язык, ни изменить его...» (стр. 28), автор должен был хотя бы в общих чертах сказать о причинах языковых изменений. Наряду с объективными и тотальными изменениями системы языка, могут быть случаи распространения новшеств из более или менее локализованных очагов на территории распространения того или иного языка. Кроме того, не точно выражение, будто бы отдельное лицо «не в состоянии использовать наличные языковые факты по своему усмотрению». В известных рамках такое использование возможно, в противном случае мы должны будем прийти к абсолютному отрицанию роли художников слова — великих писателей, ораторов, поэтов и т. д.

Может вызвать споры и изложение § 8 «Язык и мышление». Правильно указывая, что «готовых, определившихся, расчлененных мыслей не бывает, пока они не найдут словесного выражения» (стр. 28), А. С. Чикобава утверждает, что в сознании до выражения в речи имеется только содержание мысли. Но в таком случае почему же это содержание каждый раз облекается в определенные структурные формулы, понятные для окружающих, для лиц, говорящих на том же языке? Очевидно, помимо содержания мысли, имеется какое-то представление образца и способа ее расчленения. На этот сложный вопрос автор не дает никакого ответа.

В § 11 «Что составляет основу конкретного языка?» А. С. Чикобава неверно, с нашей точки зрения, определяет основной словарный фонд как наиболее древнюю и наиболее необходимую часть словаря. Здесь явно создается впечатление о том, что основной словарный фонд — величина постоянная. Буквально на этой же странице автор утверждает, что «основной словарный фонд не есть величина раз навсегда данная: изменения языка затрагивают и слова основного словарного фонда» (стр. 33). Для читателя остается неясным, происходят ли изменения в пределах древней и наиболее необходимой части словаря, или эта часть увеличивается в количественном отношении. Чисто голословным является утверждение автора на стр. 34 о том, что «грамматический строй возможен без морфологии, но не без синтаксиса». Вопрос об абсолютной аморфности китайского языка, взятого в качестве примера, нуждается в серьезном предварительном обсуждении и, во всяком случае, в существенных оговорках.

Нельзя признать удачными иллюстрации слов, относимых к классовым жаргонам (стр. 47). Слово классового жаргона обычно является достоянием этого жаргона. Если рассматривать слова *господин* и *товарищ* только с точки зрения их активной или пассивной роли в словарном запасе рабочего, то нельзя еще прийти к заключению о принадлежности их к тому или другому классовому жаргону, поскольку это слова общенародного языка. Различие некоторых аспектов употребления слов здесь явно отождествляется с критериями принадлежности слов к классовым жаргонам.

Нет достаточной ясности в определении языка как системы. А. С. Чикобава явно делает акцент на упорядоченности языковых фактов (пример с расставленными партами), рассматривая язык как совокупность закономерных формул. И лишь мимоходом, на стр. 59, упоминает о системе, «составные части которой находятся в определенной, закономерной связи друг с другом». Между тем эту взаимосвязь можно бы было продемонстрировать на конкретных примерах, взяв хотя бы такой факт в тюркских языках, как закон порядка слов: определение + определяемое и связанные с ним явления: притяжательные суффиксы, изафетная конструкция, возможность использования существительных в роли прилагательных, отсутствие определительных и обстоятельственных придаточных предложений и многое другое.

Неправомерно в § 20 «Социальные диалекты и жаргоны» автор рассматривает так называемые «профессиональные диалекты» в одном ряду с классовыми диалектами, не указывая на их довольно существенное различие. Бытующие в «профессиональных диалектах» слова — общественно полезны и необходимы. Некоторые из них переходят в общенародный язык, например *рубанок* и т. п. Поэтому необходимо разграничивать профессиональную лексику, не имеющую жаргонного характера, и профессиональную лексику жаргонного характера (например, язык офеней).

В § 21 «Язык как историческая категория» примеры можно было бы дать из области различных языков, например: древненемецкого и современного немецкого, латинского и испанского, древнеанглийского и современного английского.

В § 22 «Основные вопросы развития языка...» явно сбивает с толку читателя формулировка—«новые закономерности развития языков, таким образом, обусловлены новыми

закономерностями развития общества» (стр. 79), хотя она дается с известными оговорками. Крайне неясно и противоречиво определение внутренних законов, данное в § 23 «О внутренних законах развития языка»: «Под внутренними законами развития языка понимается все многообразие формул изменений словарного состава и грамматического строя, звукового состава и звуковых процессов, значений слов и выражений,— изменений, несводимых к изменениям в базисе» (стр. 81). Здесь совершенно не учтены результаты дискуссии по вопросу о внутренних законах, организованной Институтом языкознания АН СССР в январе 1952 г., где было установлено, что внутренний закон не сводим к правилам, что он шире отдельных правил. Отдельные правила могут быть проявлением внутреннего закона. Следующее далее утверждение еще более запутывает сущность этого вопроса: «Изучать эти изменения со всей точностью и во всей полноте по всем языкам и, обобщая, выявлять закономерности развития, основные тенденции развития — вот что требуется смыслом понятия „внутренние законы развития“». Совершенно непонятно, выражаются ли внутренние законы в формулах изменения или в общих тенденциях языкового развития. Далее указывается, что «внутренние законы развития строятся на частных формулах и ведут к общим закономерностям, характеризующим основные линии развития языков» (стр. 81). Что в данном случае имеет в виду автор, говоря об общих закономерностях и тенденциях развития языков, для читателя совершенно неясно.

Автор учебника тенденцию к упрощению морфологии и развитие от паратаксиса к гипотаксису склонен рассматривать как общий внутренний закон развития языков (стр. 82). Между тем тенденция к упрощению морфологии, как известно, не является всеобщей, так же как тенденция развития от паратаксиса к гипотаксису неизвестна многим языкам мира. Вообще нужно заметить, что этот параграф автору явно не удался.

Очень общо и суммарно изложен § 24 «О темпах развития языка». «Темпы развития языка зависят от темпов развития общества»,— утверждает А. С. Чикобава (стр. 85), указывая при этом, что основной словарный фонд и грамматический строй развиваются вообще медленно. Между тем степень устойчивости основного словарного фонда и грамматического строя языка в зависимости от разных исторических условий также может быть не одинаковой: ср. степень сохранности латинского основного словарного фонда во французском языке и степень сохранности основного словарного фонда древнегреческого языка в современном новогреческом языке.

В § 26 «Об основных процессах развития языков» заметна тенденция к смешению понятий интеграции и скрещивания. Во-первых, необходимо отличать процессы интеграции в диалектах, при которой возможно даже смешение, от процессов взаимодействия разных языков. Кроме того, не всякое взаимодействие есть скрещивание. Русский литературный язык испытывал влияние со стороны французского, но с этим языком фактически не скрещивался, точно так же бретонский язык во Франции испытывает влияние со стороны французского языка, но не скрещивается с ним. Под скрещиванием понимают процесс взаимодействия языков в случаях заселения одним народом территории другого народа при ассимиляции местного населения (например, греки и эгейские народы, славяне и аборигены русского Севера и т. п.).

На стр. 104 перечень языков народностей и языков социалистических наций может вызвать возражения. Так, например, к языкам народностей отнесены такие языки, как мордовский и коми, хотя носители этих языков в настоящее время считают себя социалистическими нациями. Недостаточно четко проведено различие между литературным языком до образования нации и литературным языком после образования нации. Что означают понятия общенационального и общенародного языка и какая между ними разница,— на все эти вопросы читатель не находит исчерпывающего ответа.

Не совсем точно выражение «литературный язык, как правило, бывает один»; ср., например, такие исключения, как: эрзя и мокша — мордовские литературные языки, иронский и дигорский — осетинские литературные языки, луговой и горный — марийские литературные языки[2].

Наибольшее количество неточностей содержит глава «Фонетика». Эта часть курса, как показывает практика преподавания, наиболее трудно усваивается студентами. Между тем раздел о классификации звуков изложен в учебнике излишне сжато и слишком конспективно. Следовало бы изложить его более подробно и стройно, снабдив таблицами и подробными объяснениями. Пока же для русского читателя остается совершенно непонятным, например, произношение фарингальных *хъ* и *къ* (стр. 156) и абруптивов *n'*, *m'* и т. д. (стр. 158), поскольку автор учебника не дает никаких указаний на этот счет.

Недостаточно четко сформулировано в § 44 различие между долгими и краткими гласными: «Разница между ними количественная: артикуляция долгих гласных может быть вдвое продолжительнее артикуляции кратких» (стр. 152; разрядка моя.—

[2] В настоящее время в Северо-Осетинской и Марийской АССР литературные языки развиваются на базе одного диалекта.

Б. С.). Ничего не сказано о качественных различиях между ними, вследствие чего остается непонятным, почему же в истории языков развитие древних долгих и кратких гласных часто приводит к неодинаковым результатам. Следовало бы также указать на качественные различия между краткими и долгими гласными, например, в современном чешском языке.

Явно неудачным получился § 45 «Дифтонги и трифтонги». Утверждение автора, что один из составляющих дифтонг гласных является кратким, нуждается в поправках. В действительности один из гласных дифтонга всегда оказывается носителем слогового ударения, а другой — лишен этой слогообразующей функции. Возражения вызывает приводимый автором пример восходящего дифтонга: в немецком *ja* «да» *j* вообще не является гласным. «З а м е щ е н и е м, или с у б с т и т у ц у е й,— указывает А. С. Чикобава на стр. 167,— называется замена звука ближайшим — по артикуляционным свойствам — звуком». И тут же приводится греческое *kathedra*, которое в русском звучит как *кафедра*. В действительности русское *ф* является субститутом не древнегреческого *th*, а византийского ϑ (межзубного *с*). На стр. 168 автор к редуцированным звукам относит только звуки, находящиеся в неударной позиции, хотя в некоторых языках, например в чувашском и албанском, редуцированные звуки могут находиться под ударением.

Вызывают досаду довольно многочисленные случаи, на первый взгляд мелких, но недопустимых в учебнике оплошностей. Укажем лишь на некоторые.

Очевидный казус произошел с примером на трифтонг: *eye* в английском *twenty-storeyed* произносится как *i* (стр. 153). Неточно транскрибированы и английские слова *newspaper*, *Shakespeare* (стр. 179). Русские *ч*, *ш* ошибочно названы аспиратами (стр. 155). Чередования звуков типа *бросать — брошу*, *свет — свеча* относятся не к звуковым изменениям общего характера (так называемым спонтанным), как утверждает автор (стр. 169), а к комбинаторным. Не вызывалась никакой необходимостью в применении к фактам диалектной фонетики русского языка замена привычной формы термина «чоканье» формой «чаканье» (стр. 168, см. также стр. 62).

Недостаточно ясно изложено в книге учение о фонеме, не приведены в качестве иллюстрации необходимые примеры, тем более, что само определение фонемы у автора отличается от определения, обычно даваемого фонетистами. Слишком бегло и суммарно изложена история письма. Ничего не сказано об особенностях семитского языка финикийцев как основной причине появления звукового письма и о реформе финикийского алфавита, произведенной греками.

Совершенно правильно в рецензируемом учебнике значительное место отведено генеалогической классификации языков. Изучение родственных связей между языками совершенно игнорировалось и даже отвергалось «новым учением» о языке. Советское же языкознание, освобожденное от аракчеевского режима марровцев, этому вопросу уделяет большое внимание.

Глава, посвященная классификации языков, в методическом отношении очень трудна. Классификация большого числа языков легко может превратиться в их простой перечень. Автору не удалось классификацию языков наполнить живым и конкретным материалом, сведениями о территориальном распространении языков, об их строе, истории и т. д. А. С. Чикобава предполагал (см. «Предисловие», стр. 8) дать более или менее подробную лингвистическую характеристику упоминаемых языков, а также схематические карты их территориального распространения. Следует пожалеть, что намерение автора осталось неосуществленным. Это сделало бы данную главу более живой, содержательной и конкретной. Нужно надеяться, что автор при последующих изданиях учебника подвергнет главу о классификации языков дополнительной обработке в этом направлении.

Укажем и на ряд частных недостатков в главе. Не всегда удачны наименования языков и языковых групп, которыми пользуется автор. На стр. 199 употреблен совершенно устарелый и в настоящее время оставленный языкознанием термин «алтайская, или туранско-монгольская семья языков». Неудачно название *гуджарат* вместо *гуджарати* или *гуджаратский язык* (стр. 201); вместо *пракрит* лучше употреблять множественное число *пракриты*, так как под этим термином понимается не один язык, а совокупность нескольких языков; на стр. 211 албанский язык назван *шкапитарским* вместо наименования *шкипетарский*, употребляющегося иногда наряду с наименованием *албанский*. Не следует обычное наименование *палеоазиатские языки* заменять неупотребительным *палеоазийские*.

Можно указать и на ряд неточностей и даже ошибок в сведениях о территориальном распространении отдельных языков. О курдском языке говорится, что он распространен на территории Ирана и Турции; почему-то забыты курды Ирака и СССР. Тут же ошибочно указывается, что курдский язык является бесписьменным. Неверно указывается и территория распространения ретороманского языка: та часть Тироля, где живут ретороманцы, находится в Италии, а не в Австрии; к тому же совершенно забыта основная территория расселения ретороманцев — Италия. Неверно указано, что население Черкесской АО говорит на адыгейском языке. Без достаточных оснований татский и талышский языки рассматриваются как диалекты персидского (стр. 203), карельский

язык — как диалект финского. Неверно указывается, что государственным языком Чехословакии является только чешский.

В некоторых случаях ошибочно интерпретируются факты отдельных языков. В сноске к стр. 185 неправильно переведено арабское *katabata* как «он убил ее»: корень *ktb* означает «писать», а не «убить». Существенная ошибка имеется и в сноске к стр. 84: вместо примеров на верхненемецкое передвижение согласных ошибочно даны примеры грамматического чередования, основанного на законе Вернера. Неверно утверждение на стр. 212, что в армянском языке винительный падеж выражается префиксом. Элемент *z*, употреблявшийся в грабаре, служил главным образом для целей выражения определенности существительного в роли прямого дополнения. Сейчас этого префикса нет. Краткая характеристика финно-угорских языков на стр. 216—217 содержит неточности. Наличие, наряду с субъектным, спряжения объектного характерно только для мансийского, хантыйского, венгерского и мордовского языков. В остальных языках его не существует. Имя и глагол в этих языках дифференцированы довольно отчетливо.

Неточно и утверждение автора, что все угро-финские языки относятся к агглютинативным: в финском языке, в частности, элементы флективности довольно значительны. § 70 «Некоторые особенности индоевропейских языков» (стр. 213—214) изложен слишком кратко и бледно. Здесь бы следовало дать более подробную лингвистическую характеристику индоевропейских языков, имея в виду не только общие черты их строя, но и те различия, которые возникли в процессе их развития.

Иногда автор затрагивает частные вопросы, которым не место на страницах учебника. Например, не следовало бы здесь решать в категорической форме и вопрос об иберийско-кавказском характере хеттского языка, остающийся в настоящее время спорным. Все указанные погрешности в известной мере снижают значение этой в общем полезной и методологически выдержанной книги.

Автор сознает в полной мере исключительную трудность и ответственность составления учебной книги по «Введению в языкознание» на основе положений сталинского учения о языке. В «Предисловии» А. С. Чикобава говорит: «без помощи коллектива советских языковедов найти должное решение задачи немыслимо» (стр. 9).

Критика первой части «Введения в языкознание» приблизит нас к созданию учебной книги, стоящей во всех отношениях на должном методологическом и методическом уровне. Советская высшая школа получила первую часть долгожданного учебника, основанного на положениях сталинского учения о языке. Наша цель — способствовать дальнейшему улучшению этого необходимого для наших гуманитарных вузов учебного пособия.

Б. А. Серебренников

Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Сб. статей. Под ред. В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова.— М., Изд-во АН СССР. (Ин-т языкознания). Ч. I — 1951. 432 стр. Ч. II—1952. 502 стр.

Так называемое «новое учение» о языке акад. Н. Я. Марра нанесло огромный ущерб развитию советского языкознания. Н. Я. Марр, а вслед за ним и его последователи подменяли положения классиков марксизма-ленинизма идеалистическими по существу положениями о сущности языка, его происхождении и развитии, о связи его с мышлением, обильно оснащая свои работы псевдомарксистской фразеологией. Учение Н. Я. Марра по ряду важнейших вопросов представляло собой вульгаризацию и упрощение марксизма. Навязанное с помощью аракчеевского режима, это учение глушило свободную мысль, творческие искания советских языковедов. «Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого „нового учения" в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания»[1]. Создалась обстановка, при которой была невозможной борьба мнений, свобода критики, обстановка, порождавшая начетничество, талмудизм и приспособленчество.

Н. Я. Марр и его последователи высокомерно третировали все предшествовавшее языкознание, тем самым снимая вопрос об освоении и творческом развитии научного наследия. «Послушать Н. Я. Марра и особенно его „учеников", можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого языкознания, что языкознание началось с появлением „нового учения" Н. Я. Марра. Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период»[2].

Отрицая принципы исследования, выработанные предшествующей наукой, игнорируя методы строго научного изучения фактов языка, Н. Я. Марр и его ученики прививали молодежи нигилистическое отношение к фактам, способствовали распространению верхоглядства и пустословия, созданию всякого рода скороспелых и нео-

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 31.
[2] Там же, стр. 34.

боснованных схем, и этим превращали науку, по яркому и образному выражению И. В. Сталина, в гадание на кофейной гуще.

В гениальных работах И. В. Сталина по вопросам языкознания дан глубокий марксистский анализ всех основных проблем советского языкознания, со всей очевидностью выявлена беспочвенность «нового учения» о языке и полная несовместимость его с основными принципами языкознания, основанного на трудах Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Гениальное произведение товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» помогло советским языковедам разобраться в грубейших заблуждениях Марра и встать на путь коренного преобразования науки о языке и развития ее на подлинно научной основе, на основе марксизма-ленинизма.

Критика «нового учения» о языке и преодоление того вредоносного влияния, которое оно оказало на советское языкознание,— чрезвычайно важная и ответственная задача, сохраняющая в полной мере свое значение и в наши дни. Кое-кто начинает думать, что марризм уже уничтожен и что борьба с ним будто бы уже потеряла смысл. Но это совершенно не так: многие из марровских ошибок (отрицание сравнительно-исторического метода, злоупотребление семантикой, априорный схематизм, вульгарное социологизирование и др.) проявили большую живучесть, получили широкое распространение, оказав влияние и на тех языковедов, которые, казалось бы, были очень далеки от лагеря марровцев.

Институт языкознания Академии наук СССР, созданный в результате падения аракчеевского режима марровцев, в качестве одной из первых больших работ взял на себя создание коллективного сборника, посвященного разоблачению «нового учения» о языке и критике основных ошибок Н. Я. Марра в различных областях языкознания. Опубликование двух томов рецензируемого сборника является несомненной заслугой института, который сумел за сравнительно короткое время подготовить к печати этот обстоятельный труд. Первый том сборника вышел в 1951 г. к знаменательной годовщине со дня опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Ко второй годовщине вышел второй, последний, том сборника.

Первый том в основном посвящен разоблачению ошибок Н. Я. Марра и его учеников в области общего языкознания и русского языка. Том включает статьи, в которых подвергнуты критическому разбору с позиций сталинского учения о языке положения Н. Я. Марра: о классовости языка (В. П. Сухотин), о происхождении языка (А. В. Десницкая), о теории стадиальности в развитии языка и мышления (В. В. Виноградов), а также статьи о так называемых семантических законах Н. Я. Марра (В. А. Звегинцев), об отношении истории языка к истории материальной культуры в трактовке марровского направления (Б. В. Горнунг), о понятии грамматической категории у Н. Я. Марра и его последователей (Н. С. Поспелов).

Русского языка касаются статьи об ошибках сторонников «нового учения» по вопросам синтаксиса русского языка (Н. Ю. Шведова), по вопросу о происхождении и истории русского языка (В. Д. Левин и Ф. П. Филин), по вопросам диалектологии (Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова), по вопросам русской лексикологии (Е. Т. Черкасова).

Критике работ Марра в области романо-германских языков посвящены статьи В. Ф. Шишмарева и К. А. Левковской, об ошибках последователей Марра по абхазо-адыгским языкам говорится в статье Г. В. Рогава. Статья О. С. Ахмановой посвящена критике ряда марровских работ (И. И. Мещанинова, И. Р. Гербач, М. М. Гухман) с точки зрения методов и приемов исследования[3].

Так же богат и разнообразен по содержанию и второй том сборника. Ряд статей посвящен критике работ марровского направления по сравнительно-историческому изучению языков (статьи А. С. Чикобава, Т. С. Шарадзенидзе, Б. В. Горнунга, В. М. Жирмунского, П. С. Кузнецова, М. М. Гухман), по вопросу о смешении языков (С. Б. Бернштейна, Ю. Д. Дешериева), по вопросам грамматики (О. П. Суника, В. Н. Ярцевой, Е. М. Галкиной-Федорук, М. Н. Петерсона), по вопросам письма и орфографии (А. Б. Шапиро).

---

[3] На первый том сборника в печати было дано несколько рецензий. Среди них прежде всего необходимо упомянуть рецензию С. Г. Бархударова («Большевик», М., 1951, № 23, стр. 74—80). Эта рецензия отмечает большую актуальность сборника, но вместе с тем указывает и на ряд его недостатков: перегруженность цитатами из работ Н. Я. Марра и его последователей и наличие многих повторений. В рецензии также отмечается, что бывшие сторонники Марра, принявшие участие в сборнике (в частности, А. В. Десницкая и Ф. П. Филин), не проявили должной самокритичности. Следует еще указать на рецензию Г. Д. Санжеева и П. Я. Черных («Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 1, стр. 76—85), которая также в целом положительно оценивает сборник, отмечая вместе с тем некоторые недостатки отдельных статей. См. также в том же выпуске «Известий» (стр. 90—96) обзор обсуждения первого тома сборника в ленинградских секторах Института языкознания.

Ошибкам Марра в области отдельных языков и языковых групп посвящены статьи о языках народов Севера (В. А. Аврорина и П. Я. Скорика), об армянском языке (И. К. Кусикьяна), о горских языках Дагестана (Ш. И. Микаилова), об абхазском языке (А. А. Кварчелия), о чувашском языке (В. Д. Аракина), об угро-финских языках (В. И. Лыткина).

Уже один перечень большого числа критических статей, помещенных в двух томах сборника, говорит о значительности проделанной авторами работы. Ознакомление с содержанием статей со всей убедительностью показывает, как велики ошибки Марра и его последователей, как велик ущерб, нанесенный советскому языкознанию «новым учением» о языке, какая большая работа нужна по ликвидации тех тяжелых последствий, которые оставил после себя марризм.

Центральное место в первом томе сборника занимает статья акад. В. В. Виноградова «Критика антимарксистских концепций стадиальности в развитии языка и мышления (1923—1940)». Автор статьи убедительно показывает, как Марр и его последователи безуспешно пытались облечь в какие-либо конкретные формы априорно выдвинутую теорию стадиальности. Сторонники этой теории пытались опереться и на факты лексики и семантики, и на факты морфологии, и на те или иные особенности синтаксического строя; выдвигались и совершенно фантастические схемы стадиального развития мышления. Но, конечно, эта с начала до конца умозрительная теория не могла быть ничем обоснована, потому что она не вытекала из фактов, потому что строилась она при прямом пренебрежении к фактам. Марр и его последователи не нашли ничего, что могло бы подтвердить теорию стадии, они не смогли даже дать какой-либо более или менее устойчивый перечень этих стадий. Хаос в вопросе о стадиях дошел до того, что И. И. Мещанинов под конец отказался говорить об определенных стадиях, говоря лишь о принципе стадиальности, о стадиальных переходах. И. В. Сталин сорвал со стадиальной теории ореол научности и этим освободил советское языкознание от мертвящей догмы, подменявшей научное изучение исторического развития языка прокрустовым ложем надуманных стадиальных схем.

Статья В. В. Виноградова наглядно показывает, в каком вопиющем противоречии со сталинским учением о языке находится стадиальная теория, какой разброд, какие шатания переживал лагерь марровцев в вопросе о стадиальности, как стадиальная теория зашла в тупик, из которого уже не могло быть никакого выхода. В. В. Виноградов доводит обзор теорий стадиальности только до 1940 г. И это очень жаль, так как именно в послевоенные годы стал особенно наглядным кризис стадиальной теории, достигли крайнего предела разброд и шатания ее сторонников.

Вопрос о стадиальности развития языка тесно связан с учением Н. Я. Марра о единстве глоттогонического процесса, которому во втором томе посвящена специальная статья Б. А. Серебренникова «Критика учения Н. Я. Марра о единстве глоттогонического процесса». В статье дан исторический обзор взглядов акад. Марра по этому вопросу и показано, что уже в работах Марра, относящихся к первому периоду его деятельности, содержится зародыш тех антинаучных положений (учение о скрещении языков, отрицание замкнутости языковых групп и др.), которые в послереволюционных работах акад. Марра стали неотъемлемой частью его «нового учения» о языке.

Одним из существенных недостатков первого тома следует считать отсутствие в нем специальной статьи, в которой была бы рассмотрена трактовка марровцами вопроса об отношении языка и общества и прежде всего положение о языке как идеологической надстройке, лежащее в основе почти всех антимарксистских построений Марра. И. В. Сталин дал суровую оценку пониманию языка как надстройки: «...а) марксист не может считать язык надстройкой над базисом; б) смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьезную ошибку»[4]. В сборнике нет статьи, в которой эта серьезная ошибка подверглась бы специальному разбору. Статья В. П. Сухотина разбирает только одну сторону вопроса — учение о классовости языка. Статья Б. В. Горнунга касается лишь некоторых вопросов об отношении истории языка к истории материальной культуры. Лишь частично затрагивают эту тему статьи, посвященные учению о стадиальности. Между тем вопрос настолько важен, заблуждения Марра в этой области так велики, что специальная статья, вскрывающая ошибки этого рода, была совершенно необходима.

Во втором томе сборника прежде всего выделяется полнотой разбора цикл статей, посвященных родству языков и связанному с этим понятием сравнительно-историческому методу. Н. Я. Марр решительно отвергал возможность применения сравнительно-исторического метода, рассматривая родство языков не как результат их единого происхождения, а как близость, возникшую в процессе стадиальных переходов и скрещения разносистемных языков. Н. Я. Марр третировал сравнительно-исторический метод в языкознании как идеалистический, будто бы основанный на теории расизма, к которой этот метод никакого отношения не имел. В устах Марра «индоевропеист» и «индоевропеистика» были презрительными кличками, так как они указывали на срав-

[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

нительно-историческое изучение родственных друг другу индоевропейских языков. В течение долголетнего господства марровцев сравнительно-историческое изучение родственных языков у нас совершенно прекратилось. Особенно в тяжелом положении оказалось изучение близко родственных русскому языку славянских языков. И. В. Сталин в своем труде специально остановился на этом вопросе. «Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории „праязыка". А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»[5].

В статье Б. В. Горнунга «О критике Н. Я. Марром основ сравнительно-исторического языкознания» удачно показано, что Марр имел совершенно извращенное представление о сравнительно-историческом методе, что его критика поэтому научно несостоятельна. Огульное же отрицание Марром сравнительно-исторического метода препятствовало выяснению действительно свойственных этому методу недостатков. Статьи Т. С. Шарадзенидзе «Стадиальная классификация языков Н. Я. Марра в свете учения И. В. Сталина о языке», В. М. Жирмунского «Лингвистическая палеонтология Н. Я. Марра и история языка», П. С. Кузнецова «Ошибки Н. Я. Марра в его взглядах на родство и историческое развитие языков» и М. М. Гухман «Критика взглядов Н. Я. Марра по вопросам родства языков» убедительно развертывают критику взглядов Н. Я. Марра на родство языков, на их историю и на методы их сравнительного изучения. Хорошо показаны произвольность сопоставлений, которыми оперирует Марр, их надуманный и фантастический характер. Марровским априорным построениям противопоставлены материалы реально существующих языков, документально засвидетельствованные факты истории языков, накопленные рядом поколений ученых в процессе тщательного, методически продуманного их изучения.

Статья А. С. Чикобава «К вопросу об историзме в языкознании в свете трудов И. В. Сталина» с полной убедительностью выявляет всю антиисторичность «нового учения» о языке Н. Я. Марра, указывая при этом на то, что «антиисторизм — знамя современной буржуазной идеалистической лингвистики». Хорошо показано, как антиисторизм у де Соссюра и его идейных последователей — структуралистов — тесно связан с идеалистическими представлениями о языке.

Убедительно раскрыта и вся абсурдность лингвистической теории Гюнеш-Дил, но, может быть, подробный и систематический анализ учения Марра об элементах был бы не менее поучительным. Ведь в сборнике хотя и очень много говорится о марровских элементах, нигде вместе с тем не дан полный анализ этого учения. Ссылка на самоочевидную абсурдность элементного анализа никак не может быть признана достаточным аргументом против необходимости специальной критической статьи на эту тему. Наоборот, такая статья оказалась бы одним из наиболее эффективных средств для полной научной дискредитации лингвистической теории Н. Я. Марра.

Вслед за циклом статей, посвященных вопросу об изучении родственных языков, следуют статьи С. Б. Бернштейна и Ю. Д. Дешериева о проблеме языковых смешений и о марровском учении о скрещении языков. Как известно, Марр считал, что все языки земного шара являются скрещенными и что в процессе этого скрещения и возникает родство языков. Статьи показывают, что эти утверждения совершенно произвольны и противоречат фактам языковой истории. С. Б. Бернштейн приводит данные, говорящие о том, что в своих положениях Марр исходит из утверждения К. Каутского, который не разделял взглядов Энгельса на развитие языков в эпоху родового строя и утверждал, что языки всегда развиваются путем скрещения. В статьях С. Б. Бернштейна и Ю. Д. Дешериева приводится интересный материал, свидетельствующий о том, насколько произвольны такого рода утверждения. Статьи дают материал (С. Б. Бернштейн — по славянским языкам, Ю. Д. Дешериев — по языкам Кавказа), хорошо иллюстрирующий положение И. В. Сталина о языковом скрещивании. «Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»[6].

Ряд статей в сборнике посвящен вопросам грамматики. Вслед за статьей Н. С. Поспелова «Понятие грамматической категории у Н. Я. Марра и его последователей», помещенной в первом томе, во втором томе даны статьи О. П. Суника «Критика взглядов Н. Я. Марра на грамматику», В. Н. Ярцевой «Смещение лексики с грамматикой в „теории" Н. Я. Марра», Е. М. Галкиной-Федорук

[5] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33—34.
[6] Там же, стр. 29—30.

«Критика учения Н. Я. Марра о членах предложения и частях речи» и М. Н. Петерсона «Эклектизм и антиисторизм взглядов И. И. Мещанинова на члены предложения и части речи».

Статьи дают большой материал для суждения об ошибках акад. Марра в области грамматики, взаимно дополняя друг друга, но, к сожалению, очень часто и повторяя одно и то же. Как известно, в отношении грамматики Н. Я. Марр проявил такой же бессмысленный и тупой нигилизм, как и в отношении других отраслей языкознания. Его призыв к уничтожению традиционной грамматики и созданию совершенно новой, «идеологической», «материалистической», трудно представить себе как реальную программу действий. Очевидно, плохо представлял себе все это и сам Марр. Однако из отдельных его высказываний все же можно вывести заключение о том направлении, которым ему хотелось идти, о том понимании грамматических явлений, которого он придерживался.

Грамматику Н. Я. Марр вульгаризаторски сводил к отображению экономического строя и производственных отношений. Морфология речи, как он говорил, отражает морфологию общественного строя. Степени сравнения Марр рассматривал как отложения названий различных сословий, род имен существительных он связывал с матриархатом и патриархатом. Чуть ли не все грамматические категории, части речи, члены предложения, по Марру, восходят к пресловутому тотему. Марру, очевидно, казалось, что это и есть борьба с «формализмом», с «отрешенностью грамматики от общественности», о чем он без устали говорил. Но борьба с формализмом фактически превратилась у Марра в борьбу с грамматикой. «Н. Я. Марр и его „ученики“ обвиняют в „формализме“ всех языковедов, не разделяющих „новое учение“ Н. Я. Марра. Это, конечно, несерьезно и неумно.

Н. Я. Марр считал грамматику пустой „формальностью“, а людей, считающих грамматический строй основой языка — формалистами. Это и вовсе глупо»[7]. И. В. Сталин показал, что борьба Марра с «формализмом» привела его к злоупотреблению семантикой, к отрыву значений от звуковой материи, мышления от языка, привела его в болото идеализма.

Ученики и последователи Н. Я. Марра пытались найти в «трудмагической тарабарщине» какое-то рациональное зерно, придать отдельным его положениям видимость логически последовательных и научно доказуемых. В этом отношении О. П. Суник неправ, утверждая в своей статье, что «тот из сторонников „нового учения“ о языке, кто занимался или хотя бы пытался заниматься грамматическими исследованиями, вынужден был по существу отходить не только от общих установок Н. Я. Марра, требовавших прямой ликвидации всякой „так называемой“ грамматики, но и от множества частных „смущающих“ построений и выводов Н. Я. Марра по вопросам грамматики» (стр. 341). Конечно, никому не удавалось и не могло удаться следовать всем марровским положениям сразу, так как высказывания Н. Я. Марра не представляли единой последовательной и продуманной системы, будучи чрезвычайно отрывочными, запутанными и противоречивыми. Но его основные идеи развивались его учениками, причем одни из них развивали грамматические взгляды Н. Я. Марра в плане палеонтологии, генезиса тех или иных грамматических явлений, другие же в плане дематериализации грамматики, злоупотребления семантикой («понятийные категории» И. И. Мещанинова, «скрытая морфология» С. Д. Кацнельсона и т. д.). Этот второй план разработки грамматических вопросов у Н. Я. Марра и его последователей циклом статей сборника, посвященных грамматике, представлен довольно полно. Первый же, палеонтологический план освещен в сборнике слабее, к тому же преимущественно в статьях, касающихся этого вопроса лишь попутно.

Богатый и интересный материал содержится в статьях, посвященных ошибкам Н. Я. Марра, допущенным им в области изучения отдельных языков. Перечень этих фактических ошибок, проявлений научной неряшливости и даже неграмотности производит огромное впечатление. Н. Я. Марр совершенно незаслуженно рекламировался его последователями как исключительный знаток языков. Он действительно в своих работах оперирует материалами огромного количества языков, но большую часть из них Н. Я. Марр знал поверхностно. Сплошь и рядом он судил о языке лишь по нескольким словам, подхваченным им случайно, иногда с грубыми фонетическими и смысловыми ошибками.

Если серьезным недостатком надо считать те ошибки, которые делал акад. Марр в отношении мало изученных языков, то совершенно непростительны ошибки в отношении языков, диалектология, история, родственные связи которых хорошо изучены, по которым имеются словари, грамматики, большая научная литература. Яркие примеры того, как легкомысленно оперировал акад. Марр фактами русского языка, игнорируя его документально засвидетельствованную историю, приводит в своей статье В. Д. Левин (I т.). Сравнивая русское слово *мука* с груз. *tuqa* «дуб», русск. *язык* с этническим названием *ясы*, Марр не учитывал, что древнейшей формой этих слов были *мѫка*, *ѩзыкъ* с носовыми гласными; выделяя в нем. *Himmel* «небо» и русск. *земля*

[7] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 41—42.

общий элемент *мел*, Марр также не учел, что в русском слове корнем является *зем*, а *л* возникло лишь в результате смягчения губных (*mj*>*ml*, аналогично *bj*>*bl*, *pj*>*pl*); совершенно карикатурно выглядит и выделение в слове *огонь* основы *гон*, в то время как древнейшей формой этого слова был *огнь*, а *о* (между *г* и *н*) возникло в результате падения редуцированных.

Чрезвычайно показательны ошибки Н. Я. Марра фактического порядка в области романо-германских языков, приведенные в статьях В. Ф. Шишмарева и К. А. Левковской. Так, например, совершенно анекдотична попытка Н. Я. Марра рассматривать *dt* в слове *Stadt* как стяжение *deutsch* (// *deut*), так как *dt* представляет собой чисто орфографическое явление, используемое начиная с XVI в. для различения на письме омонимов *Stadt* «город» и *Statt* «место». Сравнительно поздно возникшее в немецком языке обозначение долготы через *h* акад. Марр так же наивно рассматривает как самостоятельную фонему и основывает на этом свои вымышленные этимологии: *rühren* «касаться», русск. *рука* (<*рѫка*), *рушить*.

Неосведомленность в тюрко-татарских языках проявил Н. Я. Марр и в привлекаемых им чувашских примерах, как это показывает В. Д. Аракин в своей статье, богатой фактическим материалом. Можно привести, в частности, сопоставление Марром франц. *porter* с чуваш. *por* «есть, имеется», которое игнорирует связи франц. *porter* с лат. *portare*, а чуваш. *por* с тюркскими *бар*, *вар*. В. Д. Аракин приходит к выводу, что «буквально ни одно утверждение Н. Я. Марра, касающееся чувашского языка, не выдерживает критики».

Обильна убедительными примерами и статья В. И. Лыткина, который указывает на совершенно произвольные приемы Н. Я. Марра в использовании фактического материала финно-угорских языков. Его не интересует реальная история слов, потому что она мешает его произвольным сопоставлениям. Иногда Марр просто не знал фактов, иногда же он сознательно их игнорировал.

Особенно любопытны примеры из различных языков Кавказа, приведенные в статьях Ш. И. Микаилова, А. А. Кварчелия и К. И. Кусикьяна. Акад. Марр, хотя и был кавказоведом по специальности, пользовался кавказскими материалами часто совершенно произвольно, допуская иногда грубые фактические ошибки. Показательно использование Марром дидойского слова *ригу* «хороший» для сопоставления с лат. *lux* «свет»; при этом он совершенно не считается с тем, что *р* в слове *ригу* является переменным классным показателем (*ригу*, *бигу*, *йигу*, *игу*). Подобных примеров произвольного использования материалов кавказских языков упомянутые статьи дают очень много[8].

Сборник «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» в борьбе за освобождение советского языкознания от ошибок акад. Марра безусловно сыграет значительную роль. Читатель-языковед в сборнике найдет большой, разнообразный и хорошо документированный материал, убедительно раскрывающий методологическую порочность и научную несостоятельность так называемого «нового учения» о языке во всех основных отраслях языкознания.

Ознакомление с рецензируемым сборником следует рекомендовать различным категориям читателей. Из него немало поучительного может почерпнуть и начинающий ученый, и молодой аспирант, только вступающий в науку. С большим интересом прочтет его и языковед, в памяти которого свежи печальные времена аракчеевского режима, когда сурово пресекались малейшие попытки критики марровских нелепостей. Но значение сборника не только в том, что он помогает нам заглянуть в недавнее прошлое, не только в разборе того, что уже стало достоянием истории (ведь Марр, конечно, уже вчерашний день в истории советского языкознания!), но и в том, что он оказывается нужным и при разрешении актуальных проблем советского языкознания, осуществляемых в наши дни на основе сталинских указаний о внедрении марксизма в науку о языке. Некоторые из марровских ошибок и заблуждений настолько глубоко проникли в умы, что возможность их рецидива вполне реальна, несмотря на совершенно очевидную, казалось бы, ложность исходных предпосылок марровского учения.

Вот почему следует высоко оценить и методологическое значение, и актуальность рецензируемого сборника. Однако необходимо более подробно указать и на ряд его недостатков. Прежде всего сборник, посвященный критике, не учитывает в должной степени задачи позитивного характера. Недостаточно выявить ошибки Марра, надо указать и пути положительного решения вопроса. Сборник не помогает читателю в должной степени разобраться в таких больших вопросах, как вопрос о связи истории языка с историей народа, вопрос о внутренних законах развития языка, о принципах сравнительно-исторического изучения родственных языков в связи с наличием серьезных недостатков традиционного сравнительно-исторического метода, вопрос о принципах изучения синтаксиса и т. д. Освобождение от ошибок Марра должно

[8] Автор настоящей рецензии должен отметить свою ошибку в брошюре «Краткие сведения о языках Дагестана» (Махач-Кала, Изд-во Дагест. базы АН СССР, 1949), где он приписывал акад. Марру, так же как и акад. Мещанинову, особые заслуги в деле изучения языков Дагестана, для чего на самом деле не было никаких оснований.

было сочетаться с разрешением важнейших положительных задач, стоящих перед советским языкознанием.

В сборнике приняли участие многие языковеды, которые в свое время были последователями акад. Марра или испытали на себе большое влияние его учения. Привлечение таких авторов к участию в критическом сборнике нельзя не признать правильным. Но не все из них прямо и открыто заявили о тех марристских ошибках, которые они в свое время совершили. В печати уже указывалось, что А. В. Десницкая, которая была активным последователем Н. Я. Марра, ни слова не сказала в сборнике о своих прошлых ошибках. Правда, другие участники сборника — бывшие марровцы нашли в себе смелость признать свои ошибки и осудить свои прежние марристские работы, но не все это сделали «во весь голос».

Однако одного признания ошибок далеко еще недостаточно. В сборнике надо было больше уделить места конкретному и подробному анализу важнейших работ последователей Марра. В области германистики, в частности, совершенно недостаточное внимание уделено таким работам, как «Строй готского глагола» М. М. Гухман, «К генезису номинативного предложения» С. Д. Кацнельсона, «Чередование гласных в германских языках» А. В. Десницкой. Специального разбора требуют грамматические взгляды С. Д. Кацнельсона, о которых в сборнике говорилось лишь попутно. Самого Марра критиковать гораздо легче. Теперь, когда ореола непогрешимости вокруг Марра уже нет, вопиющие погрешности против здравого смысла, фантастический характер и полная произвольность огромного большинства его построений очевидны. Работы же «учеников» Марра имеют более наукообразный завуалированный вид и поэтому их антинаучный характер требует иногда специального обнаружения. Вот почему редакция сборника должна была уделить внимание разбору таких работ.

Недостаточное освещение получил в сборнике вопрос об отношении Марра к теме «Язык и современность». Лишь некоторые разделы этой темы разобраны в статье А. Б. Шапиро «Вопросы письма и правописания в работах Н. Я. Марра и его последователей». Такие разделы, как «Язык и школа», «Культура речи», в сборнике остались не освещенными. Следовало бы уделить внимание работам Марра о родстве грузинского языка с семитическими. Больше места надо было дать критике работ Марра по языкам Кавказа. На таких языках, как грузинский, которым Марр занимался больше всего, следовало бы показать неприемлемость его методологии и произвольность многих его утверждений. Не использованы многие работы Марра по языкам Северного Кавказа, в частности, его статья о кабардинском языке. В статье И. К. Кусикьяна недостаточно использованы для критики Марра многочисленные его работы о «яфетических» элементах в языках Армении.

Сборник слишком велик по объему. Это его большой недостаток. В сборнике много совершенно ненужных повторений и ссылок на одни и те же цитаты из Н. Я. Марра. Объем сборника — немаловажный вопрос, потому что с ним непосредственно связан и вопрос о доступности и эффективности самого издания. Вряд ли найдется много читателей, которые смогут прочитать этот большой двухтомный труд объемом почти в 1000 страниц. Читают обычно отдельные статьи на выбор. Но в таком случае издание не вполне достигает своей цели — дать критический разбор «нового учения» о языке в целом, выявить всей совокупностью статей его научную несостоятельность и несовместимость с принципами сталинского языкознания.

Высоко оценив методологическое и научное значение опубликованного сборника, его большую роль в борьбе с учением Марра и его пережитками, необходимо вместе с тем подчеркнуть всю важность дальнейшего продолжения этой борьбы. Сборник «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» никоим образом нельзя еще рассматривать как завершающее звено в борьбе с марризмом. После того как Институтом языкознания АН СССР уже проделана такая большая работа по созданию рецензируемого сборника, очевидно, сравнительно легко будет подготовить и новый труд, в котором при относительно небольшом объеме и в более популярном изложении был бы дан критический разбор «нового учения» о языке. Потребность в таком издании очень велика.

Е. А. Бокарев

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1953

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕЩАНИЕ ПО ЯЗЫКАМ НАРОДОВ СЕВЕРА

8—13 декабря 1952 г. в Ленинграде состоялось совещание по неотложным вопросам научной и практической работы, проводимой в области языков малых народностей советского Севера. Совещание было созвано и проведено Институтом языкознания АН СССР совместно с Отделом нерусских школ Министерства просвещения РСФСР, Институтом национальных школ АПН РСФСР, факультетом народов Севера Ленинградского университета им. А. А. Жданова, Северным отделением Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена и Ленинградским отделением Учпедгиза.

В работе совещания, наряду с научными работниками Москвы и Ленинграда — языковедами, методистами, историками, экономистами и этнографами,— деятельное участие приняли представители растущей национальной интеллигенции советского Севера — представители ненецкого, селькупского, хантыйского, мансийского, эвенкийского, эвенского, нанайского, ульчского, нивхского, чукотского, корякского, эскимосского и других народов. Среди участников совещания были учителя местных северных школ и преподаватели педучилищ, работники отделов народного образования, работники местных советских и партийных органов, студенты и аспиранты факультета народов Севера Ленинградского университета, студенты и преподаватели учительских и педагогических институтов и других учебных заведений Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Якутска, Тобольска, Магадана, Нарьян-Мара, Ханты-Мансийска, Салехарда, Туры, Анадыря. В работе совещания активно участвовало более 200 человек. На восьми пленарных заседаниях заслушано и обсуждено девять обширных докладов[1]. Ряд специальных вопросов обсужден на заседаниях четырех секций: по тунгусо-маньчжурским, угро-самодийским, так называемым палеоазиатским языкам и секции методической. На заключительном пленарном заседании было принято развернутое постановление.

При открытии совещания с краткой вступительной речью выступил зам. директора Института языкознания Б. А. Серебренников. Он подчеркнул, что в нашем государстве с его многомиллионным разноязычным населением вопросы теории и практики языковедческой работы имеют огромное значение. Сталинское учение о языке, ярко осветившее сущность языка и его значение как орудия развития общества, создало незыблемую марксистскую основу для успешного разрешения самых разнообразных вопросов научного и практического языкознания.

Практика советской языковедческой работы, сказал Б. А. Серебренников, неотделима от ленинско-сталинской национальной политики, направленной на всесторонний подъем и расцвет культуры советских народов — национальной по форме и социалистической по содержанию, на дальнейшее укрепление дружбы народов и воспитание их в духе советского патриотизма. В трудах И. В. Сталина по национальному вопросу и по вопросам языкознания научно обоснована политика полного равноправия и свободного сотрудничества наций, их языков и культур на твердой почве пролетарского интернационализма и социалистической демократии.

Многочисленные вопросы развития литературных языков, сказал далее Б. А. Серебренников, вопросы их орфографии и терминологии, грамматики и лексики, вопросы взаимоотношения языков и их диалектов подвергаются теперь в нашей стране пересмотру и глубокому исследованию в свете сталинского учения о языке.

Охарактеризовав подробно задачи совещания, Б. А. Серебренников отметил, что так называемое «новое учение» о языке внесло невероятную путаницу во взгляды на вопросы развития языков и причинило этим существенный вред практической языковедческой работе. Теперь языковеды нашей страны получили полную возможность,

[1] См. изданную к открытию совещания брошюру «Совещание по языкам народов Севера. Тезисы докладов», М.—Л., 1952.

сбросив с себя груз идеалистических и вульгарно-материалистических ошибок и основательно вооружившись марксистской теорией языка, уверенно, смело и дружно двигаться по пути подлинно научного исследования языков. Этот путь, ведущий к вершинам научного знания, указал нам наш великий вождь и учитель, корифей марксистско-ленинской науки И. В. Сталин.

Руководствуясь гениальными трудами товарища Сталина и историческими решениями XIX съезда партии, настоящее совещание, сказал в заключение Б. А. Серебренников, должно осуществить коренной перелом в работе по языкам народов Севера, вскрыть до конца все недостатки в этой работе и наметить перечень конкретных мероприятий, ведущих к ее улучшению.

С докладом «Состояние и задачи научной и практической работы в области языков народов Севера» выступил член-корр. АН СССР С. Г. Бархударов. (В подготовке этого доклада участвовали: доктор филол. наук В. И. Цинциус, кандидаты филол. наук Б. А. Серебренников, П. Я. Скорик, и О. П. Суник.)

До Великой Октябрьской социалистической революции, указал докладчик, малые народы Крайнего Севера находились на различных ступенях патриархально-родового строя, вели кочевой и полукочевой образ жизни с крайне отсталыми формами хозяйства и культуры, были бесправными и сплошь неграмотными. Неузнаваемо изменилась жизнь народов Севера за годы Советской власти, что является прямым результатом практического осуществления в нашей стране ленинско-сталинской национальной политики, подчиненной общим задачам строительства бесклассового коммунистического общества.

В советском многонациональном государстве, где живут и трудятся более 60 наций, национальных групп и народностей, проведение правильной национальной политики имеет исключительное значение. Национальная политика нашей партии основана на строго научной теории национального вопроса, как части марксистско-ленинского учения о пролетарской революции. Творцами этой теории и политики являются В. И. Ленин и И. В. Сталин.

За время Советской власти 48 национальностей нашей страны создали свою письменность и издают на родном языке учебники, книги, газеты. С. Г. Бархударов подчеркнул, что практическое осуществление принципов ленинско-сталинской национальной политики на нашем Севере было связано с особыми трудностями и требовало огромных усилий. В частности, это относится и к работе по созданию, развитию и распространению письменности на языках народов Севера. Не подлежит сомнению, сказал далее С. Г. Бархударов, что на современном этапе развития родные языки народов Севера являются важным средством дальнейшего повышения культурно-политического уровня их носителей Во многих школах народов Севера довольно широко используется родной язык учащихся как средство коммунистического воспитания и обучения грамоте. Письменность на родных языках по мере ее распространения становится одним из важнейших средств для развития самобытного творчества народов Севера, их художественной литературы. Родной язык и особенно грамотность на родном языке существенно помогают народам Севера овладеть русским языком — языком великой русской культуры. Дальнейшее развитие языков народов Севера, превращение их в еще более эффективное орудие культурно-политического подъема этих народов и успешного приобщения их к высшим достижениям социалистической культуры — одна из актуальных задач, в решении которой должны принять деятельное участие советские языковеды, вооруженные гениальным сталинским учением о языке.

В деле развития культурно-просветительной и идейно-воспитательной работы среди коренного населения Севера вместе с бесспорными успехами имеется, однако, и много существенных недостатков, ряд еще не решенных и невыясненных вопросов. К числу их докладчик относит: 1) вопрос о путях и ближайших перспективах развития младописьменных языков народов Севера; 2) вопрос о взаимоотношении родных языков народов Севера с языком русским. С этими вопросами тесно связаны и такие, как вопрос о взаимоотношении новосозданных литературных языков с местными диалектами, вопрос о языковом развитии отдельных территориально обособленных небольших этнических групп, не имеющих фактически письменности на своих родных языках, вопрос о методах обучения русскому языку и некоторые другие вопросы.

Характеризуя состояние научной работы в области северных языков, докладчик особо остановился на критике теоретических ошибок В. А. Аврорина, О. П. Суника и П. Я. Скорика, допущенных ими в прошлом при попытке изучения языков народов Севера на основе антинаучной теории «стадиальности» Марра—Мещанинова.

Неумение обнаружить национальную специфику языка, сказал он далее, нашло отражение в целом ряде опубликованных прежде работ по языкам народов Севера. Особенно отчетливо это проявилось в описаниях грамматического строя северных языков. При характеристике частей речи и многих других грамматических категорий, присущих тем или иным языкам народов Севера, зачастую наблюдалось слепое копирование русской грамматической системы.

Докладчик упомянул о том, что после выхода в свет трудов И. В. Сталина по язы-

кознанию некоторые специалисты по северным языкам (из числа бывших сторонников «теории» Н. Я. Марра) опубликовали и подготовили для печати ряд статей, посвященных критике допущенных ими ошибок, и попытались дать правильное, научное объяснение вопросам исторической грамматики и лексикологии северных языков на основе сталинского учения о языке. Однако проделанная работа в этой области еще явно недостаточна. В заключительной части доклада С. Г. Бархударов наметил некоторые теоретические выводы и внес ряд практических предложений, на которых подробнее остановились другие докладчики[2].

Зав. кафедрой угро-самодийских языков факультета народов Севера Ленинградского университета Н. М. Терещенко прочитала доклад, подготовленный ею совместно с кандидатами филол. наук В. Д. Колесниковой и Г. А. Меновщиковым, «О прогрессивном влиянии русского языка на языки народностей Севера».

Влияние русского языка на развитие словарного состава северных языков сказалось еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, отражая прогрессивную роль русского народа, уже в то время способствовавшего развитию культуры народностей Севера. Но особенно широким и многогранным стало влияние русского языка на языки народностей Севера в советский период.

Одновременно с пополнением лексики северных языков путем создания новой терминологии средствами этих языков словарный состав их значительно обогатился также словами, заимствованными из русского языка: *совет*, *власть*, *социализм*, *коммунизм*, *государство*, *конституция*, *партия*, *комсомол*, *пионер*, *совхоз*, *колхоз* и многие другие. Н. М. Терещенко отметила, что русский язык оказал некоторое влияние и на грамматический строй северных языков, хотя и в гораздо меньшей степени, чем на их словарный состав.

Докладчик подверг критике серьезные ошибки, которые были допущены в процессе создания письменности на языках народностей Севера при определении роли русского языка в развитии северных языков. Эти ошибки и извращения вызывались порочным стремлением сохранить «чистоту» северных языков искусственным ограждением создающейся на этих языках новой лексики от влияния русского языка.

С другой стороны, имело место стремление ввести в лексику северных языков как можно больше русских слов без учета особенностей грамматической структуры северных языков, не считаясь с тем, что целый ряд выражаемых этими словами понятий издавна имеет соответствующие обозначения, созданные средствами родного языка данной народности. В результате этого литературный язык становился непонятным для населения, не владеющего русским языком.

Происходящие в северных языках изменения свидетельствуют об их всестороннем развитии. Процесс этот, как было убедительно показано в докладе Н. М. Терещенко, идет путем интенсивного развертывания всех заложенных в самих языках элементов их структуры; кроме того, на развитие этих языков оказывает благотворное влияние русский язык, с помощью которого каждый язык находит наиболее прогрессивные пути развития и совершенствования, значительно обогащает свой словарный состав.

Вопросам взаимоотношения языков народов Севера с языком русским в практике школьного обучения был посвящен методический доклад ст. научн. сотр. Института национальных школ АПН РСФСР А. Ф. Бойцовой «Вопросы изучения родного и русского языков в школах народов Севера».

В директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР, сказала А. Ф. Бойцова, определены конкретные меры, обеспечивающие дальнейший культурный рост членов советского общества на ближайшие пятилетия. В числе их — переход на всеобщее среднее образование (десятилетка) сначала в крупнейших культурных и промышленных центрах, а затем, в следующей пятилетке, и во всех остальных городах и сельских местностях страны.

Указав на огромную роль русского языка в жизни народов Севера, А. Ф. Бойцова подчеркнула, что для малых народностей Севера, как и для всех народов СССР, русский язык, наряду с родным языком, является средством, обеспечивающим неуклонный рост производственной жизни и культурного развития, так как именно на русском языке осуществляется общение между различными народами, проживающими на территории Севера. Проблема соотношения родного и русского языков в практике работы школ народов Севера должна решаться на основе учения товарища Сталина о языке как средстве и орудии общения.

Напомнив о том, что учебный план для школ народов Севера построен с учетом той особой роли родного и русского языков, которую они играют в жизни народов Севера, А. Ф. Бойцова отметила некоторые особенности этого плана. В учебном плане предусмотрено сочетание преподавания на родном и русском языках, а именно: обучение ведется на родном языке в течение первых трех лет, а четвертый и пятый годы — на русском языке; первые три года русский язык преподается как предмет, начиная же с III класса он становится не только предметом, но и языком преподавания, а родной язык остается только как предмет преподавания, причем он используется иногда и

[2] См. указ. брошюру «Совещание по языкам народов Севера...»

на уроках по другим предметам, когда на русском языке не удается найти доступную форму изложения.

А. Ф. Бойцова подчеркнула, что и в тех школах народов Севера, где обучение с подготовительного класса ведется на русском языке, родной язык также должен быть опорой в образовании и усвоении понятий и представлений детей. Для достижения успешного развития ребенка в начальных школах, где обучение ведется на русском языке, а также в некоторых школах, где обучение родному языку проводится лишь в подготовительном классе, должна быть создана особая методика, оснащенная соответствующими программами и учебниками.

Важнейшим требованием современной методики преподавания русского языка в нерусской школе является требование применять в преподавании русского языка в необходимых случаях сопоставления с родным языком учащихся. Это требование может быть выполнено только в том случае, если учитель будет иметь в своем распоряжении разработанные сравнительные характеристики русского языка и языков народов Севера, а также базирующиеся на таком сопоставлении пособия по методике преподавания русского языка для отдельных народностей.

Общие вопросы развития литературных языков народов Севера получили подробную характеристику в докладе ст. научн. сотр. Института языкознания В. А. Аврорина «Литературные языки народов Севера и местные диалекты». Доклад В. А. Аврорина явился общетеоретическим введением к трем содокладам, посвященным отдельным литературным языкам: 1) О. А. Константиновой «О диалектной основе эвенкийского языка»; 2) К. А. Новиковой «О диалектной основе эвенского литературного языка» и 3) Н. И. Терешкина «Очередные вопросы развития литературного языка ханты»[3].

Ст. научн. сотр. Института языкознания П. Я. Скорик прочитал доклад «Вопросы орфографии языков народов Севера». (В подготовке доклада принимали участие кандидаты филол. наук В. А. Горцевская и А. М. Щербакова).

Грамота на родном языке, сказал докладчик, представляет собой могучее средство приобщения к передовой, социалистической культуре широких масс многонационального населения нашей страны. Легкость и прочность овладения грамотой на родном языке во многом зависит от простоты и четкости его орфографии. Это особенно важно для орфографии языков народов Севера, так как изучение этих языков в школах Севера ограничено сравнительно коротким сроком (в пределах начальной школы).

П. Я. Скорик указал на серьезные ошибки, которые были допущены при создании письменности на северных языках, а также при разработке их орфографии (необоснованное введение латинизированного алфавита, стремление насадить фонетическое письмо, отражающее не только фонемы, но и их варианты, и т. п.). На орфографии языков народностей Севера вредно отразилось вульгарно-материалистическое «новое учение» Н. Я. Марра. Так, например, было принято раздельное написание составных частей инкорпоративных комплексов с целью предвосхитить якобы неизбежный «взрыв» этих образований. Вместе с тем многие недостатки орфографии (неточная передача фонемного состава и др.) явились следствием слабой в то время изученности языков. Следы этих ошибок в орфографии отдельных языков остались до настоящего времени и необходимо окончательное их искоренение.

Как отметил докладчик, простота и ясность орфографии в значительной мере зависят от степени изученности системы фонем языка и правильности передачи их на письме. Однако эта правильная передача вовсе не предполагает обязательного обозначения каждой из фонем специальным знаком. Важно, чтобы в передаче фонем была определенная система, обеспечивающая четкое их выражение. Русская графическая основа, на которой построены все алфавиты языков народностей Севера, уже предопределяет некоторые особенности правописания (например, связанные с иотированием) и вполне может обеспечить ряд четких приемов передачи фонем. Однако, сказал докладчик, если система фонем того или иного языка не может быть передана средствами русского алфавита без ущерба для ясности правописания, то целесообразно обсудить вопрос о введении в алфавит этого языка дополнительных знаков. В этой связи следует пересмотреть алфавиты селькупского, нивхского, эскимосского и некоторых других языков. Серьезным затруднением при решении вопросов орфографии младописьменных языков, как правило, являются большие диалектные различия. Поэтому при разработке правил орфографии языков народностей Севера необходимо, прочно опираясь на диалект, положенный в основу литературного языка, учитывать надлежащим образом диалектные различия в языке.

Орфография языков народностей Севера строится на сочетании фонетического и морфологического принципов, при подавляющем преобладании первого. По мнению

[3] Содержание доклада В. А. Аврорина, а также краткие резюме содокладов О. А. Константиновой, К. А. Новиковой и Н. И. Терешкина излагаются в статье В. А. Аврорина, «Литературные языки народов Севера и местные диалекты», печатающейся в этом номере журнала (стр. 7—27). См. также указ. брошюру «Совещание по языкам народов Севера...», стр. 20—43.

докладчика, морфологический принцип может и должен занимать большее место, чем в настоящее время. Он устранит на письме значительное количество фонетических диалектных различий (частные ассимиляции и т. п.), что несомненно поможет представителям различных диалектов овладеть грамотой. П. Я. Скорик особо подчеркнул мысль о том, что при выработке орфографии подходить к языкам следует дифференцированно.

В качестве одного из общих вопросов, который до настоящего времени не получил удовлетворительного решения, докладчик выделил вопрос о правописании слов, заимствованных из русского языка. По существующим правилам эти слова в исходной форме сохраняют свой русский орфографический облик, что имеет определенные основания. Вместе с тем фонетические и морфологические нормы некоторых языков народностей Севера, особенно так называемых палеоазиатских, резко отличаются от аналогичных норм русского языка. Докладчик внес в связи с этим предложение — всесторонне обсудить вопрос об орфографии русских заимствованных слов и решить его с учетом специфических особенностей каждого языка в отдельности.

С докладом на тему «Состояние и перспективы издания учебников для школ народов Севера» выступила зав. редакцией литературы народов Севера Ленинградского отделения Учпедгиза А. В. Алмазова.

Исторические решения XIX съезда партии в области дальнейшего культурного роста народа, сказала А. В. Алмазова, ставят перед Учпедгизом и, в частности, перед редакцией литературы народов Севера задачу усиления работы по изданию и переизданию учебников для школ народов Севера. В настоящее время дело с обеспечением учебниками школ народов Севера имеет ряд крупных недостатков.

Издание учебников на родном языке для начальных школ народов Севера, осуществляемое Ленинградским отделением Учпедгиза, должно производиться на эвенкийском, эвенском, нанайском, чукотском, корякском, эскимосском, ненецком, хантыйском, мансийском, а также нивхском и селькупском языках. На нивхском и селькупском языках издаются только буквари, а на остальных 9 языках издаются комплекты учебников, состоящие из 12 названий: 1 букварь, 5 учебников родного языка, 4 книги для чтения, 2 сборника арифметических задач и упражнений. Всего по всем 11 языкам надо издать для полного комплекта 110 названий. Из них к настоящему времени издано 82, а 28 не издавалось совсем.

Очень плохо обстоит дело с изданием и переизданием русских учебников для школ народов Севера. Должно быть издано всего 45 русских учебников, из них в ближайшие годы необходимо издать и переиздать 40 русских учебников.

Основными причинами неудовлетворительного положения с изданием учебников для школ народов Севера, по словам А.В. Алмазовой, являются: недостаток квалифицированных авторских, редакторских и переводческих кадров; отсутствие грамматик и словарей; неразрешенность ряда вопросов, связанных с состоянием литературных языков народов Севера. К числу такого же рода причин относится отсутствие научного центра, который бы координировал и направлял всю научно-педагогическую работу и способствовал делу развития письменности и культуры среди народов Севера, отсутствие точных указаний со стороны Министерства просвещения о нормативах учебников для школ народов Севера, о соотношении в преподавании родного и русского языков, об учебниках по русскому языку и т. д.

В заключение А. В. Алмазова отметила, что для того чтобы работа редакции литературы народов Севера была на высоте задач, поставленных XIX съездом Коммунистической партии Советского Союза, необходимо к концу 1955 г. не только закончить создание полного комплекта высококачественных учебников для школ народностей Севера, но и переиздать все учебники, устаревшие и нуждающиеся в переработке, обратив особое внимание на то, чтобы обеспечить в первую очередь учебниками подготовительный, I и II классы.

А. В. Алмазова не согласилась с мнением С. Г. Бархударова относительно расстановки и использования имеющихся сил для ведения научной и практической работы по языкам народов Севера. Сказав, что из числа учителей местных школ только один человек действительно принимает активное участие в создании учебников, А.В. Алмазова высказалась за то, чтобы широко привлекались к делу подготовки и переиздания школьных учебников научные работники-северoведы.

В обсуждении прочитанных докладов приняли участие 52 человека. Свыше 100 участников совещания выступило на заседаниях секций. В выступлениях товарищей, приехавших с мест, был приведен большой фактический материал, отражающий современную работу по преподаванию родных и русского языков в северных школах. В этой связи следует отметить содержательные выступления представителей народов Севера П. Н. Каплина (секретарь окружкома КПСС Эвенкийского национального округа), Н. К. Комбагир (учительница из Эвенкийского национального округа), П. Е. Хатанзеева (преп. Ямало-ненецкого педучилища), И. У. Березкина (преп. Анадырского педучилища), С. Н. Оненко (нанай, аспирант Ленингр. университета), Н. Б. Киле (учитель из Нанайского района, ныне студент Ленингр. пединститута им. А. И. Герцена), К. Уягана (учитель из эвенской

школы на Камчатке, ныне студент Ленингр. университета), Е. И. Слепцовой (учительница эвенкийской школы, ныне студентка Ленингр. университета), И. И. Кривошапкина (культпросветработник из Учурского района Якутской АССР), тов. Кайныны (зав. ГОНО из Корякского национального округа, ныне студент Ленингр. университета) и др.

В центре развернувшейся на пленарных заседаниях дискуссии оказались вопросы, поставленные в докладе С. Г. Бархударова и особенно — в докладах, посвященных специально вопросам развития литературных языков народов Севера (доклады В. А. Аврорина, О. А. Константиновой, К. А. Новиковой, Н. И. Терешкина). Возражения вызвали некоторые из положений доклада В. А. Аврорина.

Б. А. Серебренников отметил, что в настоящее время среди лингвистов еще не установилось единого понимания сущности общенародного языка. Одни под общенародностью языка понимают те общие черты в словарном составе и грамматической структуре, которые дают возможность носителям различных диалектов общаться между собой. Другие, как, например, В. А. Аврорин (если судить по его докладу), под общенародным языком понимают совокупность всех диалектов. Некоторые лингвисты склонны думать, что под общенародным языком следует понимать наиболее распространенный диалект, охватывающий большинство населения и превалирующий над остальными, более мелкими.

Основным недостатком всех этих точек зрения является, по мнению Б. А. Серебренникова, отсутствие исторического подхода, хотя основа общенародного языка в разные исторические эпохи могла быть неодинаковой. В своем выступлении Б. А. Серебренников привел аргументы в защиту своей точки зрения.

Отвечая Б. А. Серебренникову, В. А. Аврорин отстаивал свою точку зрения, указав, что общенародность языка, разделенного на диалекты, определяется возможностью свободного взаимопонимания представителей всех диалектов данного языка. Первую из указанных точек зрения В. А. Аврорин признал результатом искусственной операции по отбору общих элементов в различных диалектах языка, отметив, что общенародный язык при таком понимании оказывается чем-то обедненным и абстрагированным от диалектов.

По мнению Г. Д. Санжеева, В. И. Цинциус и Е. И. Убрятовой, один из основных теоретических выводов доклада В. А. Аврорина, касающийся определения диалектной базы литературных языков народов Севера, содержит ряд спорных моментов. В противовес выводу докладчика о том, что при условии разделения языка на диалекты, а этих диалектов — на говоры в качестве основы литературного языка должен быть взят говор, В. И. Цинциус, находя базу одного говора излишне узкой, предложила иную формулировку: в основу литературного языка класть определенный диалект при ведущей роли одного из говоров этого диалекта. Г. Д. Санжеев нашел формулировку В. И. Цинциус не имеющей существенных отличий от того, что предлагал В. А. Аврорин. Е. И. Убрятова говорила о том, что в основу якутского литературного языка не был положен какой-либо определенный говор или диалект, и тем не менее якутский литературный язык существует и успешно развивается. Следует, однако, подчеркнуть, что никто из выступавших по данному вопросу не возражал против основной мысли докладчика, заключащейся в том, что для успешного развития каждый из литературных языков народов Севера должен иметь свою совершенно определенную диалектную базу, необходимую для установления твердых норм литературной речи. В ходе обсуждения этого вопроса была окончательно признана полная несостоятельность попыток обслужить единым литературным языком существенно отличные в языковом отношении территориально обособленные группы одного народа и тем более несколько родственных по языку народов Севера.

Возражения встретили и некоторые положения доклада О. А. Константиновой об эвенкийском литературном языке. Расхождения во взглядах шли главным образом по линии оценки создавшегося положения с эвенкийским литературным языком, а также квалификации допущенных ошибок при развитии эвенкийского литературного языка. Выступавшие по этим вопросам доц. В. А. Горцевская, проф. В. И. Цинциус, доц. А. А. Горцевский, С. Н. Комбагир, П. С. Савин и др. указывали на то, что О. А. Константинова излишне сурово оценила современное состояние эвенкийского литературного языка, упрекали ее в попытке зачеркнуть все то, что сделано по развитию литературного языка за двадцать лет. Отдельные товарищи ссылались при этом на понятность для подавляющего большинства эвенков той литературы, которая, по мнению докладчика, отражает искусственную «смесь различных говоров и диалектов». Особенно резкие возражения встретило заключение О. А. Константиновой об образовавшемся отрыве современного эвенкийского литературного языка от народно-разговорной речи. Ссылаясь на свой опыт переводческой работы, С. Н. Комбагир категорически возражал против совершенно неудачного, по его мнению, применения термина «фикция» в отношении некоторых северных литературных языков для характеристики их современного неблагополучного состояния.

Выступивший на совещании секретарь Эвенкийского окружкома КПСС П. Н. Каплин, кратко охарактеризовав общие достижения в экономике и культуре Эвенкийского национального округа, специально остановился на ряде крупных недостатков в области создания эвенкийской письменности и эвенкийского литературного языка, а также на недостатках работы местных национальных школ. П. Н. Каплин справедливо критиковал некоторых работников Министерства просвещения РСФСР, Ленинградского отделения Учпедгиза и языковедов-специалистов по эвенкийскому языку, указав на известную оторванность их от той работы, которая ведется на местах. Этим, по заключению П. Н. Каплина, в основном и объясняется то явно неудовлетворительное положение, в котором оказалась работа по эвенкийскому языку.

Немало критических замечаний было сделано и по докладу К. А. Новиковой об эвенском литературном языке. Однако по лемика и здесь шла главным образом по линии установления оценок и объяснений причин тех недочетов, которые имели место в работе по эвенскому литературному языку. Основные предложения доклада, направленные на упрочение диалектной основы эвенского литературного языка, уточнение его орфографии и алфавита, принципиальных возражений не вызвали.

Не встретил каких-либо принципиальных возражений и доклад Н. И. Терешкина о хантыйском литературном языке. Выдвинутые докладчиком предложения были дополнены, уточнены и конкретизированы в выступлениях канд. филол. наук А. П. Баландина, К. Ф. Хватай-Мухи, М. П. Вахрушевой (преподаватели Ленингр. пединститута им. А. И. Герцена), Н. Е. Хатанзеева, П. К. Животикова, П. Микулина и др.

На вопросах развития хантыйского литературного языка остановился в своем содержательном выступлении директор педучилища Ханты-Мансийского национального округа Г. Т. Величко. Отметив большие достижения во всех областях хозяйственной, культурной и политической жизни Ханты-Мансийского округа, Г. Т. Величко подробно доложил совещанию о существенных недостатках, имеющихся еще в работе местных школ и других культурно-просветительных учреждений округа. Значительным тормозом в развитии хантыйского литературного языка явилось, как указал тов. Величко, то, что научно-исследовательская ассоциация быв. Института народов Севера допустила ошибку, положив в основу этого языка диалект среднеобских ханты. Тем самым были оставлены без письменности сургутские и ваховские ханты, которые совершенно не понимают среднеобских ханты и в большинстве своем плохо владеют или совсем не владеют русским языком. Поддержав основные предложения, выдвинутые в докладе Н. И. Терешкина, Г. Т. Величко обратился с просьбой к языковедам Москвы и Ленинграда, к работникам Министерства просвещения и Учпедгиза—помочь национальным школам и педучилищу округа в создании необходимых условий для коренного улучшения их работы, так как успешное решение этих задач возможно только при тесной связи центральных учреждений с партийными и советскими органами на местах.

Ряд участников совещания — А. В. Алмазова, проф. Е. И. Кореневский, Т. М. Басиев, Г. Т. Величко, и др.— возражали С. Г. Бархударову, указавшему в своем докладе, что использование лишь одних научных работников для работы по составлению учебников и учебных пособий для начальной школы народов Севера теперь, когда выросли кадры местных учителей и преподавателей педучилищ, нельзя считать столь же целесообразным, как и прежде, при создании письменности на языках народов Севера. Призыв С. Г. Бархударова —шире и смелее привлекать к работе над школьными учебниками представителей местной национальной интеллигенции был ошибочно воспринят некоторыми товарищами как попытка целиком освободить научных работников от участия в этой работе. В ходе совещания многие товарищи из числа тех, кто в начале полемизировал с указанным тезисом доклада С. Г. Бархударова, убедились, во-первых, в том, что на местах действительно выросли кадры, способные при помощи языковедов и методистов центральных учреждений вести эту работу, а, во-вторых, в том, что никто из языковедов не пытался и не пытается устраниться от практической работы по развитию северных литературных языков.

Принимавший деятельное участие в работе совещания главный редактор Учпедгиза В. В. Морозов подчеркнул в своем выступлении, что он, в отличие от А. В. Алмазовой, не так пессимистично смотрит на возможность широкого привлечения к авторской работе кадров, выросших из местных национальностей, которые в лице учительства и студенчества с такой активностью выступали на этом совещании.

В числе других организационных вопросов, относящихся к улучшению и усилению работы по подготовке кадров и развитию литературных языков народов Севера, на совещании был обсужден поднятый С. Н. Комбагиром вопрос об объединении ныне существующих в Ленинграде факультета народов Севера Университета им. А.А. Жданова и Северного отделения Пединститута им. А. И. Герцена с целью воссоздания комплексного учебного заведения типа быв. Института народов Севера.

Значительное внимание уделила этому вопросу А. П. Путинцева (преп. Ленингр. пединститута им. А. И. Герцена), подвергшая в своем выступлении резкой критике ошибки бывших сторонников так называемого «нового учения» о языке —

В. А. Аврорина, О. П. Суника и других сотрудников Сектора языков народов Севера Института языкознания. Горячо поддержав мысль, высказанную С. Н. Комбагиром, А. П. Путинцева дополнила ее предложением — объединить в одном Институте народов Севера не только названные выше факультет и отделение, но также и Сектор языков народов Севера Института языкознания.

Выступивший с яркой речью аспирант Ленинградского университета С. Н. Оненко коснулся той же темы. Подвергнув острой критике недостатки, имеющиеся в работе по подготовке кадров для Севера, и указав на тот вред, который нанесли антинаучные теории Н. Я. Марра и его сторонников делу изучения северных языков, С. Н. Оненко высказался за организацию либо отдельного института, либо одного полнокровного факультета народов Севера вместо существующих сейчас в Ленинграде и Хабаровске северных отделений пединститутов и соответствующего факультета Ленинградского университета. В связи с выступлением на совещании А. П. Путинцевой и некоторых других товарищей С. Н. Оненко обратился с горячим призывом ко всем специалистам по языкам народов Севера, работающим в разных учреждениях, окончательно ликвидировать те беспринципные раздоры, которые все еще дают себя знать даже при обсуждении и решении важных деловых вопросов.

Против идеи воссоздания особого комплексного института народов Севера, где была бы объединена также и вся научно-исследовательская работа в этой области, выступили Т. М. Басиев, П. Я. Скорик, Г. Д. Санжеев, Г. Т. Величко и некоторые другие участники совещания. Народы нашего Севера, как отмечали ораторы, настолько выросли в культурном отношении, что с успехом, наряду со всеми другими народами, получают специальное среднее и высшее образование в любом учебном заведении страны. Не встретила никакой поддержки со стороны совещания и мысль А. П. Путинцевой о ликвидации Сектора языков народов Севера Института языкознания. Предложение Л. В. Беликова и других об объединении имеющихся в Ленинграде факультета и отделения не в особый институт, а в одно Отделение народов Севера для подготовки педагогических кадров не вызвало возражений и после всестороннего обсуждения было уточнено и одобрено совещанием.

Вопросы, поставленные в докладе П. Я. Скорика, были подробно обсуждены также на секционных заседаниях. Особое внимание при этом было уделено правилам написания заимствуемых из русского языка слов и терминов. Предложение о том, чтобы этот важный вопрос был рассмотрен и решен дифференцированно, в зависимости от особенностей каждого отдельного языка, было принято совещанием и в значительной степени реализовано на заседаниях секций, где были также обсуждены и многие другие вопросы орфографии и алфавитов северных языков.

Участники совещания с исключительным подъемом приняли приветственное письмо великому вождю и учителю трудящихся, корифею марксистско-ленинской науки И. В. Сталину.

О. П. Суник

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕЩАНИЯ ПО ЯЗЫКАМ НАРОДОВ СЕВЕРА

Совещание считает необходимым:

1. Исходя из величественной программы построения коммунистического общества в СССР, принятой XIX съездом КПСС, в частности из решения о завершении к концу пятой пятилетки перехода от семилетнего образования на всеобщее среднее образование (десятилетка) в столицах республик, городах республиканского подчинения, в областных, краевых и крупнейших промышленных центрах, а также о подготовке условий для полного осуществления в следующей пятилетке всеобщего среднего образования (десятилетка) в остальных городах и сельских местностях, еще шире развернуть работу по обработке и совершенствованию литературных языков народностей Севера, по созданию высококачественной литературы на этих языках и внедрению ее в массы населения, решительно искоренив на основе свободного развертывания принципиальной критики и самокритики все отмеченные на совещании ошибки и извращения в практическом руководстве развитием литературных языков народностей Севера.

2. При определении задач, пределов использования и путей развития литературных языков народностей Севера последовательно и неуклонно основываться на руководящих принципах ленинско-сталинской национальной политики и гениальном учении И. В. Сталина о языке. Решая вопросы, связанные с развитием литературных языков народностей Севера, использовать исторический опыт развития других языков, строго учитывая при этом всю сумму специфических условий и особенностей, присущих всем языкам народностей Севера и каждому из них в отдельности.

3. Считать в принципе необходимым развивать каждый литературный язык с расчетом на обслуживание им соответствующей народности в целом. Совершенно недопустимо принудительное навязывание созданных литературных языков отдельным груп-

нам народностей, для которых в силу значительных языковых отличий литературные языки оказываются мало понятными (восточные и южные ханты, южные манси, лесные ненцы, кур-урмийские нанайцы). Отказаться от попыток обслуживания одним литературным языком двух или нескольких самостоятельных, хотя и родственных народностей (от обслуживания ульчей и ороков нанайским литературным языком, негидальцев — эвенкийским литературным языком и т. п.). Считать целесообразным и в ближайшем будущем создание начальных учебников (букварей) для таких имеющих значительные языковые отличия этнических групп, как восточные ханты, а также для ряда народностей, не имеющих своих литературных языков (нивхи, селькупы). Изучить в ближайшее время вопрос о целесообразности издания букварей на родном языке для саамов, удэ и науканских эскимосов.

4. В дальнейшем развитии литературных языков народностей Севера последовательно опираться на положенные в их основу диалекты или говоры. Продолжать развивать существующие литературные языки народов Севера: ненецкий — на основе большеземельского говора, мансийский — на основе сосвинского диалекта, эвенский — на основе ольского говора восточного диалекта, нанайский — на основе найхинского говора, чукотский — на основе восточного говора, корякский — на основе чаучувенского говора, эскимосский — на основе чаплинского диалекта. Считать целесообразным дальнейшее развитие эвенкийского литературного языка ориентировать на такую диалектную основу, которая обслуживает большинство коренного населения Эвенкийского национального округа и в то же время не имеет значительных отличий от основных норм эвенкийского литературного языка, поскольку коренная ломка этих норм не вызвана необходимостью. Поэтому необходимо ориентировать дальнейшее развитие эвенкийского литературного языка на южную диалектную основу, которая представлена языком эвенков, живущих в бассейне реки Подкаменная Тунгуска в пределах Байкитского и Тунгусо-Чунского районов Эвенкийского национального округа, и языком некоторых групп эвенков смежных территорий.

Создать письменность для восточных ханты на ваховском диалекте хантыйского языка на базе большеларьякского говора. Создать письменность на сургутском диалекте хантыйского языка на базе верхнесургутского говора. Для северных ханты литературный язык перебазировать со среднеобского диалекта на основу казымского диалекта. В порядке эксперимента создать букварь на шурышкарском диалекте, учитывая отличия его от казымского диалекта и острую необходимость в первоначальном обучении этой группы ханты на родном языке вследствие слабого распространения русского языка. Разработку плана мероприятий по осуществлению принятых решений относительно создания письменности на диалектах хантыйского языка поручить специальной комиссии.

5. На развитие северных языков, особенно в советский период, оказал весьма значительное прогрессивное влияние язык великого русского народа. Благодаря заимствованиям из русского языка существенно обогатился словарный состав северных языков, в результате чего стало возможным создание на этих языках учебной и художественной литературы, а также перевод на них важнейших политических документов нашей эпохи. Вводимые в письменность на языках народностей Крайнего Севера заимствования из русского языка должны способствовать обогащению словарного состава этих языков.

При решении вопроса о введении в литературу на северных языках русских слов строго учитывать, что, благодаря повседневному тесному общению с русским населением, в народно-разговорные языки народностей Севера входит естественным путем большое количество русских слов. Вместе с тем иметь в виду, что целесообразное использование всех внутренних возможностей каждого языка является одним из важнейших путей обогащения его словарного состава.

6. В связи с тем, что русский язык в СССР является средством межнационального общения, а для народностей Севера он, кроме того, является тем языком, на котором ведется преподавание в школе, где дети изучают параллельно два языка, в словах, заимствованных из русского языка в советский период, в литературе на языках народностей Севера сохранять, как правило, основы в их русском написании.

В языках, фонетические системы которых значительно отличаются от фонетической системы русского языка(чукотский и корякский языки), допускать в качестве исключений некоторые изменения в написании основ заимствованных слов в соответствии с нормами (например, сингармонизмом гласных) заимствующего языка, так как несоблюдение их во многих случаях затрудняет понимание речи. Словообразование и словоизменение всех заимствованных слов подчинять нормам заимствующих языков.

7. Продолжать работу по уточнению и усовершенствованию правил орфографии всех литературных языков народностей Севера, считая, что в основе орфографии должно лежать разумное и гибкое сочетание фонетического и морфологического принципов с учетом специфических особенностей каждого отдельного языка и недопущением резких противоречий с основными принципами русской орфографии (правила орфографии родного языка должны по возможности облегчать последующее усвоение правил орфографии русского языка). Первоочередное внимание обратить на системы

алфавита и орфографии эвенского и корякского языков с целью приведения их в соответствие с речевыми нормами живых народно-разговорных языков их носителей, в первую очередь — с фонемным составом этих языков.

Утвердить избранные на секционных заседаниях орфографические комиссии и обязать их в течение 1953 г. составить полные своды орфографических правил, которые должны быть изданы не позднее 1954 г.

8. В связи с тем, что существующими алфавитами эвенкийского, эвенского, корякского и эскимосского языков, как показала практика, невозможно удовлетворительным образом передать на письме сложные системы фонем этих языков, что вызывает необходимость чрезвычайного усложнения орфографических правил, просить Министерство просвещения РСФСР обратиться в Совет Министров РСФСР с ходатайством о разрешении ввести в алфавиты указанных языков соответствующие дополнительные знаки.

9. В целях глубокой теоретической разработки актуальных вопросов, непосредственно связанных с изучением и развитием языков народностей Севера, решительно перестроить и усилить научно-исследовательскую работу в области изучения языков народов Севера на незыблемой основе сталинского учения о языке. Первоочередными задачами считать: а) глубокое и всестороннее изучение морфологии, синтаксиса, фонетики и создание научных описательно-нормативных грамматик всех литературных языков народностей Севера (в первую очередь — эвенкийского, хантыйского, мансийского, эвенского и корякского), а также изучение и составление описаний грамматического строя языков народностей Севера, не имеющих своей письменности; б) сбор, систематизацию и изучение материалов по словарному составу языков народностей Севера, составление и издание полных словарей литературных языков; в) сбор материалов по диалектам, диалектологическое изучение языков народностей Севера, в первую очередь — составление и издание описаний диалектов, положенных в основу литературных языков; г) сравнительно-историческое изучение групп родственных языков (тунгусо-маньчжурской, самодийской, угорской, чукотско-корякской), исследование вопросов исторической грамматики и лексикологии языков народностей Севера.

10. Центром всей научно-исследовательской работы по языкам народностей Севера должен стать Институт языкознания Академии наук СССР, для чего необходимо пополнить штат имеющегося в его составе Сектора языков народов Севера опытными специалистами (прежде всего, специалистами по эвенкийскому, корякскому и нивхскому языкам) и увеличить количество аспирантов. Институт языкознания должен взять на себя координацию всей научно-исследовательской работы по языкам народностей Севера, проводимой не только его сектором, но и языковедческими кафедрами факультета народов Севера Ленинградского университета им. А. А. Жданова, отделений народов Севера Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена и Хабаровского педагогического института, группы народов Севера Института национальных школ Академии педагогических наук РСФСР и отдельными специалистами, работающими в других учреждениях.

11. Просить Совет Министров РСФСР организовать в составе Министерства просвещения РСФСР особую группу для руководства школами народностей Севера. Просить Академию педагогических наук РСФСР расширить группу народов Севера Института национальных школ, организовав специальный сектор с тем, чтобы он стал научно-методическим центром в работе школ народов Крайнего Севера.

12. В целях решительного устранения допущенных и возможных в будущем ошибок в развитии литературных языков: а) шире привлекать к созданию литературы и решению вопросов нормализации литературных языков самих носителей этих языков, в первую очередь — представителей опорных диалектов и говоров; б) установить тесную и повседневную связь между научными работниками и местными партийными, советскими и культурными организациями; в) наладить систематическую проверку на местах всей издаваемой на языках народностей Севера литературы.

13. Обратить внимание Министерства просвещения РСФСР на совершенно неудовлетворительную постановку работы большинства нерусских школ Крайнего Севера, где в связи с отсутствием или плохой постановкой преподавания на родном языке учащихся имеет место массовое второгодничество и значительный отсев учащихся. Просить Министерство просвещения: а) улучшить подготовку кадров учителей начальных нерусских школ Крайнего Севера, владеющих родными языками учащихся (в большинстве существующих педучилищ народов Севера языки этих народов преподаются плохо или же вовсе не преподаются); б) правильно распределять имеющиеся кадры учителей из коренных национальностей Севера с тем, чтобы каждый из них мог преподавать в начальных классах на родных языках учащихся; в) обеспечить своевременную доставку в нужном количестве издаваемых Учпедгизом учебников и внешкольной литературы в соответствующие школы Крайнего Севера; г) создать полный комплект учебников по родным и русскому языкам для школ народов Крайнего Севера в качестве основного условия возможности улучшения работы школ; д) по родным языкам для школ народов Крайнего Севера осуществить издание методик, основанных на сравнительных характеристиках языков народностей Крайнего Севера и русского

языка; е) окончательно решить вопрос о критериях оценок по русскому языку для учащихся из среды народов Крайнего Севера.

*

Главная задача сейчас состоит в том, чтобы полностью обеспечить всему коренному населению Севера возможность наиболее эффективного использования своих родных языков и письменности на этих языках для успешного осуществления исторических решений XIX съезда КПСС в области дальнейшего развития культуры всех народов СССР. Совещание считает необходимым в самое ближайшее время принять решительные меры для ликвидации ненормального положения в области организации начального обучения на языках народностей Севера, вести всю дальнейшую работу по развитию языков народностей Севера в полном соответствии с принципами ленинско-сталинской национальной политики, на незыблемой основе сталинского учения о языке.

ОБСУЖДЕНИЕ I ТОМА «ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

2 декабря 1952 г. на расширенном заседании Сектора русского литературного языка Института языкознания АН СССР состоялось обсуждение «Грамматики русского языка» (т. I. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1952. 720 стр.) На заседании присутствовало ок. 150 человек, среди которых — научные сотрудники, профессора и преподаватели вузов, представители учительства, работники издательств, докторанты и аспиранты.

Заседание открыл доктор филол. наук В. П. Сухотин, отметивший, что в условиях коренной перестройки всей исследовательской и преподавательской работы по языку на основе трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания «Грамматика русского языка» — этот большой коллективный труд советских языковедов — приобретает первостепенное значение. Советские лингвисты, преподаватели вузов и средней школы, как и вся советская общественность, давно ожидали опубликования этой актуальной работы, цель которой состоит в том, чтобы дать возможно более широкое, полное и всестороннее описание грамматической структуры современного русского языка. Работа над подготовкой «Грамматики русского языка» началась давно и протекала в трудных условиях господства вульгаризаторской теории Н. Я. Марра и аракчеевского режима в языкознании. Только после лингвистической дискуссии 1950 г. и опубликования гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания оказалось возможным сплотить работоспособный коллектив,который сумел осуществить расширение собранных материалов, коренную переработку первоначальных глав грамматики, написание новых больших разделов и подготовку к печати настоящего труда.

В обсуждении первого тома грамматики приняли участие канд. филол. наук Н. Н. Прокопович (Моск. пед. институт им. В. И. Ленина), проф. В. И. Абаев (Институт языкознания АН СССР), доц. С. Е. Крючков (Моск. пединститут им. В. И. Ленина), доц. И. П. Мучник (Моск. обл. пединститут), проф. А. Н. Гвоздев (Куйбышевский пединститут), доц. Н. А. Янко-Триницкая (Моск. гор. пединститут), А. В. Хлебникова (Институт методов обучения АПН РСФСР), Н. И. Тарабасова (Институт языкознания АН СССР).

Все выступавшие указывали на большое общественно-культурное значение «Грамматики русского языка», представляющей собой подробное описание грамматического строя современного русского языка, опирающееся на результаты исследований крупнейших русских лингвистов и ставящее перед собой нормативные цели. Положительными сторонами грамматики являются полнота и тщательность описания грамматических явлений, обилие и новизна представленного в ней материала. Значительный интерес представляют детально разработанные разделы, посвященные словообразованию и ударению частей речи. К числу достоинств грамматики относится и то, что она, при наличии в ней ряда новых определений и при известном расширении круга грамматических понятий, в целом не пошла по линии нарушения установившейся традиции. Ценность этого труда, рассчитанного на широкие круги советской интеллигенции, состоит также в общедоступности его изложения.

Основным содержанием большинства выступлений было указание на те общие и частные недостатки грамматики, устранение которых поможет составителям улучшить качество книги при ее переиздании, что несомненно повысит научную и практическую ценность этого труда.

К числу недостатков грамматики, отмеченных выступавшими, относится то, что в ней не вполне выдержан принцип нормативности и связанный с ним принцип историзма, поскольку не во всех случаях указывается, с одной стороны, какие формы или категории являются литературными, правильными и какие — отступающими от литератур-

ной нормы, и, с другой стороны, какие формы или категории являются продуктивными, жизненными и какие, наоборот,— непродуктивными, отмирающими. Так, проф. В. И. Абаев и доц. С. Е. Крючков подвергли критике принятый в грамматике алфавитный порядок перечня некоторых словообразовательных элементов, например, приставок, в результате которого в одном ряду оказались исконно русские и иноязычные приставки (*анти-*, *архи-*, *пре-*, *про-* и т. п.). Грамматика, как отметила в своем выступлении А. В. Хлебникова, не дает ответа на такой трудный для практики вопрос, как употребление падежных форм сложных количественных числительных: она лишь отмечает тот факт, что в этих числительных часто, особенно в устной речи, склоняются только последние члены (или последний член) числительного, и не указывает, соответствует ли этот факт общелитературной норме или является отступлением от нее. На необходимость в нормативной грамматике, какой является обсуждаемая «Грамматика русского языка», более четкого разграничения продуктивных и непродуктивных форм и категорий указали в своих выступлениях Н. Н. Прокопович и проф. А. Н. Гвоздев. По мнению Н. А. Янко-Триницкой, само понятие нормативности требует уточнения в применении к обсуждаемому труду.

Проф. А. Н. Гвоздев считает, что незаслуженно мало внимания уделено в грамматике вопросам стилистики. Этому вопросу посвящен, собственно, один § 15, указывающий на наличие в современном русском литературном языке сложной системы «разнообразных средств выражения, находящихся друг с другом в тесной связи и нередко более или менее синонимичных» (стр. 15). В грамматике не определены основные понятия стилистики, не охарактеризованы различные стили речи. Стилистические пометы даются нерегулярно и часто касаются отдельных слов, причем употребление стилистических помет не является согласованным в разных частях книги. Вопросы стилистики и грамматической синонимии, подчеркнул А. Н. Гвоздев, должны быть изложены в академической грамматике с большей полнотой, чем это сделано в настоящем ее издании.

В процессе обсуждения грамматики был поставлен вопрос о правомерности помещения в ней раздела «Фонетика». Проф. А. Н. Гвоздев выразил свое согласие с мнением В. П. Сухотина о том, что фонетика, представляющая собой самостоятельную языковедческую дисциплину, не должна, по существу, излагаться в грамматике в качестве одного из ее разделов[1].

Ряд критических замечаний вызвали содержащиеся в грамматике определения некоторых грамматических понятий. Так, Н. А. Янко-Триницкая считает нечетким предложенное авторами грамматики определение формы слова. Согласно определению, «формами слова называются все те видоизменения одного и того же слова, которые, обозначая одно и то же основное понятие, прибавляют к нему то или другое дополнительное понятие, либо выражают то или другое отношение данного предмета мысли к другим предметам мысли того же предложения» (§ 16, стр. 15). Это определение стирает различие между словоизменением и словообразованием. В один ряд ставятся падежные формы одного и ого же слова, формы вида и уменьшительные формы имен существительных. В результате понятие словоизменения оказывается нечетким и расплывчатым, непомерно разрастаются границы отдельного слова. Спорным представляется Н. А. Янко-Триницкой данное во «Введении» определение основного словарного фонда (§ 1, стр. 7).

С. Е. Крючков указал на неясность и отсутствие согласованности между формулировками, относящимися к определению понятия словосочетания. На стр. 10 словосочетания определены как «грамматические единства внутри предложения, состоящие не менее чем из двух полнозначных (не служебных) слов...»; далее приводится ряд примеров на словосочетания, в которых представлены только парные сочетания слов, объединенных по способу согласования, управления или примыкания, что в основном соответствует традиционному пониманию словосочетания. На стр. 11 представлено иное понимание словосочетания: «Впрочем, в обыкновенной связной речи ясно слышна чаще всего делимость не на слова, а на более крупные объединения слов, на словосочетания». Словосочетание в данном случае, очевидно, приравнивается к синтагме. Не является исчерпывающим и точным и определение понятия предложения (§ 3, стр. 9). С. Е. Крючков указал также на отсутствие достаточной четкости в определении понятия частей речи. По мнению Н. А. Янко-Триницкой, не грамматическим, а логическим является представленное в «Грамматике русского языка» определение грамматических категорий как общих понятий грамматики, определяющих характер или тип строя языка и находящих свое выражение в изменении слов и в сочетании слов в предложениях (§ 2, стр. 9).

Выступавшими были подвергнуты критике также отдельные положения, правила, формулировки, принципы классификации материала, содержащиеся в некоторых главах грамматики. Вызвала возражения со стороны А. Н. Гвоздева и Н. А. Янко-Триницкой трактовка категории собирательности имен существительных. Неправо-

[1] См. рецензию В. П. Сухотина на I том «Грамматики русского языка» в журн. «Советская книга», М., 1952, № 11, стр. 112—113.

мерно, по мнению А. Н. Гвоздева, эта категория рассматривается как одна из разновидностей группы существительных, употребляющихся только в единственном числе. Ведь в категории слов, употребляющихся только во множественном числе, грамматика также выделяет собирательные существительные, например: *боты*, *бутсы*, *весы*, *вилы*, *ворота*, *грабли*, *сани*, *счеты*, *тиски*; кстати, у этих имен существительных нет грамматических признаков собирательности. Нечетко определены отдельные подвиды слов, входящих в категорию собирательности (например, имена существительные с вещественно-собирательным значением, имена существительные с отвлеченно-собирательным значением). Н. А. Янко-Триницкая отметила, что отнесение в обсуждаемой грамматике к собирательным именам существительным большого количества слов определяется не грамматическими принципами, а семантическими. Так, например, в число собирательных существительных попадают слова: *хвоя* (хвойные деревья), *неприятель* (войска противника), *мусор*, *сор* и т. п.

Проф. А. Н. Гвоздев указал на некоторую нечеткость родовой классификации имен существительных. Отдельный параграф посвящен вопросу о родовых различиях у парных названий лиц и животных. Следовало выделить только образование названий лиц, образование же названий животных не имеет никаких особенностей, и поэтому его не следовало выделять. Не оправданным необходимостью, по мнению А. Н. Гвоздева, является осуществленное в грамматике изменение принятой нумерации склонений имен существительных. Даже если подходить к этому вопросу с точки зрения истории русского языка, то склонение основ на *-а* можно считать основным, так как оно во множественном числе повлияло на другие типы склонений.

На ряд недостатков главы «Имя прилагательное» указали в своих выступлениях С. Е. Крючков и Н. А. Янко-Триницкая. В основу определения значений качественных и относительных имен прилагательных, полагает С. Е. Крючков, положены различные семантические принципы. Неправильным, по его мнению, является определение усеченных форм прилагательных как искусственных, употреблявшихся только по требованию рифмы или ритма: на самом деле употребление этих форм определялось, вероятно, стилем произведения. В § 483 (стр. 290) среди качественных прилагательных, обозначающих состояние, помещены прилагательные *женатый* и *вдовый*. С. Е. Крючков полагает, что эти прилагательные не качественные, а относительные. С. Е. Крючков отметил непоследовательность определения отглагольных прилагательных с суффиксом *-м-* (*-им-*, *-ем-*, *-ом-*) в разных главах грамматики. Так, в главе «Имя прилагательное» в § 495 (стр. 308) эти прилагательные определены как образовавшиеся из страдательных причастий настоящего времени, перешедших в прилагательные при объединении с отрицанием *не*. В разделе «Словообразование имен прилагательных» (§ 568, стр. 355) эти же слова определены не как причастия, перешедшие в прилагательные, а как прилагательные. В главе «Глагол» указанные прилагательные также определены как прилагательные, а не как страдательные причастия (§ 798, стр. 512). На стр. 320, 323 и 331 противоречиво квалифицируется морфологический состав прилагательных с суффиксом *-ий*. Не совсем правильно, отметила Н. А. Янко-Триницкая, раскрывается в главе «Имя прилагательное» употребление падежных форм имени прилагательного. «Имена прилагательные,— сказано в грамматике,— изменяются по родам (только в единственном числе), падежам (только полные формы прилагательных) и числам, согласуясь с именами существительными, к которым они относятся...» (§ 475, стр. 282). Из этого определения следует, что падежная форма прилагательного определяется падежной формой имени существительного, с которым данное прилагательное согласовано. Следовало бы указать, что в некоторых случаях падежная форма прилагательного не обусловлена формой имени существительного (ср. употребление форм именительного и творительного падежей в составе сказуемого: *он был веселый*, *он был веселым*).

Касаясь положений, изложенных в главе «Имя числительное», А. В. Хлебникова отметила разнобой в трактовке числительных по их составу. Так, в § 607 (стр. 368) к составным числительным отнесены числительные типа *пятнадцать*, *двести*, а к сложным — числительные типа *двести восемьдесят*, *сто тридцать шесть*, в то время как в § 626 (стр. 386) числительные типа *сто двадцать четвертый* названы составными порядковыми числительными. Такая несогласованность терминологии, а также ничем, видимо, не оправданный отход от традиционного деления числительных по составу дезориентируют читателя, в том числе преподавателей средней школы.

Учение о глаголе, сказал канд. филол. наук Н. Н. Прокопович, разработано в грамматике очень подробно, глава «Глагол» содержит много ценного материала. Однако следовало бы расширить данное в этой главе определение глагола, описать подробнее его синтаксические функции. В грамматике дается новое по сравнению с традиционной, в частности школьной, грамматикой и соответствующее данным современной науки понимание категории вида глагола, определение категорий несовершенного и совершенного видов. Однако не совсем удачно распределен соответствующий материал. Следовало бы четче разграничить те способы образования глаголов, в процессе которых происходит изменение их только по видам, и другие способы словообразования глаголов.

Критические замечания, относящиеся к главе «Глагол», высказал в своем выступ-

лении доц. И. П. Мучник. Касаясь общего определения глагола, И. П. Мучник выразил мнение, что глаголы называют не действие, как это сказано в § 664 (стр. 409), а вообще процесс. Проводимая в грамматике точка зрения на систему залогов, по мнению И. П. Мучника, является несколько противоречивой. Значение залогов определено как выражение отношений между субъектом и объектом. Определение же отдельных залогов строится на других основаниях. Подробный анализ специфики залоговых форм русского языка очень трудно построить, исходя из принятой в грамматике системы трех залогов: действительного, страдательного и возвратно-среднего. Действительный и страдательный залоги — наиболее четко противопоставляемые категории, чего нельзя сказать о возвратно-среднем залоге. Страдательное значение пересекается с рядом других значений глагольных форм с суффиксом *-ся*. В качестве примера недостаточной выдержанности принятой в грамматике системы залоговых значений И. П. Мучник указал на то, что глаголы типа *жечься*, *кусаться* поставлены в один ряд с глаголами типа *стучаться* (образованными присоединением суффикса *-ся* к непереходному глаголу); между тем эти глаголы принципиально несоотносительны. И. П. Мучник сделал также ряд частных замечаний к параграфам, посвященным категориям вида и наклонения глагола.

Некоторым вопросам освещения в «Грамматике русского языка» учения о предлогах посвятила свое выступление Н. И. Тарабасова. Тема «Предлог», сказала она, задумана глубоко; в соответствующей главе говорится о значениях предлогов, их образовании, синонимике, употреблении в речи. Однако не все эти вопросы раскрыты с должной полнотой. Так, например, в § 989 сказано, что «значение предлога выясняется как в связи со значением имени, с которым он сочетается, так и в связи со значением того слова, которое при помощи предлога управляет именем» (стр. 652—653), но эта правильная и интересная мысль не находит своего раскрытия и подтверждения в дальнейшем изложении. Не нашло должного освещения также высказанное в книге акад. В. В. Виноградова «Русский язык» положение о том, что разные предлоги имеют разную степень лексической значимости, что подтверждается и представленным в главе материалом. Недостаточно раскрытым оказалось также то положение, что степень лексической значимости предлогов неодинакова при именном и глагольном управлении. На отсутствие грамматической характеристики предложных сочетаний во вводной части грамматики указал в своем выступлении и С. Е. Крючков.

Касаясь глав, посвященных словообразованию частей речи, и подчеркнув, что система русского словообразования впервые с такой полнотой представлена в настоящей грамматике, Н. Н. Прокопович и С. Е. Крючков указали на некоторые недосмотры и неточности, допущенные в этих главах. Так, неполно, по мнению Н. Н. Прокоповича, описаны основные способы образования сложных слов; не определены такие понятия, как связанные основы, производные и непроизводные основы. Вопросы словообразования глагола освещаются в трех разделах главы «Глагол»: в связи с учением о видах, о классах глаголов и при описании глагольных приставок. Необходимо было бы поместить в грамматике раздел, обобщающий эти сведения. В § 689 (стр. 427— 428) не определено с достаточной четкостью, являются ли видовые формы глагола разными словами или формами одного слова.

Выступивший в конце заседания проф. А. Б. Шапиро обратился ко всем присутствующим с просьбой сообщать в Сектор русского литературного языка Института языкознания АН СССР о всех недостатках «Грамматики русского языка», которые будут замечены. Все подобного рода замечания будут рассмотрены и по возможности учтены при переиздании грамматики. Среди замечаний, высказанных на настоящем заседании, есть такие, которые следует принять безоговорочно; отдельные поднятые здесь вопросы требуют особого обсуждения (например, вопрос о правомерности помещения в грамматике раздела «Фонетика»); есть среди замечаний и такие, с которыми нельзя согласиться (например, предложение об изменении принятой в данной грамматике нумерации склонений, ряд замечаний о глаголе, высказанных И. П. Мучником, и некоторые другие).

Для авторов грамматики, сказал А. Б. Шапиро, ясно, что книга нуждается в доработке, в уточнении и развитии отдельных положений. При доработке настоящей грамматики должен быть усилен момент нормативности. Следует, однако, подчеркнуть, что установка на нормативность вызывает большие трудности, и вряд ли удастся успешно и полно определить норму для всех случаев, представляющихся спорными.

В. П. Сухотин в своем заключительном слове отметил, что широкое обсуждение «Грамматики русского языка» весьма важно для решения многих основных теоретических проблем советского языкознания. В процессе обсуждения грамматики были подняты такие существенные проблемы, как проблема описательной и исторической грамматики, проблема языка как системы, проблема формы слова, проблема частей речи и других грамматических категорий, проблема взаимоотношения лексики и грамматики, словообразования и словоизменения и др.

Особенно ценно участие на настоящем заседании представителей учительства. Необходимо в дальнейшем, при составлении труда, подобного академической «Грамматике русского языка», учитывать запросы учительства. Весьма актуальной проблемой

является проблема взаимоотношения научной и школьной грамматики. Имеющиеся в настоящее время противоречия и расхождения между школьной и научной грамматикой недопустимы. Разрешение тех вопросов, которые были поставлены в процессе обсуждения I тома грамматики, будет способствовать ликвидации указанных противоречий и расхождений.

Е. А. Иванчикова

О МОЛДАВСКОМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ

И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания», показав антинаучность основных положений Н. Я. Марра о языке и диалектах, по-новому раскрыл само понятие территориального (местного) диалекта, отграничил его от понятия классового диалекта — жаргона — и указал на то, что территориальные диалекты имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. В связи с этим товарищ Сталин отметил также значительную роль территориальных диалектов в образовании языка народности и национального языка, а также в формировании его литературной нормы.

В нашей стране изучению диалектов младописьменных языков и диалектологической работе, особенно в тех национальных республиках, где происходит процесс фиксирования литературной нормы, придается исключительное значение. Отсюда понятно, что в Молдавии изучение местных говоров представляет не только теоретический интерес, но и в первую очередь имеет практическое значение. Определение ведущего территориального диалекта и его тщательное изучение поможет исследовать пути обогащения литературного языка за счет питающей его почвы — народных говоров.

Изучение молдавских диалектов и говоров для составления диалектологического атласа молдавского языка начато еще в 1947 г. Руководство всей диалектологической работой осуществляет Институт истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР. Несмотря на довольно значительный срок работы (около пяти лет), обследованы лишь центральная часть Молдавии, Поднестровье от Сорок до Слободзеи, Кагульский район и еще несколько небольших районов. Остаются необследованными вся западная часть Молдавской ССР, а также южные районы. Что касается говоров, находящихся за пределами Молдавской ССР, то вопрос о необходимости их изучения по существу до сих пор не решен. Еще хуже обстоит дело с публикацией диалектологического материала. За все время опубликован лишь автореферат кандидатской диссертации Ф. И. Кожухарь[1] и ее же статья[2]. Остальные собранные материалы лежат без движения в архивах института. Особенно отчетливо недостатки работы молдавских диалектологов были вскрыты во время Объединенной научной сессии Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР (декабрь 1951 г.). Сессия обязала молдавских языковедов коренным образом улучшить и ускорить работу по собиранию материала для диалектологического атласа.

Каковы же причины слабого развертывания диалектологической работы в Молдавии? Их, по нашему мнению, две. Во-первых, это недостаточно четкая и продуманная практическая организация сбора материала. Так, например, до настоящего времени в диалектологической работе принимают участие только работники Института истории, языка и литературы, научные же работники из других учреждений, студенты молдавских вузов, учителя к диалектологической работе почти не привлекаются. Случайным был также и выбор пунктов, где производился опрос. Участники экспедиции не были организованы в отряды, а работали часто поодиночке, что значительно затрудняло сбор и обработку материала. Работа поодиночке позволяла пользоваться лишь порочным методом прямого опроса, который, естественно, не давал надежных сведений. Почти не использовалась механическая запись речи. Слабо проводилось монографическое описание отдельных говоров. И, наконец, институт не организовал публикацию добытых диалектологических материалов. Последний факт является очень серьезным препятствием к дальнейшему развертыванию и улучшению диалектологической работы.

Второй основной причиной неудач молдавских диалектологов является недостаточное, а иногда и неправильное научное планирование всей работы. Центральное место в этой подготовительной работе занимало составление вопросника. Вопросник, которым пользовались молдавские диалектологи, составлен в 1948 г. и вплоть до

---

[1] Ф. И. Кожухарь, Лексика южных говоров молдавского языка, «Ученые записки Ин-та истории, языка и лит-ры Молдавской науч.-исслед. базы АН СССР», т. II, Кишинев, Гос. изд-во Молдавии, 1949 [на молдав. яз.].

[2] Ее же, К вопросу об употреблении времен изъявительного наклонения в центральных говорах молдавского языка, сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», Кишинев, «Шкоала советикэ», 1951, стр. 79—98.

1952 г. переработке не подвергался. Новая редакция вопросника, использованная при сборе диалектологического материала летом 1952 г. сохраняет в основном вопросы старого варианта. Поскольку основная масса диалектологического материала, который все еще остается необработанным, собрана на основе использования первой редакции вопросника, мы и остановимся на недостатках именно этого варианта. Выявление этих недостатков поможет правильно обработать и картографировать указанный материал. В программе имелось значительное число вопросов, которые ничего не дают для составления карт, хотя, может быть, и представляют некоторый интерес для описания говоров.

Примером может служить вопрос на выявление формы притяжательного артикля (№ 123). Известно, что все молдавские говоры дают единую форму (*а*) для притяжательного артикля, поэтому картографировать данный признак нет необходимости. То же можно сказать и о некоторых других пунктах программы (например, о вопросах № 119, 124, 129, 158, 159, 178 и др.). Вообще, правильному составлению вопросника мешает и абсолютно нигилистическое отношение к работам румынских диалектологов. Несмотря на все недостатки, а иногда и тенденциозность румынских диалектологических атласов, знакомство с ними помогло бы молдавским диалектологам избежать в своей программе лишних вопросов, о которых мы только что говорили.

Но, наряду с отсутствием тщательной предварительной подготовки программы в смысле обобщения уже собранных диалектных данных и игнорированием данных, собранных румынскими диалектологами, основную причину неудачи в составлении вопросника следует искать в общих методологических ошибках марровского толка, которые допускали ведущие молдавские языковеды. Так, представление некоторых из них о смешанном (славяно-романском) характере молдавского языка нашло свое отражение в ряде вопросов программы. Например, авторы программы (см. вопрос № 121) пытались доказать преимущественное распространение в молдавских диалектах славянского порядка слов в вопросительном предложении (*Че ту фачь?* вместо литературного *Че фачь ту?* «Что ты делаешь?») или в группе прилагательное-существительное (*Ун бун ом* вместо *Ун ом бун* «Хороший человек»). Этими же соображениями объясняется, очевидно, введение в программу ничего не дающих с точки зрения диалектологии вопросов (№ 39, 160—163), посвященных употреблению некоторых географических названий (Польша, Китай, Япония).

Отрицание некоторыми молдавскими лингвистами романской специфики молдавского языка и его тесных генетических связей с румынским языком, а также с балкано- и истро-румынскими диалектами явилось причиной того, что при создании вопросника не учитывались многие проблемы исторической диалектологии, общие для всех дако-романских языков. Так, например, и в старом и в новом вариантах программы не нашли своего отражения явления так называемого ротацизма, назализации гласных, употребления артиклей, а также формы и употребление времен глаголов и т. д., зато она была излишне перегружена вопросами по некоторым менее важным явлениям. Так, произношению неударенного *а* (*э*) было посвящено 11 пунктов, трактовке неударенного *и*—5 пунктов, дифтонгизации ударенного *а* — 6 пунктов, произношению *ч* — 7 пунктов и т. д., а ведь по своему объему программа весьма ограничена (всего 178 вопросов).

В программе значительное место уделялось фонетике и лексике, зато грамматика (особенно явления морфологии) была представлена гораздо слабее — всего 33 вопросами.

Вызывает недоумение расположение некоторых пунктов программы. Например, почему-то были включены в раздел синтаксиса вопрос № 126 (обращение к женщине) или вопрос № 122 (фразеология *ынтрун час ка ачела* «в такой час»), в разделе фонетики находились чисто морфологические вопросы № 55, 56, 57. Наоборот, в разделе морфологии встречались лексические и фонетические вопросы (№ 110, 113). Не была разработана единая система транскрибирования. Не только каждый из участников экспедиций пользовался своей транскрипционной системой, но и в записях отдельных диалектологов обнаруживается большой разнобой[3]. Все эти недостатки должны быть учтены при обработке и картографировании материала.

Однако было бы глубоким заблуждением полностью зачеркивать всю работу, проделанную молдавскими диалектологами. В результате этих исследований определены в общих чертах и разграничены типы молдавских говоров — центральный (Кишинев — Оргеев), южный (Измаильская обл. УССР и юго-западная часть Молдавской ССР), северный (Бельцы — Сороки — Хотин) и северо-восточный левобережный (от Каменки до р. Ягорлык). По некоторым проблемам (например, палатализация согласных) собран солидный материал, касающийся центральных и некоторых левобережных говоров. Этот материал нуждается в скорейшем опубликовании. Вообще было бы

---

[3] Ср., например, запись диалектных примеров в вышеупомянутой статье Ф. И. Кожухарь «К вопросу об употреблении времен изъявительного наклонения ...».

целесообразнее рассматривать обе редакции программы как подготовительные для создания расширенного вопросника «Большого диалектологического атласа молдавского языка». Разумеется, многие разделы нынешней программы, правда, в сокращенном виде, могли бы войти в расширенный вопросник. Больше того, было бы очень желательным скорейшее составление пробного малого диалектологического атласа на основании уже собранного материала. Пробный атлас сыграл бы основную роль в подготовке развернутой программы большого атласа.

Наряду с изданием пробного атласа необходимо организационно упорядочить диалектологическую работу в Молдавии. Здесь можно предложить следующие мероприятия.

При подготовке программы представляется целесообразным: а) освоение уже собранных материалов, которое должно привести к изданию пробного атласа; б) проведение разведки еще не обследованных районов — крайнего севера Молдавии, молдавских поселений Измаильской, Одесской, Винницкой, Черновицкой, Днепропетровской областей УССР, Закарпатья, Донбасса, а также села Леселидзе Адлерского района, Краснодарского края; в) критическое изучение данных румынских атласов (большого и малого, а также атласа, вновь издающегося в Румынии под ред. проф. И. Иордана), разумная и критическая координация молдавской программы (на последнем этапе ее создания) с румынскими вопросниками.

Работа по составлению программы должна вестись под единым руководством Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР. К этой работе должны быть привлечены романисты Москвы, Ленинграда, Украины (Киев, Черновицы), а также научные работники-филологи всех молдавских вузов, включая периферийные учительские институты. Это даст возможность одновременно с разработкой вопросника подготовить кадры руководителей диалектологических отрядов в период сбора материала. Подготовка вопросника большого атласа должна занять, таким образом, около полутора лет.

Сбор материала после того, как программа будет окончательно утверждена, должен проходить также по строго разработанному плану. Составить этот план окажется возможным лишь в ходе разработки программы, причем для равномерного распределения работы всю территорию распространения молдавского языка следует разделить на участки или квадраты. Границы квадратов вовсе не должны совпадать с примерными границами говоров или с административными границами. Диалектологическую работу в пределах квадрата должен вести определенный коллектив диалектологов (бригада), составленный из научных работников, аспирантов, студентов определенного учебного заведения или научно-исследовательского института. Примерно можно говорить о следующих участках или квадратах:

1. Закарпатско-Черновицкий квадрат — работу ведет Черновицкий университет.
2. Северный квадрат (Липканский, Бричанский, Окницкий, Единецкий, Тырновский, Братушанский, Рышканский, Болотинский, Глодянский, Бельцкий районы) — работу ведет Бельцкий учительский институт.
3. Северо-восточный квадрат (Атакский, Дрокийский, Згурицкий, Сорокский, Вертюжанский, Флорештский, Котюжанский, Резинский районы) — работу ведет Сорокский учительский институт.
4. Левобережный квадрат (Каменский, Рыбницкий, Дубоссарский, Григориопольский, Тираспольский, Слободзейский районы, а также населенные пункты с молдавским населением в Винницкой и Одесской областях и молдавские села Донбасса и Днепропетровщины) — работу ведет Тираспольский учительский институт.
5. Центральный квадрат (Районы центральной части Молдавской ССР).
6. Юго-западный квадрат (Леовский, Баймаклийский, Кагульский, Кангазский, Тараклийский, Вулканештский районы).
7. Южный квадрат (Измаильская обл. УССР).

В последних трех квадратах работу ведут по выбору бригады Института истории, языка и литературы, Кишиневского университета и Кишиневского пединститута. Особая группа должна обследовать черноморский говор. Общее руководство должно быть, разумеется, возложено на Институт истории, языка и литературы.

Бригаду, обслуживающую определенный квадрат, составляет несколько отрядов, ведущих работу в определенных «подквадратах». Каждый отряд должен возглавляться квалифицированным научным работником-диалектологом, участвовавшим в составлении программы и потому хорошо ориентирующимся в ее деталях; кроме того, в состав отряда должны входить три — четыре студента, прошедшие подготовку по этой программе в специальном диалектологическом семинаре при своем учебном заведении. Во время экспедиции отряд работает в течение двух месяцев в году на определенном участке своего «подквадрата», базируясь на один населенный пункт. Так, предположим, что тираспольская бригада будет состоять из трех отрядов. Первый работает в Тираспольском, Григориопольском и Слободзейском районах, второй — в Рыбницком, Григориопольском и Каменском районах, третий — на Украине. В первый год своей работы рыбницкий отряд может работать в южной части Рыбницкого района. Базой его в этом случае может быть село Жура, откуда будет произведено обследование 6—7 пунктов

района. В следующий год работы отряд передвинется на север, где также будет базироваться на один пункт, и так далее.

Подобная организация поможет, наряду с составлением атласа, вести монографическое описание говоров. Это могло бы быть предусмотрено индивидуальными годовыми научными планами участников экспедиции: монографическое описание говора (кандидатская диссертация) для руководителя отряда — преподавателя или аспиранта; описание отдельного фонетического, грамматического или лексического явления говора для члена отряда — студента — курсовая или дипломная работа[4].

Сбор материала должен вестись методом косвенного опроса нескольких информаторов[5]. Записи должны обрабатываться в этот же день. Картографирование (по квадрату) проводится работниками бригады после окончания экспедиции. Окончательная редакция карт и создание общей карты, разумеется, должны происходить в Институте истории, языка и литературы. Эта организация позволит обеспечить быструю обработку материала и параллельное картографирование, что значительно ускорит создание большого молдавского диалектологического атласа.

Несколько слов о научной разработке программы. Предварительное знакомство с молдавскими говорами показывает их значительную дифференциацию, что объясняется прежде всего различием источников колонизации Молдавии в XV—XVI вв. Так, северная и центральная часть Молдавии были заселены выходцами из различных районов Марамуреша[6], Трансильвании, Буковины и Молдовы, на крайнем юго-западе и в нынешней Измаильской области оказалось немало переселенцев из Добруджи и Валахии. Таким образом, на юге молдавский язык издавна находился во взаимодействии с валашскими (румынскими) говорами.

Это древнее молдаво-валашское взаимопроникновение усложнило структуру южномолдавских говоров, в результате чего в одних и тех же пунктах на юге Молдавской ССР и в Измаильской области параллельно сосуществуют древние валашские и молдавские диалектные черты. В свою очередь и молдавская колонизация на севере и в центре Молдавии была далеко не однородна. Об этом говорят, в частности, примеры ротацизма в молдавских говорах (ср. формы *пырэ* вместо *пынэ*; *арин* вместо *анин*; *урчор* вместо *улчор*; *мэ примбл* вместо *мэ плимбл*), встречающиеся в речи отдельных молдаван из самых различных районов[7].

Равным образом, в говорах одних и тех же населенных пунктов сосуществуют различные типы палатализации (*гине, дине*; *пкишор, кишор, тишор*), наконец, в одних и тех же населенных пунктах встречаются варианты *барбат, бырбат* (преимущественно в центральной Молдавии); наряду с древней внутренней дифференциацией говоров, сильно осложняет дело лексико-фонетическое напластование румынских элементов в период оккупации Бессарабии. Оно прослеживается в основном у мужчин-молдаван от 25 до 50 лет, обучавшихся в румынской школе и побывавших в румынской армии. Чаще всего румынские элементы встречаются в говорах крупных населенных пунктов (особенно, разумеется, в городах), в юго-западных районах Молдавии и по правому берегу Днестра, в бывшей пограничной полосе, где были густо расположены румынские армейские и пограничные гарнизоны[8]. Кроме того, при картографировании отдельных явлений диалектологам придется столкнуться с отчетливой возрастной и профессиональной дифференциацией говоров, связанной с постепенным «перемалыванием» местных диалектов и подчинением их литературному языку. Особенно заметно это явление в Рыбницком и Каменском районах[9].

---

[4] Примерный перечень языковых явлений, которые, по нашему мнению, должны войти в программу, см. ниже.

[5] См. подробнее о методах сбора материалов в статьях С. Б. Бернштейна: «Лингвистический атлас болгарских говоров СССР». («Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.— Л., 1949, вып. 3, стр. 245—253) и «Болгарский лингвистический атлас», («Вестник АН СССР», М., 1948, № 2, стр. 119—122).

[6] См. об этом T. Papahagi, Graiul şi folclorul Maramureşului, Bucureşti, 1925 и М. В. Сергиевский, *Проблема происхождения и развития молдавского языка в свете данных языкознания*, «Ученые записки Ин-та истории, языка и лит-ры Молдавской науч.-исслед. базы АН СССР», т. I, Кишинев, Гос. изд-во Молдавии, 1948.

[7] Мне приходилось встречать ротацизованные формы в селе Михайловка (Рыбницкий р-н), в селе Новоаненах (Бульбокский р-н), в Згурице и у черноморских молдаван.

[8] Так, например, румынский элемент ощутим в Кицканах (село, расположенное на правом берегу Днестра, против Тирасполя), где находится монастырь Поу-Нямц, а до 1940 г. стоял большой румынский пограничный отряд; зато села, расположенные на запад от Кицкан (Поповка, Каушаны, Ермоклия и т. д.), дают чистую молдавскую речь.

[9] В речи женщин старше сорока лет и глубоких стариков встречаются, например, формы *зин, зите*, у остальных — *жин, жите*; в речи сельской интеллигенции и школьников — *вин, вите*.

Наконец, необходимо принять во внимание и ассимиляцию молдаванами славянского населения. На севере Молдавии, в Буковине и Закарпатье, славянский субстрат имеет древнее происхождение — он восходит к концу XV и XVI в. Этот старый славянский субстрат дал свои отложения в лексике северомолдавских говоров. Вместе с тем следует учитывать славяно-молдавское этническое смешение XIX и XX вв., связанное с массовым переселением в Бессарабию крестьян с Украины, из Польши и центральных областей России. Следы этого контакта обнаруживаются особенно отчетливо в лексике говоров Поднестровья и южной Молдавии. Характерно, что речь тех переселенцев, которые сравнительно недавно (во втором, третьем поколении) восприняли молдавский язык, часто ближе к литературной норме, чем речь коренных молдаван. Большой атлас должен показать эту сложность формирования отдельных диалектов, их взаимоотношения с литературным языком, отразить процессы, происходящие в современных молдавских говорах, показать тенденции их развития. В связи с этим при записи отдельных явлений необходимо будет привлекать несколько информаторов (не меньше пяти-шести), предварительно отобранных из разных возрастно-половых и профессиональных групп. Вместе с тем нужно будет разработать систему записи и картографирования этих комбинаций дублетных форм в говорах одного и того же пункта[10].

Сейчас трудно говорить о содержании будущего вопросника большого атласа; можно лишь наметить его общие контуры. По нашему мнению, программа большого молдавского диалектологического атласа должна отразить следующие вопросы.

В области фонетики:

1) трактовку неударенных *а*, *э*, *е*, *о*, *у*, переход неударенного *е* в *и*, чередования *ы* и *и*, чередования и совпадения *ы* и *э*;
2) трактовку начальных *о*, *и* и *ы*;
3) трактовку ударенных *е*, *ы*, *и*, а также *а* и *о*;
4) судьбу дифтонгов *еу* и *эу*;
5) назализацию гласных *ы*, *и*, *у*;
6) различные формы палатализации губных согласных и связанные с ними чередования переднеязычных и заднеязычных (ср. формы *бине — дине — гине*, *пятрЭ — тятрэ — кятрэ*, *сэ фие — сэ шие — сэ сие — сэ хие*);
7) трактовку аффрикат *дж*, *дз*, *ч*;
8) явления ротацизма.

Уже на основании предварительного изучения молдавских говоров установлено, что перечисленные фонетические процессы охватывают далеко не все слова и морфологические формы[11]. Поэтому при составлении программы следует проверять каждый из указанных фонетических процессов на ряде грамматических форм и слов, взятых из различных тематических, стилистических и словообразовательных групп.

При составлении лексической части программы следует обратить внимание на терминологию сельского хозяйства, на бытовую лексику, связанную с названиями частей дома, домашней утвари, одежды, и т. п. Особая группа вопросов должна охватывать термины родства, названия древних обычаев, верований, вообще этнографическую терминологию. При этом необходима координация молдавского вопросника с материалами румынских атласов и монографических описаний говоров Трансильвании и Марамуреша, связанных исторически и этнически с Молдавией. Точное описание языковых связей молдавских говоров с указанными румынскими диалектами даст ценный материал для решения вопроса о формировании молдавской народности. Совершенно необходимо учесть материалы по изучению юго-западных украинских диалектов, а также болгарских говоров Молдавии и Измаильской области. Дело в том, что ряд фонетических и лексических форм, характерных для тех или иных молдавских диалектов, встречается в соседних с ними болгарских и украинских диалектах.

Примером могут служить общие для центральномолдавских и болгарских диалектов фонетические чередования *х — ф* в конце слова (ср. в кубейском болгарском говоре *сух — суф*, *глух — глуф*; аналогичные чередования засвидетельствованы в тираспольском, каушанском, бендерском говорах: *прах — праф*; *вырф — вырх*); чередования *м — н*: во всех болгарских говорах Бессарабии отмечен переход *мие* в *ние* (ср. в этой связи общемолдавскую палатализацию *м* перед *и*: *о мие — о ние*); чередование *з — дз*

[10] Здесь можно использовать систему картографирования С. Б. Бернштейна, применяемую им для передачи взаимоотношений между различными болгарскими говорами в одном и том же населенном пункте. См. его статью «Лингвистический атлас болгарских говоров СССР», стр. 250—252.

[11] Так, например, палатализация *п* перед *и* отсутствует в предлоге *пи* (*пе*), *в* не превращается в *ж* (*з*) в формах глагола *а вени* (ср. *ел вине*, а не *ел жине*). Палатализация не охватывает лексику терминологического и книжного происхождения (ср. *биневоинцэ*, *пикет*, *петрографие*). Ряд интересных наблюдений в этой области привел в декабре 1951 г. В. П. Коробан в своем выступлении на Объединенной сессии Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и лит-ры Молдавского филиала АН СССР, посвященной вопросам молдавского языкознания.

(в райновском болгарском говоре *дзадни*, *надзат* и т. д.;ср. общемолдавские формы *зы* — *дзы*); наконец, болгарские диалектные чередования *у* — *и* (*жулазо* — *жилазо*; их можно сопоставлять с соответствующим молдавским процессом; ср. *фумее* — *фимее*).

Что касается лексики, то здесь можно указать на такие общие для молдавских и бессарабо-болгарских диалектов формы, как *куркан* «индюк»; болг. *папун*, диалектное молдавское и рум. *пепене галбэн* «дыня»; *беч* «погреб»; *хожяк* (*ходжяк*) «труба»[12].

Наконец, нельзя оставить без внимания и данные польского диалектологического атласа М. Малецкого и К. Нитша[13]. Особенно интересными будут здесь сопоставления в области скотоводческой терминологии.

В грамматической части программы должны быть затронуты, по нашему мнению, следующие вопросы:

1. Варианты в образовании множественного числа существительных (ср. параллельные формы *котурь* — *коате*, *сурорь* — *сорь*, *таты* — *тацъ* — *татэ*).

2. Формы и употребление прономинального артикля (ср. синонимические образования *калу маре*, *калу шэл маре*, *калу ашэл маре*, *калу ачал маре*, *калу эл маре* «большая лошадь» и т. п.; ср. также во множественном числе *чей*, *ший*, *аший* и т. д.).

3. Употребление определенного, неопределенного и «нулевого» артиклей. Значительное количество вариантов употребления и неупотребления артикля дают словосочетания существительное + указательное или притяжательное местоимение (ср. *фийкэ ме* и *фийка ме* «моя дочь» или *фатэ ашее*, *фата ашее* «эта девушка»).

4. Употребление притяжательного артикля (ср. варианты *калу негру а неу* и *калу негру ди-а неу* «моя черная лошадь»).

5. Варианты в образовании различных глагольных форм. Например, глагол *а требуи* «нуждаться» в различных говорах спрягается по-разному: *ел требуе*, *ел требуеште*, *ел требуязэ*; также глагол *а рэспунде* «отвечать»: *ел рэспунде* — *ел рэспундеште*.

6. Морфологические варианты и различия в употреблении конъюнктных и возвратных местоимений.

7. Варианты в формах и в употреблении времен: а) формы будущего времени: *ой кынта*, *ом сэ кынт*, *ом а кынта*, *ом де кынтат*, *кынта вой* «я буду петь»; б) формы прошедшего времени (перфект компус и остаточное употребление форм перфекта симплу); в) различные формы давнопрошедшего времени (*кынтасем*, *авем кынтат*, *ом фост кынтат*, *ерам кынтат*, *фусесем кынтат*).

8. Замена кондиционала посредством конъюнктива — и обратно (ср. ... *дакэ н'ар фи фост дынса* или *дакэ сэ ну фи фост дынсэ* «если бы была не она»).

9. Варианты в употреблении инфинитива и конъюнктива.

10. Различия в правилах согласования времен.

11. Варианты в употреблении прямого дополнения (ср. *л'ом кемат фратиле*, *ом кемат пи фрате*, *л'ом кемат пи фратиле* и т. д. «я позвал брата»).

Наконец, важным условием эффективной работы по составлению молдавского диалектологического атласа является выработка единой системы записи материала.

Р. Г. Пиотровский

---

[12] Болгарский материал заимствован мной из статей С. Б. Бернштейна, Е. В. Чешко, И. К. Буниной, Л. С. Плотниковой, помещенных в «Ученых записках Института славяноведения [АН СССР]», т. II, М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950.

[13] См. M. Malecki a K. Nitsch, Atlas językowy polskiego Podkarpacia, Polska Akademia Umiejętności, Краков, 1934.

СОДЕРЖАНИЕ

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного совета СССР . . 3
В. А. Аврорин. Литературные языки народов Севера и местные диалекты 7
Р. А. Будагов. Основной словарный фонд романских языков и задачи его изучения 28

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. И. Аванесов. К вопросам образования русского национального языка 47
С. И. Ожегов. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху 71

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

Н. Н. Прокопович и Е. А. Иванчикова. О соотношении теории и практики при изучении русского языка в средней школе 82

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Вопросы происхождения украинского языка (автореферат работы Л. А. Булаховского) 101
Н. А. Кондрашов. Серьезные ошибки в диссертациях по языкознанию . . 104

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э. В. Севортян. Об ошибках казахских языковедов 111
Заключение Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР . 119
Б. А. Серебренников. *А. С. Чикобава.* Введение в языкознание, ч. 1 120
Е. А. Бокарев. Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании, ч. I—II 125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. П. Суник. Совещание по языкам народов Севера 132
Из постановления Совещания по языкам народов Севера 139
Е. А. Иванчикова. Обсуждение I тома «Грамматики русского языка» 142
Р. Г. Пиотровский. О молдавском диалектологическом атласе . . . 146

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т-03117 Подписано к печати 6. IV. 1953. Тираж 15000 экз. Зак. 1098
Формат бум. $70\times108^1/_{16}$ Бум. лист. $4^3/_4$ Печ. л. 11,64+1 вкл. Уч.-изд. л. 15,4

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

12 р.

ОТ РЕДАКЦИИ

В журнале «Вопросы языкознания» печатаются статьи, посвященные вопросам общего языкознания, развития языков народов СССР и зарубежных стран, истории отечественного языкознания, разоблачению реакционной сущности буржуазной идеалистической лингвистики, а также дискуссионные материалы по наиболее важным проблемам советского языкознания.

Статьи, опубликованные в других советских или иностранных научных органах, не могут быть напечатаны в «Вопросах языкознания».

Объем статьи не должен превышать, как правило, 1 авт. лист (около 25 стр. машинописи).

Рукописи должны представляться в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанными литературно и подписанными автором, с указанием его фамилии, имени и отчества, места работы и адреса.

Все цитаты и ссылки как в тексте, так и в сносках должны быть обязательно снабжены необходимыми сведениями о работе, на которую автор ссылается. Для монографии указываются: автор, название, место издания, издательство, год, страницы. Для статьи — после названия добавляется описание издания, в котором статья помещена.

Авторская правка в сверстанных листах не допускается.

Статьи представляются в редакцию в двух экземплярах, четко переписанными на машинке на одной стороне листа через два интервала.

Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.